

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»

На правах рукописи

БЕЛОВА ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
БЫТОВОГО КОНФЛИКТНОГО ДИСКУРСА

10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор
Васильев Лев Геннадьевич

Калуга – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. КОНФЛИКТНЫЙ ДИСКУРС В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ.....	8
1.1. Феномен конфликта в науке.....	8
1.2. Общие проблемы изучения дискурса.....	13
1.3. Сущность диалогического общения в отличие от монологического.....	18
1.4. Природа бытового дискурса.....	22
1.5. Конфликт с точки зрения лингвистики.....	30
1.6. Конфликтная ситуация vs. аргументативная ситуация.....	36
1.7. Различные подходы к структурированию дискурса.....	44
1.8. Структура бытового конфликтного дискурса.....	52
1.9. Понятие личности и ее типологии.....	54
1.10. Характеристика языковой личности в бытовом конфликтном дискурсе.....	61
Выводы по главе 1.....	68
ГЛАВА 2. СТРУКТУРА БЫТОВОГО КОНФЛИКТА И ПОВЕДЕНИЕ В НЕМ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ.....	71
2.1. Структура бытового дискурса.....	71
2.1.1. Макроструктура бытового дискурса.....	71
2.1.2. Суперструктурная схема построения бытового диалога.....	81
2.2. Структура и основные составляющие бытового конфликтного дискурса.....	85
2.2.1. Суперструктура диалога с семантикой конфликта.....	87
2.2.2. Макро- и микроструктуры, характерные для бытового конфликтного дискурса.....	93

2.2.3. Анализ бытового конфликтного дискурса по методу проверки аргументации Ф. ван Еемерена.....	103
2.2.4. Средства манифестации глобальных структур в бытовом конфликтном дискурсе.....	110
2.3. Модель конфликтующей языковой личности в бытовом конфликтном дискурсе.....	117
2.3.1. Вербально - семантический уровень конфликтующей языковой личности.....	118
2.3.2. Типы установок конфликтующей языковой личности и ее поведение в конфликте (психологический уровень)...	122
2.3.3. Тактики и стратегии конфликтующих языковых личностей (прагматический уровень).....	127
Выводы по главе 2.....	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	139
БИБЛИОГРАФИЯ.....	144
Приложение.....	165

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению структуры конфликтного дискурса и проводится на стыке научных направлений социолингвистики, теории дискурса, теории коммуникации.

Различным аспектам анализа дискурса посвящен целый ряд работ (М.М. Бахтин, Э. Бенвенист, В.В.Богданов, Т.Г. Винокур, Т.А. ван Дейк, А. Вежбицкая, В.А. Звегинцев, П.В. Зернецкий, В.И. Карасик, М.Л. Макаров и др.).

Проблемой структурирования дискурса занимались и продолжают многие ученые (Т.А. ван Дейк, М. Минский, Ф. Джонсон-Лэрд, П. Тагард, Е. Чарняк, Ч. Филлмор, М. Фуко, Т.М. Дридзе и др.), но, несмотря на обширные исследования в данной области науки, ряд проблем, таких, например, как раскрытие специфических типов глобальных структур, характерных для различных видов дискурса, остается нерешенным.

Этим обусловлена актуальность данного исследования. Актуальность темы также обусловлена не менее важной проблемой исследования особенностей конфликтного дискурса в коммуникативном пространстве, а именно, обращением к речевому поведению оппонентов в конфликтном дискурсе в его типовых моделях.

Объектом данного исследования является бытовой диалогический дискурс с семантикой конфликта.

Предметом исследования является структура, семантика и прагматика бытового конфликтного дискурса.

Цель исследования состоит в установлении типичных для бытового конфликтного дискурса структурно-содержательных и манифестационно-языковых средств и построении на этой основе модели конфликтующей языковой личности.

Этой цели подчинены следующие задачи:

- (1) обозначить основные проблемы исследования конфликта в различных областях науки;
- (2) описать социолингвистические трактовки параметров дискурса;
- (3) охарактеризовать имеющиеся в лингвистике подходы к структурированию дискурса;
- (4) установить макроструктуры и суперструктуры в бытовых диалогах в коммуникативных ситуациях не-конфликтного и конфликтного общения;
- (5) проанализировать языковую манифестацию названных структур;
- (6) провести анализ бытового конфликтного дискурса по методу проверки аргументации Ф. ван Еемерена;
- (7) построить модель конфликтующей языковой личности.

В основу исследования положена гипотеза, которая заключается в том, что в конфликтной коммуникативной ситуации языковые личности придерживаются определенного способа построения коммуникации, характерного только для данного типа дискурса, проявляющегося как на локальном уровне, так и на макроуровне; данный способ построения зависит от социального статуса и психологических особенностей личности.

В качестве методов исследования использовались (а) общенаучные методы – гипотетико-дедуктивный метод для построения гипотезы исследования; метод индуктивного обобщения для построения портрета конфликтной языковой личности; (б) лингвистические методы, такие как метод дискурс-анализа для исследования бытового и конфликтного бытового дискурса и их особенностей, метод структурно-семантического анализа для выделения структур бытового конфликтного дискурса, описательный метод (приемы наблюдения, сопоставления, дифференциации исследуемого языкового материала) и элементы количественного анализа.

Практическим материалом исследования служат бытовые диалоги участников российского телешоу «Дом-2» (1000 диалогов), а также конфликтно-бытовые диалоги участников развлекательных реалити-шоу: «Дом-2» (Россия), «Каникулы в Мексике» (Россия), «America's next top model» (США), «Big broth-

er» (США), «Secret story» (Франция). Общее количество проанализированных конфликтных диалогов составляет 2145, из них 1050 диалогов на русском языке, 612 диалогов на английском языке и 483 диалога на французском языке.

Теоретические положения работы базируются на концепциях известных отечественных и зарубежных исследователей в области:

- коммуникативно-дискурсивной лингвистики (М.М. Бахтин, Э. Бенвенист, В.В.Богданов, Т.Г. Винокур, Т.А. ван Дейк, А. Вежбицка, В.И. Карасик, М.Л. Макаров и др);
- социолингвистики, (Н.А Белоус, И. Н. Горелов, В.А. Звегинцев, В.И. Карасик, Е. С. Кубрякова, К. Ф. Седов);
- лингвистической прагматики и аргументации (Л.Г. Васильев, Т. ван Дейк, Ф. ван Еемерен, И.П. Сусов, С.А. Сухих и др.);

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем проведено многоаспектное исследование бытового конфликтного дискурса, выявлена суперструктура и макроструктура диалога с семантикой конфликта, описаны типы структур, используемых конфликтной языковой личностью в разных коммуникативных ситуациях.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в возможности расширения теоретических представлений об организации дискурса, механизмах его анализа.

Практическая ценность исследования определяется возможностью применения результатов исследования в курсах лекций по общему языкознанию, социолингвистике, теории дискурса.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Бытовой конфликтный дискурс имеет особую семантическую и прагматическую структуру (на макро- и микроуровне). Бытовой конфликтный диалог имеет специфическую суперструктуру, характерную для большинства ситуаций конфликтного общения.

2. Различаются дискурсивный и лингво-психологический типы языковой личности; первый определяется коммуникативными условиями (ср.: конфлик-

тующая личность в условиях конфликтного диалога), второй – ингерентными личностными признаками (ср.: конфликтная языковая личность); любой психологический тип личности в условиях коммуникативного конфликта приобретает черты личности конфликтующей.

3. Предлагается трехуровневая модель конфликтующей языковой личности, включающая вербально-семантический, психологический и прагматический аспекты.

4. Социальный статус (подчинение, доминирование, равноправие) языковой конфликтующей личности влияет на выбор ею языковых тактик и стратегий в конфликтном дискурсе.

5. Для разных психологических типов личностей характерно преобладание той или иной установки в конфликте.

Основные положения диссертации прошли апробацию в выступлениях на ежегодной региональной научно-практической конференции на базе КГУ им. К.Э. Циолковского (2011-2015 гг.), межвузовской научно - практической конференции в КФ МГЭИ (2011 г.), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием в КГУ им. К.Э. Циолковского (2013 г.), Научно-практической интернет-конференции с международным участием на базе ТулГУ (2014), Международных научно-практических конференциях на базе ТвГУ (2014, 2015 гг.).

По теме диссертации опубликовано 15 статей, из них 3 статьи – в изданиях, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Объем и структура работы. Общий объем диссертации составляет 164 страницы, из них 19 страниц библиографии. Работа включает введение, две главы, заключение, библиографический список, приложение.

ГЛАВА 1. КОНФЛИКТНЫЙ ДИСКУРС В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

1.1 Феномен конфликта в науке

Конфликт – одна из форм борьбы за существование, один из механизмов естественного отбора. Конфликт – неизбежное свойство эволюции. «Взаимодействие между видами проникнуто потенциальной неизбежностью конфликта, и большая часть разнообразия репродуктивного поведения между организмами происходит в балансе между конфликтом и сотрудничеством» [Futuyma, 2005, с. 343].

Древнейшие исследования конфликта относятся к философской системе Китая VII-VI вв. до н. э., в которой провозглашается постоянное противоборство присущих материи положительных и отрицательных сторон, приводящее, в свою очередь, к конфронтации их носителей [Анцупов, Шипилов, 2008, с. 11].

Вопросы конфликта затрагивали и древнегреческие философы. Среди них были сторонники конфликта, как, например, Гераклит, который считал, что конфликт неизбежен и необходим. Ему принадлежат следующие слова: «В рождающемся соединяется, из расходящегося – прекраснейшая гармония, и все происходит через борьбу» (цит. по: [Анцупов, Шипилов, 2008, с.11]).

Были также и отрицательные оценки конфликта. Геродот полагал, что «никто настолько не безрассуден, чтобы предпочесть войну миру» (цит. по: [Анцупов, Шипилов, 2008, с.12]).

В трактате Цицерона «О государстве» предлагается разделять насилие на «справедливое» и «несправедливое» и вводится такое понятие, как справедливая война [Цицерон, 1994].

Системный анализ конфликтов (преимущественно социальных) сделал Николо Макиавелли в трактате «Государь» [Макиавелли, 2004]. Он считал конфликт универсальным признаком общества и объяснял его природной порочностью человека.

Мишель Монтень обращался к изучению внутриличностного конфликта и указывал на важность выхода накопившейся в процессе раздражения внутренней энергии [Монтень, 1992].

Ф. Бэкон провел глубокий теоретический анализ причин социальных конфликтов внутри страны, подробно рассмотрел материальные, политические и психологические условия социальных беспорядков, а также возможные способы их преодоления [Бэкон, 1979]. Одной из главных материальных причин возникновения социальных беспорядков, по мнению Ф. Бэкона, является бедственное материальное положение народа.

Ж. Ж. Руссо [Руссо, 1998] предложил теорию общественного договора, суть которой заключалась в предположении о том, что люди в состоянии договориться не предпринимать агрессивных действий друг против друга. По его мнению, источниками конфликтов в современном обществе являются недостатки в его организации, заблуждения и предрассудки людей.

Конфликт как многоуровневое социальное явление был проанализирован в работе А. Смита [1997] «Исследования о природе и причинах богатства народов». В этой работе рассматриваются социальные конфликты, причина которых, с точки зрения автора, кроется в классовой дискриминации.

И. Кант считал, что «состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние... Последнее, наоборот, есть состояние войны, т.е. если и не непрерывные враждебные действия, то постоянная угроза» [Кант, 1966, с. 265].

В работах Ф. Ницше также рассматривается исследуемое понятие. По его словам, конфликт свойственен человеку и всепроникающ, и, возможно, это одна из плодотворнейших сил развития [Ницше, 2008].

Проблема конфликта затрагивается также в религиозных текстах и в народном творчестве в форме многочисленных поговорок и фразеологизмов. В русском языке с интерпретацией конфликтных ситуаций связано свыше 700 фразеологизмов; среди них 21.2% имеют ключевое слово «согласие», а 52.7% - «драка» [Анцупов, Шипилов, 2008].

Первые отечественные научные публикации, посвященные проблеме конфликта, появились в начале 20-х годов XX века. В них проблема конфликта впервые выделяется как самостоятельная, в названиях работ появляется само понятие «конфликт» и его производные. Первая работа в данной области была опубликована в 1924 году. Ее написали П.О. Гриффин и М.И.Могилевский [1924]. Она носила в большей степени социологический характер и была посвящена трудовым конфликтам.

А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов выделяют 3 периода в истории отечественной конфликтологии.

В течение первого периода – до 1924 года – конфликтологические идеи зарождаются и развиваются как практическое знание принципов, правил и приемов поведения в реальных конфликтах, что находит свое отражение в философии, религии, литературе, народном творчестве. В этот же период начинают накапливаться и первые научные знания о конфликтах. Конфликт изучается в рамках права и психологии, но не выделяется как самостоятельное явление.

Второй период (1924-1990 гг.) – время зарождения, становления и развития частных конфликтологических наук – отраслей конфликтологии. Интенсивность исследования конфликта постоянно увеличивается.

Данный период включает 4 этапа.

1924-1934 гг.: появляются работы по проблеме конфликта в правоведении, социологии, математике, социологии, биологии.

1935-1948 гг.: отсутствие публикаций. Это связано с Великой Отечественной войной и обстановкой в стране в целом.

1949-1972 гг.: ежегодно публикуются работы по проблеме конфликта, защищаются первые 25 кандидатских диссертаций, исследования конфликта как самостоятельного явления начинаются в педагогике, исторических и политических науках.

1973-1989 гг.: ежегодно публикуется не менее 35 работ по проблеме конфликта, защищаются первые докторские диссертации.

В период с 1990 года появляются первые междисциплинарные исследования, конфликтология начинает выделяться в самостоятельную науку, наблюдается резкое увеличение ежегодного количества публикаций, создаются центры, группы по исследованию и урегулированию конфликтов.

Итак, библиографический поиск позволил выделить 12 отечественных наук, занимающихся изучением конфликта: искусствоведение, исторические науки, лингвистика, математика, педагогика, политология, правоведение, психология, социобиология, социология и философия. Ранее ведущие позиции в исследовании конфликта занимала психология, но в связи с меняющейся мировой обстановкой вектор конфликтологических исследований сместился в сторону политологии и социологии. Больше внимание уделяется исследованию межэтнических конфликтов [Абрамов, 2005; Барбарян, 2007; Долакова, 2006; Шарафутдинова, 2007; Щербина, 2005] и проблеме терроризма [Белая, 2005; Бикбаев, 2005; Мочалин, 2006; Муфтахова, 2006; Новак, 2006; Паутов, 2006, Сувалов; 2007]. Полученные данные показывают, что проблема конфликта носит ярко выраженный междисциплинарный характер. По теме конфликта, рассматриваемого с позиций различных наук, за последнее десятилетие защищено порядка 225 диссертаций, опубликовано около 300 книг.

Как и в отечественной конфликтологии, в зарубежной науке основной вклад в развитие конфликтологических знаний внесли социологи и политологи.

Но существуют несколько обстоятельств, отличающих западную конфликтологию от отечественной. Во-первых, зарубежная конфликтология представлена значительно более широким спектром подходов к изучаемой проблеме. Только в США конфликтами занимаются десятки исследовательских центров и кафедр в крупнейших университетах. С конца 60-х годов готовятся специалисты уровня бакалавра и магистра по конфликтологии. Издается несколько специализированных журналов. Во-вторых, западная конфликтология имеет преимущественно прикладной характер.

С. Райт Миллс может быть назван основателем современной теории конфликта. По мнению С.Р. Милса, социальные структуры образуются в результа-

те конфликта между людьми с различными интересами и ресурсами. Физические и ресурсы, в свою очередь, находятся под влиянием этих структур и неравного распределения власти и ресурсов в обществе. Миллс утверждал, что интересы элиты (военно-промышленного комплекса) направлены против интересов людей. Он предположил, что политика правящей элиты приведет к повышенной эскалации конфликта, производству оружия массового уничтожения, и, возможно, уничтожению человеческой расы [Кнарр, 1994] .

Джин Шарп, почетный профессор политологии в Университете штата Массачусетс Дартмут, известен своими работами по вопросу ненасильственной борьбы, которые повлияли на многочисленные антиправительственные движения сопротивления во всем мире. В 1983 году он основал Институт Альберта Эйнштейна, некоммерческую организацию, посвященную исследованиям и продвижению использования ненасильственных действий в конфликтах по всему миру [Шарп, 1993]. Ключевой темой для Дж. Шарпа является то, что власть не монолитна, т.е., не вытекает из каких-то особенных внутренних качеств властвующих. Для Дж. Шарпа, политическая власть, власть любого государства, независимо от его конкретной структурной организации, - в конечном счете, идет от субъектов государства. Его глубокое убеждение заключается в том, что любая структура власти опирается на подчинении народа приказу руководителя. Если субъекты не подчиняются, руководители не имеют никакой власти.

Недавние исследования в области конфликта принадлежат Алану Шорсу (канадский социолог). Общество определяется неравенством, которое приводит к конфликту, а не порядку и согласию. Этот конфликт на основе неравенства можно преодолеть только через фундаментальную трансформацию существующих отношений в обществе, и новых продуктивных социальных отношений. Потенциал человека (например, способность к творчеству) подавляется условиями эксплуатации и угнетения, которые являются неотъемлемой частью любого общества с неравным разделением труда. Роль его теории в реализации

человеческого потенциала и трансформации общества, а не в поддержании структуры власти [Sears, 2005].

Дж. Мационис в своем социологическом исследовании предлагает классификацию современных теорий конфликта.

- Критическая теория.
- Феминистская теория: подход, который признает политическое, социальное и экономическое равенство женщин с мужчинами.
- Постмодернистская теория: подход, который критикует модернизм, с недоверием относится к грандиозным теориям и идеологиям.
- Постструктурная теория.
- Постколониальная теория.
- Квир-теория: социологическая теория о природе гендера, получившая распространение в конце XX века.
- Теория мировых систем.
- Теория этнических и расовых конфликтов [Macionis, 2011].

Исследования конфликта в лингвистике, прежде всего, связаны с понятием конфликтного дискурса. Рассмотрим подробно составляющие данного понятия.

1.2 Общие проблемы изучения дискурса

Во второй половине XX в. интересы языкознания отчетливо переместились в сферу языковой коммуникации, результатом чего явились многочисленные междисциплинарные исследования. Основной и, в то же время, самой сложной категорией данных типов исследований является категория дискурса.

Термин *дискурс* был впервые введен в лингвистику Э. Бенвенистом. Дискурс, по его определению, это речь, присваиваемая говорящим, в противоположность повествованию, которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания [Бенвенист, 2002].

Категория *дискурс*, одна из основных в коммуникативной лингвистике и современных социальных науках, как и всякое широко употребляющееся понятие, допускает множество научных интерпретаций. Как утверждает У. Чейф, «продолжает оставаться необходимость модели естественного дискурса, которая объединила бы разнообразные когнитивные и социальные факторы, ответственные за организацию языка. Дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование, сведя дискурс к одному или двум измерениям» [Chafe, 1996, с. 49].

Д. Шифрин [Schiffrin, 1994, с. 20–43] выделяет три основных подхода к трактовке этого понятия.

С позиций формально или структурно ориентированной лингвистики, дискурс рассматривается как язык выше уровня предложения или словосочетания.

Функциональный подход определяет дискурс как всякое употребление языка. Этот подход предполагает обусловленность анализа функций дискурса изучением функций языка в широком социокультурном контексте.

Третий подход подчеркивает взаимодействие формы и функции: «дискурс как высказывания» [Schiffrin, 1994, с. 39–41]. Это определение подразумевает, что дискурс является не примитивным набором изолированных единиц языковой структуры «больше предложения», а целостной совокупностью функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка

П. Серио, в свою очередь, выделяет восемь значений термина «дискурс»: эквивалент понятия «речь», т.е. любое конкретное высказывание; единица, по размерам превосходящая фразу; воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации высказывания; беседа как основной тип высказывания; речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции; употребление единиц языка, их речевая актуализация; социально или идеологически ограниченный тип высказываний, например, феминистский дискурс, административный дискурс; теоретический конструкт, пред-

назначенный для исследования условий производства текста [Серио, 1999, с. 26–27].

В.Е. Чернявская, обобщив различные понимания дискурса в отечественном и зарубежном языкознании, сводит их к двум основным типам: «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве»; «совокупность тематически соотнесенных текстов... Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов» [Чернявская, 2006, с. 75–76].

Е. С. Кубрякова определяет дискурс «как такую форму использования языка в реальном (текущем) времени, которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями» [Кубрякова, 2004, с. 525].

М.Л. Макаров суммирует различные понимания дискурса и показывает основные координаты, с помощью которых он определяется: формальная, функциональная, ситуативная интерпретации. Формальная интерпретация – это понимание дискурса как образования выше уровня предложения. Функциональная интерпретация в самом широком понимании – это понимание дискурса как использования (употребления) языка, т.е. речи во всех ее разновидностях. Ситуативная интерпретация дискурса – это учет социально, психологически и культурно значимых условий и обстоятельств общения, т.е. поле прагмалингвистического исследования. [Макаров, 1998, с. 68–75].

Е.Н. Гуренчик выделяет следующие свойства дискурса как сложного многоуровневого понятия: 1) направленность (развивается во времени, может следовать в разных направлениях); 2) внутренняя диалогичность; 3) включение в контекст (где, при каких обстоятельствах, кем, с какой целью и с какими ре-

зультатами был произведен дискурс); 4) сверхфразовая организация; 5) нормативность [Гуренчик, 2015].

Следует отметить, что перечисленные подходы к пониманию дискурса соотносятся между собой не по принципу оппозиции или альтернативности, а по принципу акцентуации или фокусировки. Их парадигмальные установки не столько конкурируют друг с другом, сколько предлагают ту или иную методологическую оптику, заставляющую фокусировать внимание на определенных аспектах и свойствах дискурса. По сути, нет ни одного «чистого» подхода к дискурсу, в котором бы не встречались элементы других его теорий.

В социальных практиках, по словам Н.Фэрклоу, дискурс имеет три плана выражения.

Во-первых, дискурс – это часть социальной деятельности в рамках социальной практики. Например, частью выполнения работы (к примеру, работы продавца) является использование языка определенным образом; то же можно сказать и об управлении государством (жанры дискурса).

Во-вторых, дискурс выражается в репрезентациях социальной жизни. Социальные агенты в любой социальной практике производят репрезентации других практик, а также «рефлексивные» репрезентации их собственной практики. Они инкорпорируют другие практики в собственную практику. А это значит, что различные агенты будут репрезентировать практики различным образом в зависимости от того, как они позиционируют себя в собственной практике.

В-третьих, дискурс выражается в образах жизни, в утверждении идентичности (стили) [Фэрклоу, 2002].

Н.А. Комина, анализируя дискурс в социолингвистике, в первую очередь опирается на исследования Джона Гамперца и Эрвина Гоффмана. Основную цель своего исследования Дж. Гамперц формулирует как поиск и развитие интерпретативных социолингвистических подходов к анализу процессов, происходящих в реально протекающем в пространстве и времени непосредственном общении [Комина, 1999].

Дж. Гамперц [Gumperz, 1982] отмечает, что для того, чтобы разобраться в сложном взаимодействии и взаимообусловленности языка, мышления, культуры и общества, необходима общая теория вербальной коммуникации, интегрирующая знания о грамматике, культуре и интерактивных конвенциях в единый всеобъемлющий комплекс понятий и аналитических процедур.

Ключевым моментом социолингвистики межличностного общения Дж. Гамперца является видение языка как социально и культурно обусловленной системы символов, которая при её использовании отражает макроуровень социальных значений (например, определение группы, различия в статусе) и создаёт микроуровень социальных значений (например, что говорится и делается в момент речи). В данной теории утверждается, что говорящие являются представителями социальных и культурных групп, что проявляется в особенностях использования ими языка, где манифестируются их принадлежность к какой-либо социальной группе, указание на их статус, коммуникативное намерение и наличие информации о том, как его осуществить. Способность участвовать в процессе межличностного общения и понимать друг друга является частью нашей коммуникативной компетенции.

Вклад Э. Гоффмана в теорию социолингвистики межличностного общения состоит в формулировке сложных организационных и опытных фреймов ситуаций, которые могут манифестироваться через контекстуализационные титры. Другим важным моментом в теории Гоффмана является разграничение между информацией, передаваемой посредством языка, и сопутствующей информацией, передаваемой ненамеренно экспрессивными средствами [Комина, 1999].

В основе данного исследования используется определение, данное В.И. Карасиком: *«Дискурс есть речевой продукт, рассматриваемый как социальное действие, осуществляемое с определенными интенциями, характеризующееся типологически обусловленным коммуникативным пространством»* [Карасик, 2000, с. 17], так как, на наш взгляд, оно наиболее четко определяет исследуемое понятие с позиции социолингвистики.

Под *коммуникативным пространством* вслед за И.П. Сусовым [Сусов, 1989] мы понимаем речевые ситуации, включающие роли говорящего и слушателя, характеристики времени и места коммуникативного акта для говорящего и слушателя, цели говорения, правила согласования этих целей в рамках кооперативного принципа, правила передачи роли говорящего от одного коммуниканта другому.

1.3 Сущность диалогического общения в отличие от монологического

Некоторые лингвисты трактуют дискурс как подчеркнуто интерактивный способ речевого взаимодействия, в противовес тексту, обычно принадлежащему одному автору, что сближает данное противопоставление с традиционной оппозицией диалог – монолог. Само по себе это разграничение довольно условно, потому что наиболее естественным проявлением языковой активности следует считать диалог.

Если диалогическая речь создается путем обмена репликами, исходящими из различных источников, то «монолог представляет собой завершенное высказывание, исходящее из одного источника. Поэтому можно сказать, что в диалогическую речь входят отдельные монологи как развернутые и завершенные по смыслу реплики» [Волков, 2001, с. 18].

Диалогическая речь подразделяется, согласно А.А. Волкову, с точки зрения цели на:

- 1) общий диалог, назначение которого состоит в сопровождении речью совместной жизнедеятельности;
- 2) информационный диалог, целью которого является получение и сообщение новой информации;
- 3) диалектический диалог, который служит цели систематизации полученной информации и в построении картины реальности;
- 4) совещательный диалог, целью которого является совместное принятие решения;

5) игровой диалог, назначение которого состоит в выработке форм выражения мысли в их отношении к типовым действиям и в согласовании действий с высказываниями;

6) обучающий диалог, формирующий знания, умения и навыки, необходимые для деятельности;

7) соревновательный диалог, назначение которого состоит в распределении людей по их компетентности и пригодности к деятельности;

8) командный (управляющий) диалог, назначение которого в непосредственном управлении действиями.

Монолог имеет, как правило, не всегда явную установку на адресата, а также, в отличие от диалога, в меньшей мере рассчитан на быструю речевую реакцию слушателя. Для диалога же характерно обращение к конкретному лицу (лицам), следствием чего является постоянный обмен репликами, демонстрирующий наличие обратной связи, без которой эта форма речи не могла бы существовать. Но здесь нужно обратить внимание и на случаи «диалогизированного» монолога и «монологизированного» диалога. Первый можно объяснить тем фактом, что в монологической речи говорящий, пытаясь повысить активность слушателей, прибегает часто к использованию риторических вопросов, обращений, вводных контактных элементов и пр. При этом реакция слушателей может выражаться, например, в «поддакивании», каком-то телодвижении, в мимике, жесте и пр. «Монологизированный» диалог представляет собой обмен репликами, которые по сути своей являются монологами [Волков, 2001; Якубинский, 1986].

Композиционно монолог значительно сложнее диалога. Вследствие этого для монолога характерна большая развернутость как всего текста, так и отдельных его предложений.

Такие неречевые показатели как мимика, жесты, телодвижения при диалоге гораздо разнообразнее и, порой, даже могут заменить речевую реплику. Но, помимо зрительного, важно и слуховое восприятие собеседника, ориентированное на тон, тембр, высоту голоса, интонацию говорящего и т.п., т.к. эти

характеристики могут придать словам особое значение, иногда даже противоположное буквальному лексическому. Они проявляют бóльшую вариативность также в случае диалога.

Следующее различие монолога и диалога – это темп речи. Очевидно, что быстрее он при диалоге. Одной из причин этого является следующее: говорящий, зная о естественной потребности слушателя высказать ответную реплику, стремится успеть сообщить необходимую, на его взгляд, информацию до того, как его прервут, т.к. перебивы типичны для непринужденного диалога, а также иногда встречаются в официальной беседе. Что касается вопроса о соотношении монолога и диалога в устной и письменной речи, то часто диалог относят к устной речи, а монолог – к письменной. Но такая точка зрения не учитывает все возможные речевые ситуации. На самом деле и монолог, и диалог могут существовать как в устной, так и в письменной речи.

Устная разговорная речь действительно наиболее типична для диалога (например, ситуация повседневного общения людей). Но в ней возможен также и монолог (например, рассказ человека о каком-то событии). При этом отличия его от диалога не будут очень существенными.

Публичная же речь чаще всего монологична (например, выступление на собрании, лекции и т.п.). Диалог в ней, если и присутствует (например, дискуссия), то как «монологизированный», т.е. представляет собой обмен развернутыми текстами, так как участники дискуссии, как правило, заранее знакомы с темой обсуждения.

Для письменной речи характерен монолог, поскольку письмо монологично по природе. Причем письменный монолог является еще более развернутым, чем устный. Но, тем не менее, существует и письменный диалог (правда, не столь распространенный). Примером его может служить обмен записками лиц, сидящих в одной аудитории, а также довольно развивающийся сейчас вид общения через компьютер (электронная почта, электронные конференции) и сотовые телефоны (СМС-сообщения).

Следует, вероятно, признать, что любой текст, как монологический, так и диалогический, предполагает определенную интенцию: он инициируется явно или неявно выраженными запросами. Любая монологическая информация в газете может рассматриваться как реакция на запрос любого читателя «Что нового в мире?». Реплики типа «Расскажи о чем-то», «Что ты думаешь по какому-то поводу» также несут в себе соответствующую интенцию, предопределяющую общее содержание монолога. Монологические тексты целиком планируются и создаются адресатом, к которому поступил соответствующий интенциональный запрос от адресанта. При диалоге адресат не только формулирует общую тему с определенным интенциональным заданием, но и определяет конкретную программу развития темы и, следовательно, текста, неизменным и активным участником построения которого должен быть адресат.

У Е.Н. Ширяева диалог как взаимодействие жанров противопоставляется монологу, который является особым самостоятельным жанром [Ширяев, 2001].

Л.Г. Васильев предлагает подойти к вопросу диалогичности vs. монологичности как к исследовательским методикам. В теоретическом плане лингвистически ориентированное исследование диалога на естественном языке может проводиться отдельно для стратегического и тактического аспектов. При этом принцип исследования в этих аспектах может быть разным; в частности, целеполагающим с приматом кооперативности, ориентированным на установление механизмов снятия разногласий в позициях коммуникантов и концептуальным с приматом анализа, ориентированным на выявление качества аргументации коммуникантов. В таком случае вопрос о сводимости этих понятий друг к другу (или даже о совместимости) требует отдельного теоретического изучения [Васильев, 2004].

Одним из типов диалогического дискурса является бытовой дискурс. Далее рассмотрим данное понятие подробнее.

1.4 Природа бытового дискурса

Существуют различные подходы к классификации типов дискурса. Единого критерия классификации не существует.

В модели ситуации общения, предложенной П. Браун и К. Фрейзером, выделяются обстоятельства и участники общения. В обстоятельствах различаются цель и результат общения, канал общения, хромотопные характеристики. Участники общения характеризуются социально-ситуативными признаками (статус – возраст, пол, социальное положение). Ситуация имеет ролевые признаки и коммуникативные признаки (по типу речевых актов) [Brown, Fraser, 1979].

По сфере общения выделяют следующие типы дискурса: бытовой, научный, политический, деловой, конфессиональный и др. [Сухих, Зеленская, 1998]. Детально деловой дискурс рассматривается в работах Т.Н. Астафуровой [Астафурова, 1996, 1997].

С точки зрения выражаемой интенции различают: информационный дискурс (диалог-интервью), интерпретационный (дискурс самопрезентации), инструментальный (директив, аргументатив), аффилятивный (эмоционально-аффективный характер взаимодействия коммуникантов) и др. [Сухих, 1990].

Д. Франк [Франк, 1986] на основе интенционального критерия выделяет комплементарный, компететивный и координативный типы диалогического дискурса. Основной чертой комплементарного дискурса является дефицит информации у одного из коммуникантов. Компететивный дискурс связан с конкуренцией мнений, знаний партнеров по коммуникации. Координативный раскрывается во взаимодействии коммуникантов для достижения определенного перлокутивного эффекта. В нашем понимании, эти три типа дискурса успешно реализуются в деловом диалоговом общении.

Следуя классификации В.И. Карасика [Карасик, 2002] относительно типов дискурса с позиции социолингвистики, рассмотрим подробнее статусно- и личностно-ориентированный типы.

Статусно-ориентированный дискурс может носить институциональный и неинституциональный характер, в зависимости от того, какие общественные институты функционируют в социуме в конкретный исторический промежуток времени. Так, например, для современного общества релевантны научный, массово-информационный, политический, религиозный, педагогический, медицинский, военный, юридический, дипломатический, деловой, рекламный, спортивный и другие типы институционального дискурса. Статусно-ориентированным является и общение незнакомых или малознакомых людей, например, вопросы к незнакомым людям о времени или о местонахождении какого-либо учреждения.

В.И Карасик [2002] предлагает характеризовать любой тип дискурса по параметрам: участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии. Покажем анализ типа статусно-ориентированного дискурса на примере научного дискурса:

Участниками научного дискурса являются исследователи как представители научной общественности, при этом характерной особенностью данного дискурса является принципиальное равенство всех участников научного общения в том смысле, что никто из исследователей не обладает монополией на истину, а бесконечность познания заставляет каждого ученого критически относиться как к чужим, так и к своим изысканиям. В научном сообществе принято уважительное обращение «коллега», нейтрализующее все статусные признаки. Вместе с тем ученые отличаются своим стремлением устанавливать различные барьеры для посторонних, степени научной квалификации, академические звания и членство в престижных научных сообществах. Хронотопом научного дискурса является обстановка, типичная для научного диалога. Диалог этот может быть устным и письменным, поэтому для устного дискурса подходят зал заседаний, лаборатория, кафедра, кабинет ученого, а для письменного прототипным местом является библиотека. Ценности научного дискурса сконцентри-

рованы в его ключевых концептах (истина, знание, исследование), сводятся к признанию познаваемости мира, к необходимости умножать знания и доказывать их объективность, к уважению к фактам, к беспристрастности в поисках истины. Стратегии, по мнению В.И. Карасика, можно сгруппировать в следующие классы: выполнение, экспертиза и внедрение исследования в практику.

Стратегии научного дискурса реализуются в его жанрах (научная статья, монография, диссертация, научный доклад, выступление на конференции, стендовый доклад, научно-технический отчет, рецензия, реферат, аннотация, тезисы).

В настоящем исследовании первостепенную роль имеет личностно-ориентированный тип дискурса. Он, в свою очередь, подразделяется на бытовой и бытийный. *Бытийный дискурс* имеет развернутый, предельно насыщенный смыслами характер, здесь используются все формы речи на базе литературного языка. Бытийное общение «преимущественно *монологично* и представлено произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами». В.И. Карасик разделяет бытийный дискурс на прямой и опосредованный. Прямой бытийный дискурс представлен в его классификации двумя противоположными видами: смысловым переходом и смысловым прорывом. Смысловой переход имеет в качестве основной композиционно-речевой формы рассуждение, т.е. вербальное выражение мыслей и чувств, их назначением является определение неочевидных явлений, имеющих отношение к внешнему или внутреннему миру человека. «Смысловой прорыв – это озарение, инсайт, внезапное понимание сути дела, душевного состояния, положения вещей. Композиционно-речевой формой смыслового прорыва является текстовый поток образов, своеобразная магма смыслов, разорванных со своими ближайшими ментальными образованиями. ... Континуальное состояние сознания перестраивается и структурируется по новым ориентирам, подсказанным определенными образными опорами. Эта реструктуризация сопровождается сильным эмоциональным потрясением... Подобные тексты требуют не-

однократного повторения, и каждое повторение осознается адресатом как ценный опыт» [Карасик, 2002, с. 240].

Данный тип дискурса представляет большой интерес для лингвистов, но, в нашем случае, не является релевантным в связи с тем, что мы исследуем конфликтный диалогический дискурс.

Наибольший интерес для нас представляет *бытовой дискурс*. Бытовой дискурс *диалогичен* и является генетически исходным типом общения. Общение носит свернутый, «пунктирный», характер, используется разговорная форма речи.

«Бытовой дискурс в максимальной степени близок детской речи: говорящий уверен, что адресат должен понять его в любом случае. Высокая контекстная зависимость языковых знаков в бытовом общении закономерно приводит к тому, что они очень быстро стираются и воспринимаются как клише. Именно поэтому требуется постоянное обновление определенных типов слов, используемых в стандартных ситуациях для передачи эмоций и нечеткого обозначения предметов, явлений, событий, качеств. Такова питательная среда жаргонизмов и сленга» [Карасик, 2002, с. 41].

Бытовое общение протекает между хорошо знакомыми людьми, сводится к поддержанию контакта, беседы, передачи определенной информации и решению насущных проблем. Как правило, это общение происходит в форме диалога, на сокращенной дистанции. Фонетически нормативным считается нечеткое беглое произношение. Важнейшей характеристикой единиц разговорной речи является их конкретная денотативная направленность, эти слова указательны по своему назначению (именно потому они и легко заменяются невербальными знаками), кроме того, в узком кругу хорошо знакомых людей реализуется лимитивная (ограничивающая, парольная) функция общения, коммуниканты используют те знаки, которые подчеркивают их принадлежность к соответствующему коллективу (семейные, групповые слова) и непонятны посторонним [Сиротина, 1983, с. 9]. Поэтому бытовой дискурс отличается тем, что коммуниканты должны понимать друг друга с полуслова, а активная роль адресата

предоставляет отправителю речи большие возможности для быстрой смены темы разговора, для легкого перевода информации в подтекст (ирония, языковая игра, намеки и т.д.), а также для манипуляций [Лахтаренко, 2010] .

Нечеткость произношения коррелирует с семантической нечеткостью единиц: значения слов весьма подвижны, слова легко заменяются на приближенные субституты, это речь, в которой главенствуют местоимения и междометия: «Ну, ты что?» - «Да я вот, тут...» - «А, ну ладно».

Суммируя вышесказанное, определим бытовой дискурс как *диалогическое общение между хорошо знающими друг друга людьми, характеризующееся спонтанностью, сильной ситуативной зависимостью, ярко выраженной субъективностью, нарушениями логики и структурной оформленности высказываний*. Цель бытового дискурса, однако, не так четко определена, как у любого другого типа дискурса.

Ситуация бытового общения складывается из специфических компонентов, которые определяют выбор говорящим именно разговорной разновидности языка.

Согласно Т.В. Рожковой, к трем главным компонентам такой ситуации относятся:

- 1) неофициальные отношения между говорящими, т.е. близкие (дружеские, родственные) или нейтральные;
- 2) отсутствие у говорящих установки на сообщение, имеющее официальный характер (лекцию, доклад, выступление на собрании, ответ на экзамене, научный диспут и т.д.);
- 3) отсутствие элементов, нарушающих неофициальность общения (посторонних лиц, магнитофона для записи речи и т.п.). Именно этими компонентами создается непринужденность общения [Рожкова, 2008].

Кроме перечисленных компонентов ситуации существуют *дополнительные* компоненты, которые также влияют на выбор и построение разговорной речи. К ним относятся: 1) число говорящих и жанр речи (монолог, диалог, полилог); 2) условия осуществления речи (подразделяются на контактные (лич-

ный разговор) и дистантные (разговор на расстоянии, например по телефону). При контактном разговоре собеседники могут использовать жесты и мимику как средства передачи информации; при дистантном используется лишь один канал связи – слуховой); 3) опора на внеязыковую ситуацию (т.е. непосредственную обстановку речи, в которой протекает общение); 4) наличие общего жизненного опыта, общих предварительных сведений у собеседников.

Поскольку «каждая социальная сфера характеризуется единством конструктивных параметров, которые создают систему типовых речевых ситуаций, характерных для данной сферы и неотделимых от неё», следует предположить, что «это проявляется в степени допустимости типов речевых действий...» [Сухих, 1998, с.128].

В результате выполнения речевых, а также неречевых действий, которые зависят от типа дискурса, а вместе с тем и типа социальной сферы, осуществляется мена коммуникативных ролей. Под меной коммуникативных ролей вслед за Г.Р. Власян мы понимаем коммуникативное событие, в центре которого находится говорящая личность «с осознанным намерением управлять ходом чередования ролей как одним из инструментов оказания воздействия на собеседника» [Власян, 2012, с. 103], а также способ организации содержательной структуры разговора. Под коммуникативной ролью, в свою очередь, понимается принятое для той или иной социальной роли коммуникативное поведение; образ, который создается человеком в процессе общения для достижения определенной цели [Стернин, 2001]. Сам характер мены коммуникативных ролей (по инициативе говорящего или слушающего; по признаку отнесённости реплик во времени и т.д.) в большой степени обуславливается типом социальной сферы.

Мена коммуникативных ролей может последовать по инициативе говорящего (посредством прямого или косвенного «назначения» следующего говорящего; посредством совершения первого инициативного хода в обмене типа вопрос – ответ) или слушающего (в случае «нулевой» регуляции, когда сами участники общения «берут слово»).

Схема обмена на практике многократно усложняется и имеет более комплексный вид. Мена коммуникативных ролей, соответственно, осуществляется посредством выполнения инициативного (предписывающего) коммуникативного действия, требующего реактивного (предписанного) действия. Эта схема реализуется при совершении обменов типа: вопрос – ответ; просьба – ответ (действие); приветствие – ответное приветствие и др.

Мена коммуникативных ролей является в данном случае «опривыченной» операцией, обусловленной достаточным социокультурным опытом интерактантов. Это не значит, конечно, что мена не совершается иными способами.

В сфере досуга и семейно-бытовой сфере мена коммуникативных ролей происходит главным образом по инициативе как говорящего, так и слушающего. Вполне возможен и вариант с интерактивным ведущим, в частности, если глава семьи является непререкаемым и абсолютным авторитетом в кругу членов этой семьи.

Какой из способов мены коммуникативных ролей превалирует в данной неформальной интеракции, определяется во многом степенью знакомства интерактантов. Если участники общения давно и хорошо знакомы, то преобладает «нулевая» регуляция мены коммуникативных ролей или же передача коммуникативного хода в результате прямого либо косвенного «назначения» следующего говорящего, а также передача хода в рамках обмена коммуникативными ходами в зависимости от социального мотива интеракции.

Кроме того, мена коммуникативных ролей характеризуется по типу отнесённости соседних реплик во времени. При этом выделяются 3 типа «взятия шага» [Rehbock, 1995, с. 190]: а) мена коммуникативных ролей с *перебиванием*; б) «гладкая» мена коммуникативных ролей; в) мена коммуникативных ролей после *паузы*.

К числу сигналов мены коммуникативных ролей относятся вербальные, паравербальные (темпоральные, мелодические и динамические акценты, силенциальные акты) и невербальные действия (средства кинесики и проксемики).

Многие параязыковые знаки делают речь более эмоциональной и выразительной. Такие свойства присущи, как правило, экспрессивной речи, соответствующей неформальной сфере общения.

Таким образом, следует ожидать того, что в разговорах на семейно-бытовом уровне, а также в сфере досуга количество невербальных сигналов мены коммуникативных ролей существенно возрастёт.

Речевые сигналы мены коммуникативных ролей могут быть социально ориентированными. В этом отношении определённый интерес представляет иллюкутивный потенциал речевых действий (сигналов) мены коммуникативных ролей. Ближайшая социальная ситуация и более широкая социальная среда всецело определяют структуру высказывания. Социальная сфера вполне может определять типы речевых действий при мене коммуникативных ролей.

О мене коммуникативных ролей могут сигнализировать речевые действия директивного, эротативного и констативного типа. С.А. Аристов и И.П. Сусов выделяют особый тип речевых действий регулирующих и структурирующих процесс коммуникации. С.А. Сухих называет такие речевые действия *структивами*, т.е. «действиями, активизирующими внимание слушающего, прогнозирующими включение слушающего в качестве говорящего, прерывание говорящего, ... направленными на сохранение роли говорящего и переключение темы диалога» [Сухих, 1998, с. 39]. Структивы регулируют мену коммуникативных ролей, но регулируют её в разных социальных сферах по-разному.

В неофициальном дискурсе преобладают метакоммуникативные сигналы, *косвенным* образом регулирующие передачу коммуникативной роли. Коммуниканты, хорошо знакомые друг с другом, избегают ритуализованных нормативных ходов, часто в целях экономии времени. Сюда относятся метакоммуникативные элементы, полифункциональные по своей природе.

1.5 Конфликт с точки зрения лингвистики

Межличностные контакты часто осуществляются в условиях конфликта, который является неотъемлемой частью человеческого общения. В последнее десятилетие проведено достаточное количество исследований, посвященных определению, структуре, протеканию, речевому выражению конфликта (В. С. Третьякова, Н. Н. Кошкарова, С. Р. Дадян, О. С. Волкова, Н. А. Белоус, Т. С. Непшикуева и др.). Некоторые авторы трактуют конфликт, исходя из наличия в нем агрессивной тональности и определяя его как наиболее острый способ разрешения противоречий [Анцупов, Шипилов, 1999, с. 535] или как насильственное межличностное противоборство, связанное с сознательным ущемлением нравственного достоинства и потребностей партнера [Сафьянов, 1997]. Конфликт может трактоваться широко как проявление объективных или субъективных противоречий, выражающееся в противоборстве сторон [Дмитриев, 2000, с. 54]. Х. Ребок, определяет конфликт как любую интеракцию, участники которой «оповещают друг друга об антагонистических целях и/или выдвигают различные претензии относительно отношений, ценностей, знаний, оценок и пытаются их защищать или добиваются их осуществления» (цит. по: [Хилалова, 2007, с. 16]). Но под данное определение в той или иной степени подходит любой вид аргументативной деятельности, так как «Аргументация и конфликт – два прочно связанных между собой явления социальной жизни, потому что конфликт является социальной, когнитивной и динамической причиной для того, чтобы его стороны дали старт аргументации» [Лисанюк, 2015, с. 30], следовательно, оно не является достаточным при необходимости разграничения понятий аргументативная ситуация и конфликтная ситуация. Поэтому вслед за В.С Третьяковой мы понимаем конфликт (от лат. *conflictus* - столкновение) как «состояние противоборства двух сторон, в результате которого каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной стороне, экс-

плицируя свои действия вербальными и прагматическими средствами» [Третьякова, 2000, с. 127].

Конфликт может возникнуть только на базе коммуникативного контакта. Как отмечает Н.Г. Комлев, конфликт отсутствует в двух случаях: при идеально слаженной интеракции на основании полного взаимного соответствия, стратегических и тактических интересов общающихся и при отсутствии всякого контакта между ними [Комлев, 1978, с. 90].

Основную роль в возникновении конфликтов играют так называемые конфликтогены, то есть слова, действия (или бездействие), способные привести к конфликту. В ходе конфликта происходит эскалация конфликтогенов: на конфликтоген в его адрес слушающий обычно стремится ответить более сильным конфликтогеном, часто максимально сильным из всех возможных.

По мнению О.А. Гусевой, важную роль в конфликтном дискурсе играет оценочность, проявляющаяся в отрицательной оценке говорящим действий адресата либо ситуации, на которую повлияли эти действия. Оценка в конфликтной коммуникации функционирует как инструмент достижения целей говорящего в силу того, что оценка вызывает не только у адресата, но и у целевой аудитории определенное психологическое состояние и тем самым выступает в качестве паралогического средства аргументации [Гусева, 2009].

Отдельного внимания заслуживает выражение оценки в форме инвективы. Инвектива представляет собой форму выражения агрессии, феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему текста или языковой оборот, воспринимающийся в той иной культуре как оскорбительный для своего адресата. А.П. Костяев выделяет следующие функции инвективы: информативная – используется для формулировки истинных или ложных утверждений; эвокативная – выражая состояние сознания говорящего, оказывая влияние на слушающего для возбуждения у него определенных мыслей, оценок, стремлений к каким-то действиям; коммуникативная – наличие адресата, адресанта и определенной ситуации между ними; номинативная – называет объективное и субъективное действие, дается характеристика оскорбляемому;

эмотивно-экспрессивная – с помощью инвективных образований может происходить выражение чувств и переживаний человека в процессе его речи; директивная функция – это функция побудительная, реализующая, выражает волю и желание; фатическая – функция установления и поддержания контакта с собеседником; суггестивная – как средство влияния на поведение в широком смысле этого слова (в том числе и на психическое состояние) другого человека [Костяев, 2010].

В настоящее время в лингвистике активно ведется научная работа по выявлению функциональных, семантических, грамматических особенностей конфликтного дискурса, типовой структуры, становлению понятийного аппарата. С понятием *конфликтный дискурс* связаны *конфликтная ситуация*, *коммуникативные стратегии в конфликте*, *коммуникативный конфликт* и т.д.

Согласно определению Н.А. Белоус «в качестве *конфликтного дискурса* выступает такое амбивалентное речевое взаимодействие собеседников в виде целостного конструктивного образования, иллюкутивная доминанта которого представляет собой столкновение коммуникативных целей, а консеквент характеризуется изменением знаний и эмоциональных состояний оппонентов благодаря их вербальному воздействию друг на друга» [Белоус, 2008, с. 152].

Конфликтный дискурс – это комплексный знак, денотатом которого является речевое воплощение – скрипт, а референтом – конфликтная ситуация – причина появления речевой актуализации знака. *Конфликтная ситуация* – это «объективная база существования конфликта, главными элементами которой являются оппоненты конфликта и объект конфликта; особенностью конфликтной ситуации в конфликтном дискурсе является ее взрывоопасный характер, так как оба реципиента имеют цель добиться желаемого любыми средствами. Обижать, ругать, оскорблять и быть обиженным, оскорбленным – инвариантные признаки конфликтной ситуации» [Белоус, 2008, с. 31]. В рамках конфликтного дискурса могут иметь место различные речевые конфликтные ситуации, в том числе *коммуникативный конфликт*. В соответствии с определением И. В. Певневой [2008] под коммуникативным конфликтом понимается ре-

чевое столкновение, основанное на агрессии, выраженной языковыми средствами. Соответственно, ситуация, в которой может иметь место коммуникативный конфликт, является конфликтной ситуацией общения и представляет собой особое коммуникативное поведение ее участников.

Согласно Н.А. Белоус, эксплицитная форма конфликтного дискурса проявляется в игнорировании: ценностей, почитаемых обоими членами коммуникативного взаимодействия; системы отношений, формирующей и определяющей поведенческие нормы в рамках типовых интеракций конфликтного содержания и базирующихся на реализации тех или иных типов регулятивов.

ИмPLICITная сфера конфликтной коммуникации отражает своеобразный процесс диссонанса между психотипами коммуникантов, разрушение подстройки под уровни модальности и субмодальности восприятия информации друг от друга, перевода внешней формы символической репрезентации коммуникативного акта или вытесненного из сознания субъекта симптома в исходную (т.е. целевую, реально желаемую). [Белоус, 2008].

Институциональная специфика конфликтного дискурса определяется несоблюдением Принципов Кооперации и Вежливости. Общий Принцип Кооперации, заключающийся в том, что самым главным для коммуникантов является взаимопонимание, был выдвинут Г.П.Грайсом [Grice, 1967]. В формулировке Г.П. Грайса он звучит следующим образом: «Строй свое сообщение в разговоре так, как того требует цель или направление беседы в тот момент, когда ты делаешь свое сообщение» [Grice, 1967, с.7]. Определяя основные принципы сотрудничества говорящего и слушающего, Г.П. Грайс сформулировал их в виде четырех постулатов, или «максим»: 1) постулат информативности (максима количества); 2) постулат истинности (максима качества); 3) постулат релевантности (максима отношения); 4) постулат ясности выражения (максима манеры). Максимумы Грайса отражают нормативные требования (этические, логические, информативные), которым должно отвечать общение.

Принцип Вежливости был подробно описан Дж. Личем [Leech, 1983]. Принцип вежливости требует учитывать и уважать в процессе общения чувства

и интересы партнера по коммуникации. Его реализация осуществляется за счет соблюдения некоторых правил (максим): максима такта, максима щедрости, максима одобрения, максима скромности, максима согласия и максима симпатии. Несоблюдение этих постулатов может вызвать неуспешность реализации речевого акта, то есть недостижение говорящим коммуникативной цели.

По мнению Н.А. Белоус [2008], функционально-семантическое представление конфликтного дискурса включает в себя: иллокутивный уровень – факт появления противоположных коммуникативных намерений оппонентов конфликтного дискурса; тематический уровень – вербальная экспликация темы коммуникативного столкновения; манифестационный уровень – представление лексико-синтаксических структур для реализации заявленной темы конфликта в процессе коммуникации. Соединение всех трех уровней дискурса обеспечивает его целостность как коммуникативной единицы.

Функциональные особенности конфликтного дискурса позволяют выделить *типы конфликтного дискурса*, определяемые особенностями речевого поведения коммуникантов: конфликтный дискурс, характеризуемый неуправляемым взрывом потенциальной энергии, и спонтанный конфликтный дискурс, затрагивающий нравственно-психологический аспект взаимоотношений реципиентов.

Н.А. Белоус также выделяет основные параметры функциональных особенностей конфликтного дискурса.

С позиций зачинщика типы конфликтных коммуникативных ситуаций определяются фактором интенции: по этому признаку они делятся на осознанно провоцируемые и непреднамеренные.

С позиций вовлеченного коммуниканта основной функциональной особенностью выступает результативность — наличие или отсутствие его реакции на конфликтогенные элементы.

По характеру иллокутивного взаимодействия зачинщика и вовлеченного коммуниканта коммуникативные ситуации разнообразны. Например, с позиций зачинщика возможны следующие типы иллокутивного содержания: зачинщик

оценивает вовлеченного коммуниканта как объект необходимой, справедливой по содержанию критики; зачинщик ощущает себя спровоцированным вовлеченным коммуникантом и, следовательно, обязанным дать адекватный отпор; зачинщик намерен обратить конфликтную ситуацию в свою пользу, сознательно использует слабости вовлеченного коммуниканта, к которым, в частности, может относить чрезмерную обидчивость.

Е.М. Ручкина, сравнивая конфликтный и аргументативный дискурс (определение термина см. ниже), приходит к выводу, что в коммуникативном процессе конфликтная ситуация реализуется как аргументативная ситуация, которую также можно определить как когнитивную универсалию, поскольку общение строится на основе универсальных коммуникативно значимых семантических закономерностей. В общем виде аргументативную ситуацию можно представить как один из ситуативных типов в его пространственно-временной локализации [Ручкина, 2011].

Конфликтность у Е.М. Ручкиной рассматривается как парадигматическая среда аргументации, предполагает движение аргументации на основе двух оппозиций: «единство (согласие) – противоречие», «содействие – противодействие». Если конфликтность является средой аргументации, то возможность достижения согласия, консенсуса – ее условием. Взаимное признание возможности договориться – это когнитивная универсалия, встроенная в аргументацию.

Отличие аргументативной ситуации от конфликтной заключается в том, что она предполагает нацеленность на разрешение конфликта вербальным способом. Успех аргументатора зависит от многих обстоятельств - не только от совершенства аргументации, убежденности аргументатора в истинности своих высказываний, его компетенции. В значительной мере он обусловлен фактором адресата, его установками, предпочтениями, мнениями [Ручкина, 2011].

1.6 Конфликтная ситуация vs. аргументативная ситуация

Аргументация – явление многоплановое и многоаспектное, в силу чего попадает в фокус изучения разных наук (логики, риторики, философии, лингвистики).

В зависимости от анализируемых вопросов в теории аргументации можно выделить три направления [Васильев, 2014; Ревенко, 1999; Фанян, 2000].

С точки зрения логического направления, аргументирование рассматривается на уровне высказывания или умозаключения [Васильев, 1994, 2014; Дудина, 2000; Яскевич, 1993; Ducrot, 1972; Kahane, 1984; Toulmin, 1958]. Логическое направление исследования аргументации представляет собой анализ процедуры логического вывода и берет свое начало от силлогистики Аристотеля.

Центральной проблемой изучения для представителей риторико-философского направления в аргументологии является одностороннее воздействие, основанное на характере речи [Алексеева, 2001; Белова, 1995; Брутян, 1984; Варзонин, 1999; Добрякова, 2003; Зарецкая, 2001; Найденов, 2001; Ярмаркина, 2001; Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1969]. Это направление произошло от античной риторики [Ораторы Греции, 1985; Платон, 2000].

В диалогическом направлении аргументирование рассматривается с точки зрения речевого взаимодействия [Баранов, Добровольский, 1997; Баранов, Сергеев, 1988; Белецкая, 1999; Белова, 1995; Гавришина, 1991; Голубев, 1996; Долгова, 2000; Еемерен, Гроотендорст, 1994; Еемерен, Гроотендорст, Хенкеманс, 2002; Мельникова, 2003; Найденов, 2001; Ощепкова, 2004; Ревенко, 1999; Фанян, 2000; Eemeren, Grootendorst, Henkemans, 1996; Henkemans, 1992; Klein, 1987; Walton, 1995]. Отмечается [Еемерен, Гроотендорст, 1994; Васильев, 1999], что аргументативный текст, по существу, всегда является диалогическим, так как цель аргументатора состоит в убеждении актуального или потенциального партнера. Если теорию аргументации рассматривать как систему дескриптивных и/или нормативных правил для выражения комплексного коммуникативно-

го акта спора и коммуникативного акта согласия / несогласия, то тогда диалогическая структура будет наиболее приемлемой для такой теории.

Оперируя понятиями *аргументативный дискурс*, *аргументативная ситуация*, *аргументация*, будет уместным дать их определение.

Аргументативный дискурс – это тип стратегического дискурса, построенный по типу макрофрейма с многоуровневой структурой, равной аргументационному ходу, который, в свою очередь, состоит из элементарных элементов – шагов [Ощепкова 2004].

Аргументативная ситуация - «это ситуация прямого или непрямого взаимодействия субъектов общения, в которой происходит выдвижение и обоснование мнения или обмен мнениями с обсуждением некоторой позиции» [Васильев, 2014, с. 56].

Аргументация понимается нами, как «вербальная, социальная и рациональная деятельность, целью которой является убеждение разумной личности в истинности тезиса с помощью совокупности утверждений, которые либо доказывают, либо опровергают тезис» [Еемерен, Гроотендорст, 1992, с. 117], т.е. к данному виду речевой деятельности прибегают, когда происходит расхождение во мнениях относительно одной точки зрения.

Расхождение во мнениях – одно из ключевых понятий теории аргументации и непереносимое ее условие. Согласно Еемерену Ф. Х., Гроотендорсту [Еемерен, Гроотендорст, 1992, с. 7] в зависимости от количества пропозиций, содержащих точки зрения, можно выделить *смешанное* и *несмешанное* расхождение во мнениях.

Расхождение во мнениях считают несмешанным, когда только одна сторона обязуется защищать свою точку зрения. Оппонент подвергает ее сомнению, но собственной точки зрения не выдвигает.

Расхождение во мнениях считают смешанным, когда относительно одной точки зрения участники аргументативной ситуации высказывают противоположные точки зрения. При этом каждая сторона аргументирует свою позицию.

Конфликтом можно назвать не всякое расхождение во мнениях сторон речевого взаимодействия, а лишь такое, в котором две стороны занимают, во-первых, активную позицию, и, во-вторых, их намерения симметричны (смешанное расхождение во мнениях) [Лисанюк, 2014].

Считается, что расхождение во мнениях разрешается, когда одна из сторон пересматривает свою исходную позицию, т.е. в случае конфликта, отказывается от своей точки зрения. Далеко не всегда происходит именно разрешение конфликта. Иногда прибегают к урегулированию разногласий, от запугивания одной из сторон до вытягивания жребия или голосования.

При наличии расхождения во мнениях всегда имеет место аргументативная ситуация. Однако не всегда аргументативная ситуация перерастает в конфликтную. В таблице 1, представленной ниже, основанной на главных составляющих конфликта, можно наблюдать сходства и различия аргументативной и конфликтной ситуаций.

Таблица 1

Общее и различное в аргументативной ситуации и конфликтной ситуации

<i>Критерий</i>	<i>Аргументативная ситуация</i>	<i>Конфликтная ситуация</i>
Участники	Оппонент-пропонент	Оппонент-пропонент
Предмет	Расхождение во мнениях	Столкновение интересов, разногласие
Объект	Точка зрения на явление	Материальные или нематериальные ценности
Цель	Взаимоприемлемое разрешение спора, убеждение оппонента при помощи доводов	Удовлетворение своих интересов
Тип речевого взаимодействия	Монолог, диалог	Диалог
Основа для принятия решений	Рациональность	Эмоциональность

Стадии	1. Расхождение во мнениях	1. Инцидент
	2. Открытие – распределение ролей	2. Осознание конфликта
	3. Защита точки зрения	3. Заявление о позициях. Защита своей позиции
	4. Разрешение. Выводы	4. Разрешение конфликта. Результат

Как видно из таблицы, *предметом* бытового конфликта обычно становится некоторая объективно существующая или выдуманная проблема, разногласие; *объектом* конфликта – некоторые материальные ценности, т.е. реальные предметы, которыми хотят обладать конфликтующие стороны (квартира, деньги, даже свободное место в общественном транспорте) или нематериальные ценности, а именно: идеалы, убеждения, социальный статус (сохранение «лица»), процесс (т.е. цель у конфликтующих может быть общая, а способы ее достижения разные). Предмет и объект аргументации, как видно, шире и объемнее, причем могут включать в себя объект и предмет конфликта. То же наблюдается в графе «Тип речевого взаимодействия». Известно, что обязательным условием существования конфликта является наличие как минимум двух сторон (исключение – внутриличностный конфликт), следовательно, диалогического взаимодействия, тогда как для аргументативной ситуации характерны как диалог (непосредственное общение), так и монолог (опосредованное общение) [Васильев, Назарчук, 2014, с. 29]. Стадии конфликта и аргументации тоже во многом совпадают. Существенным же отличием аргументации от конфликта является ее цель. Важным в ней является не столько убеждение оппонента в своей правоте, сколько совместный поиск правильного решения для преодоления расхождения во мнениях. И еще одно отличие аргументативной ситуации от конфликтной заключается в том, что в конфликте (особенно в бытовом) на первое место выходят эмоции при принятии решений, в то время, как в аргументации ключе-

вым понятием является рациональность. Вышесказанное дает нам основания утверждать, что конфликт лишь частично схож с аргументативной ситуацией, но имеет ряд важных отличительных особенностей, что позволяет не отождествлять эти два понятия, однако не мешает провести аргументативный анализ бытового конфликтного дискурса.

В теории аргументации существует понятие правил и ошибок аргументации [Лисанюк 2015, Еемеерен и др., 2002]. Эти правила подразделяются на процедурные, правила тезиса и правила аргументов. При отходе от правил аргументации имеют место ошибки аргументации.

Итак, к правилам на стадии выдвижения точек зрения и аргументов относятся:

1. Правило свободы: оппоненты не должны мешать друг другу выдвигать свои точки зрения.

Ошибками, нарушающими данное правило, будут:

а) Ограничение, накладываемое на аргументы оппонента:

- Священная точка зрения (интерпретируется как неоспоримая).
- Табу на точку зрения (запрет на произнесение данной точки зрения).

б) Ограничение свободы действий:

- Аргумент к дубине – *argumentum ad baculum* (угроза физической расправой).
- Аргумент к жалости – *argumentum ad misericordiam* (ссылка на тяжелые жизненные обстоятельства с целью вызвать жалость).
- Аргумент к человеку – *argumentum ad hominem* (личные нападки на оппонента с целью отвлечь от содержания речи оппонента)

- прямая атака (приписывание недостатков оппоненту);

- косвенная атака (предположение относительно мотивов оппонента);

- и ты – *tu quoque* (неоправданное подчеркивание противоречий в словах

и делах оппонента или в его предыдущих и нынешних действиях).

2. Правило бремени доказательства, которое заключается в том, что проponent, который выдвинул точку зрения, обязан ее защищать.

Ошибками здесь будут:

- Перенос бремени доказывания на оппонента.
- Отстранение от бремени доказывания.
  - Личные гарантии вместо аргументации.
  - Представление точки зрения как общеизвестной.

3. Правило точки зрения: критика точки зрения должна относиться к точке зрения, которая действительно была выдвинута другой стороной.

Ошибки:

- «Фиктивный противник» (приписывание оппоненту несуществующей точки зрения или неверное представление точки зрения),
- Приписывание точки зрения оппоненту как члену определенной группы людей,
- Упрощение точки зрения путем ее обобщения.

4. Правило релевантности, которое заключается в том, что для доказательства своей точки зрения сторона может пользоваться только теми аргументами, которые относятся к этой точке зрения.

Ошибки:

- Нерелевантная аргументация – Подмена тезиса/*Ignoratio elenchi* (обосновывается точка зрения, которая не является точкой зрения, вызвавшей конфронтацию).
- Не-аргументация (для защиты не используется аргументация):
  - патетическая ошибка – *rathos* (игра на эмоциях людей – третьего лица),
  - этическая ошибка неверного использования собственного авторитета – *argumentum ad vericundiam* (аргумент «к авторитету»).

5. Правило невыраженной посылки: сторона не может представлять какое-либо утверждение в качестве принадлежащей оппоненту невыраженной посылки или отрицать посылку, которую она сама оставила невыраженной.

Ошибки:

- Отказ от невыраженной посылки (отказ принять невыраженную посылку, вытекающую из аргументации).
- Расширение невыраженной посылки (выведение невыраженной посылки за пределы того, что доказывается).

К процедурным правилам аргументации относятся:

1. Правило исходной посылки: сторона не может неверно представлять какое-либо положение в качестве исходной посылки, принятой обеими сторонами, или отрицать, что какое-либо утверждение было принято обеими сторонами как исходная посылка.

Ошибки:

- Антагонист отрицает факт, что данная посылка принадлежит к исходным положениям.
- Протагонист ложно представляет посылку как принадлежащую к исходным посылкам:
  - ошибка многих вопросов: «*Have you stopped beating your wife yet?*»
  - ошибка кругового доказательства - *petitio principia* (утверждение, тождественное или синонимичное точке зрения, не может выступать в качестве ее доказательства).

2. Правило аргументативной схемы: точка зрения не может считаться полностью доказанной, если в доказательстве применялась неверная аргументативная схема или использовавшаяся аргументативная схема была употреблена неверно.

Ошибки:

- Неверная аргументативная схема:
  - обращение к мнению народа;

- *argumentum ad consequentiam* / аргумент к следствию – вместо утверждений о факте делаются оценочные суждения.

- Некорректное употребление аргументативной схемы:
  - поспешное обобщение – *secundum quid* (выведение общего из недостаточного количества частных случаев);
  - ложная аналогия (сравниваемые вещи не имеют основания для сравнения);
  - «После этого, следовательно, по причине этого» - *post hoc ergo propter hoc* (нарушение причинно-следственных отношений);
  - «Скольжение вниз» - *a slippery slope* (убеждение, что следование определенному направлению непременно приведет к ухудшению положения дел).

3. Правило логичности: рассуждение в аргументации должно быть логически правильным и способно быть приведено к логически правильной форме путем эксплицирования одной или более невыраженных посылок.

Ошибки:

- Подтверждение консеквента – *modus ponens* и отрицание антецедента – *modus tollens* (достаточное условие трактуется как необходимое).
- Ошибка объединения (некорректное перенесение свойства целого на его части)
- Ошибка разъединения (перенесение свойств части на целое).

4. Правило завершения дискуссии: результатом неудачного доказательства точки зрения должен быть отказ протагониста от своей точки зрения, а результатом успешного доказательства точки зрения должен быть отказ онтагониста от своих сомнений по поводу ее истинности.

Ошибки:

- Отказ снять точку зрения, которая не была успешно доказана.
- Вывод верности точки зрения, поскольку не было доказано обратное (*argumentum ad ignorantiam*).

5. Правило формулирования и интерпретации аргументов: стороны не должны использовать недостаточно ясные, вводящие в заблуждение или двусмысленные формулировки, и должны интерпретировать формулировки другой стороны как можно более взвешенно и точно.

Ошибки:

- Неточность.
- Двусмысленность.
- Неясность:
  - из-за имплицитности;
  - связанная с неопределенностью понятий;
  - вследствие использования незнакомых слов и выражений.

Эти правила помогут нам определить состоятельность аргументов конфликтующих сторон при микроанализе конфликтных диалогов в бытовом конфликтном дискурсе.

1.7 Различные подходы к структурированию дискурса

Центральный круг вопросов, исследуемых в дискурсивном анализе, – вопросы структуры дискурса. Следует различать разные уровни структуры – макроструктуру, или глобальную структуру, и микроструктуру, или локальную структуру. Макроструктура дискурса – это членение на крупные составляющие: эпизоды в рассказе, абзацы в газетной статье, группы реплик в устном диалоге и т.д. Понятие макроструктуры (а также микроструктуры и суперструктуры) в лингвистике было введено голландским ученым Т.А. ван Дейком [Dijk, 1980].

Комплексная информация, т.е. участвующая в обработке речи и социального взаимодействия, должна быть *организована*, и, следовательно, сжата за счет формирования структур более высокого уровня – глобальных структур. Индивидуумы, вступая в сложные социальные взаимодействия, должны составлять планы, организующие и контролирующие выполнение их локальных действий. Напротив, в процессах понимания и запоминания, чтобы иметь воз-

возможность понимать и хранить сложную информацию о действиях и дискурсе, пользователи языка должны создавать глобальные структуры получаемой информации (темы, топики, основные мысли) и схемы, организующие эти глобальные аспекты содержания.

Итак, согласно теории Т.А. ван Дейка, макроструктуры – это семантические или концептуальные структуры высшего уровня, организующие «локальные» микроструктуры речи. Они отличаются от других глобальных структур более схематичной природы, которые мы называем суперструктурами. Суперструктура – это термин, используемый для обозначения синтаксических глобальных структур. Следовательно, можно утверждать, что «макроструктуры – это семантическое содержание категорий, входящих в суперструктурные схемы» [Дейк, 1989, с. 41].

Теоретическое различие между микро- и макроструктурой основывается на понятии *уровень*. Под *микроструктурами* дискурса мы понимаем все те структуры, которые описаны на локальном или близкодействующем уровне (слова, фразы, предложения, связи между предложениями). Т.е. микроструктуры – это актуально и прямо выраженные структуры дискурса. Макроструктуры характеризуют более высокие и абстрактные уровни семантической информации, и существует не один, а несколько макроструктурных уровней. Эти уровни не являются независимыми. Они системно связаны, соответственно, необходимо определить правила, операции, трансформации, чтобы связать соответствующие уровни.

Функции макроструктур заключаются в способности организовывать (микро)информацию, а также сжимать информацию. Важным здесь является понятие *глобальной связности*. «Глобальная связность – это связность, которая характеризует дискурс в целом или его большие фрагменты. Понятия, используемые для описания этого типа связности дискурса, включают топик, тему, основное содержание» [Dijk, 1977]. Благодаря макроструктуре речь, диалог, последовательность действий спланированы и воспринимаются как связное це-

лое, т.е. единица, которая может быть определена и отделена от подобных объектов.

Макроструктуры определяются так называемыми макроправилами.

Макроправила – это общие правила, которые связывают текстовые пропозиции с макропропозициями и используются для определения глобального топика текста. Они отделяют микроструктуры от макроструктур, позволяют некоторым элементам объединяться в новые, более сложные единицы. Наконец, они объединяют последовательности пропозиций, связывая их в одну макропропозицию.

К ним относятся следующие правила:

1) Опускание: из последовательности пропозиций необходимо опустить те пропозиции, которые не служат условиями интерпретации. В процессе когнитивной обработки текста такие пропозиции забываются быстрее, чем главные.

2) Селекция (интеграция [Dijk, 1977]): опускаются пропозиции, которые являются условием, следствием или составными частями пропозиций. На основании нашего жизненного опыта мы способны дополнять информацию недостающими деталями, и нам совсем не нужно эксплицировать всю цепь высказываний полностью.

3) Обобщение: концепты, содержащие конститутивные признаки референта, также могут быть опущены и заменены суперконцептами. Другими словами, последовательность пропозиций можно заменить на пропозицию, которая является общей пропозицией для каждого члена данной последовательности.

4) Построение: при наличии последовательности пропозиций необходимо заменить ее пропозицией, выведенной из всего репертуара пропозиций, входящих в эту последовательность.

Макроправила применяются многократно, поэтому существует несколько уровней макроструктуры по степени обобщения, причем, для очень больших текстов количество уровней может быть очень высоким, а для коротких – макроструктура может быть равна микроструктуре.

На прагматическом уровне Т. ван Дейком используется понятие макроречевого акта.

Дж. Сёрль как один из основоположников теории речевых актов в своих работах по изучению речевых актов выделяет следующие классы высказываний на основе понятия «иллокуция» [Серль, 1986].

1. Репрезентативы (обещание, осуждение, прогнозирование, квалификация, признание).

2. Директивы (просьбы, запреты, советы, инструкции, призывы и другие виды побудительных речевых актов).

3. Комиссивы (обещания, клятвы).

4. Экспрессивы – выражение психологического состояния, задаваемого условием искренности относительно положения вещей.

5. Декларации (назначение на пост, объявление войны или перемирия и т.п.)

Д. Вундерлих дополняет предыдущую классификацию такими типами иллокутивных актов.

1. Эрротетив (вопросы).

2. Сатисфактив (извинения, благодарности, ответы, обоснования, оправдания).

3. Ретрактив (взятие назад обещания, корректировка утверждения, разрешения).

4. Вокатив (оклики, призывы, обращения) [Сусов, 2006].

Последовательность речевых актов может быть проанализирована на глобальном уровне. В этом случае она рассматривается как единое целое – как один глобальный речевой акт или макроречевой акт.

Говоря о *суперструктурах* как схематических формах, организующих глобальные значения текста, следует отметить, что большинство суперструктур имеют такие схематические категории, как введение, включающее в себя следующие виды информации: исходные знания, время и место, основные участники, проблема, топик текста; заключение, включающее выводы, обобщение

информации текста, направление будущих действий. Что же касается основной части, то ее составляющие имеют более «свободную» структуру. Из вышесказанного можно сделать вывод, что, с одной стороны, суперструктуры служат для организации макроструктуры текста, распределяя последовательности макропропозиций по схематическим категориям. С другой стороны, суперструктуры играют роль в формировании самих макроструктур, устанавливая ограничения на употребление макроправил.

Именно концепцией Т. Ван Дейка мы будем пользоваться для исследования структур конфликтного дискурса, но концепции других ученых также заслуживают внимания и упоминания в связи с проблемой структурирования дискурса, а также хранения и представления знаний.

Важнейшей для проблемы представления знаний является теория *фреймов*, в основе которой лежит гипотеза о том, что знания о мире складываются по определенным сценариям с фиксированным набором стереотипных ситуаций — фреймам (англ. *frame* — рамка, каркас). Основоположником данной теории является американский ученый М. Мински [Мински, 1979].

Следует разграничить понятия фрейм и макроструктура. Макроструктуры - это семантические или концептуальные структуры высшего уровня, организующие «локальные» микроструктуры речи. Они не могут быть просто заменены иерархическими структурами знаний, такими, как фреймы или сценарии. Последние действительно представляют собой структуры знаний и имеют общую и иногда стереотипную природу, в то время как макроструктуры являются структурами самого дискурса и часто единственны в своем роде. Таким образом, хотя макроструктуры и образуются с помощью иерархических структур знаний, их ни в коем случае нельзя идентифицировать с ними. Только понятия, определяющие макропропозицию, выводятся с помощью знаний о мире.

П. Тагард во «Введении в когнитивную науку» утверждает, что в когнитивной теории «постулируется набор структур репрезентации и набор процессов, оперирующих с этими структурами» и что «мышление лучше всего может быть понято в терминах структур репрезентации в голове человека и вычисли-

тельных процедур, производимых над этими структурами» [Thagard, 1996, с. 10,12].

Ч. Филлмор понимает фреймы как «унифицированные конструкции» знания или «связанные схематизации опыта», которые не только обеспечивают быстрое восприятие, но и одновременное понимание слов, предложений, текстов. Так, возможен единый фрейм интерпретации названий дней недели, «который предполагает: 1) понимание естественного цикла, порождаемого каждодневным кажущимся путешествием солнца; 2) знание стандартных способов вычисления того, когда один дневной цикл кончается и начинается новый; 3) знакомство с циклом из семи дней; 4) принятую в нашей культуре практику связывать различные части недельного цикла с работой и досугом. ... Такой фрейм образует особую организацию знания, составляющего необходимое предварительное условие нашей способности к пониманию тесно связанных между собой слов» [Филлмор, 1988, с. 54].

Наряду с понятием фрейм в современных теориях по исследованию структур знаний применяются и другие: сценарий — *scenario, script*; структуры репрезентации; ментальная модель; интонационная единица; топик.

Сценарий содержит стандартную последовательность событий, обусловленную некой рекуррентной ситуацией. Сценарии организуют поведение и его интерпретацию. Для сценариев характерны ситуативная привязанность и конвенциональность [Кубрякова и др., 1996]. Сценарии не всегда обусловлены непосредственной целесообразностью: нередко они описывают последовательности сцен, событий или действий, имеющих полностью или частично ритуализованную природу, например, светские, религиозные и военные церемонии [Schank, Abelson, 1977, с. 63].

Мы сами строим сценарии по мере того, как в этом возникает необходимость, в процессе восприятия речи, чтобы осуществить интерпретацию дискурса, используя накопленный ранее опыт и информацию, размещенную на разных уровнях памяти [Панкрац, 1992].

Ф. Джонсон-Лэрд выдвигает концепцию, согласно которой процессы понимания (в том числе языкового) и умозаключения обусловлены так называемыми ментальными моделями, служащими для представления мира в сознании человека. Формирование у человека ментальных моделей действительного или воображаемого мира, манипуляция ими в процессе умозаключения, а также понимание языковых выражений - все это, по мнению автора, осуществляется посредством рекурсивных ментальных процедур [Johnson-Laird, 1983].

Понимание, как считает Ф. Джонсон-Лэрд, определяется знанием и уверенностью: человек понимает (до некоторой степени) то или иное явление тогда, когда он имеет представление о его причинах и следствиях, внутренней структуре и связях с другими явлениями, о способах его предсказания и предотвращения, о путях его инициации, управления им и контроля за ним.

Г. Скрэггом вводится понятие «семантические сети» [Скрэгг, 1983]. В своей наипростейшей форме семантическая сеть есть совокупность точек, называемых узлами; каждая из них может мыслиться как представление некоторого понятия, т.е. некоторая сущность, о которой хранится информация. Каждый узел может иметь имя, например: boy «мальчик» или gift «подарок». Узлы без имен в общем случае соотносятся с понятиями, которые не представимы с помощью простого имени в английском языке. Точка может связываться посредством направленной дуги, которая называется отношением, с любой другой точкой сети. Это отношение получает некоторое обозначение. Любой узел может быть связан с произвольным числом других узлов, каждый из них — с любым числом других узлов и т. д. Если добавлять все большее и большее число узлов и дуг, графическое представление становится похожим на сеть из линий, поэтому оно получило название семантической сети.

Главное понятие структуры дискурса, по У. Чейфу – интонационная единица, т.е. квант дискурса, соответствующий одному фокусу сознания. В каждой интонационной единице обычно представлен один элемент новой информации. Противопоставление данного/доступного/нового ответственно за просодическую (ударное/безударное) и лексическую (местоимение/имя) реализацию ре-

ферентов. На основе понятия доступной информации (статус, промежуточный между данным и новым) определяется понятие топика дискурса. Топик, в свою очередь, – основа для нового определения предложения, которое оказывается значительно более комплексным и производным понятием, чем во многих других теориях [Chafe, 1994].

Т.М. Дридзе пользуется терминами «макро- и микроструктура», рассматривая содержательно-смысловую целостность текста.

Согласно ее теории, макроструктура текста может быть представлена в виде иерархии разнопорядковых смысловых блоков — предикаций, где в качестве предикации первого порядка выступают языковые средства, которыми передана основная идея сообщения, в качестве предикаций второго, третьего и т.д. порядка — языковые средства, которыми передано общее его содержание. Микроструктура текста может быть представлена в виде полного набора внутритекстовых связей, в которые вступают опорные смысловые узлы текста. Такие смысловые опоры могут быть выделены из текста с помощью специальной методики и образуют логико-фактологическую цепочку, являющуюся основным смысловым стержнем текста. Заключенная в этой цепочке смысловая нагрузка в той или иной мере связана с предикацией первого порядка [Дридзе, 1984].

В.Б. Кашкин продолжает исследования макроструктур по Т.А. ван Дейку, но считает необходимым помимо микро- и макроструктуры, выделять также *гиперструктуры* текста и дискурса, интертекстуального либо интердискурсивного уровня. На этом уровне прослеживаются связи текста (и отдельных высказываний в нем) с иными текстами, дискурсами, дискурсивными и общественными практиками. В дискурсе прослеживается также связь не только с чужими, но и с собственными дискурсивными практиками коммуниканта, его пресуппозициями, эмоционально-психическими состояниями, отношениями, оценками, знаниями норм и правил. Это *метаструктура* дискурса, уровень организации и мониторинга дискурсивных практик [Кашкин, 2005].

1.8 Структура бытового конфликтного дискурса

Бытовое общение — самый распространённый вид взаимодействия людей. Сфера бытового общения — это семья, друзья, транспорт, магазины и т.п. Практика показывает, что именно здесь человека подстерегает наибольшее количество неудач и конфликтов.

Под бытовым конфликтом понимается «особый вид коммуникативной ситуации, в которой происходит столкновение двух сторон (участников конфликта) из-за разногласия интересов, целей, взглядов. В результате одна из сторон сознательно и активно действует в ущерб другой, а вторая сторона, осознавая, что указанные действия направлены против ее интересов, предпринимает ответные действия против первой стороны» [Волкова, 2009, с. 12]. Представляется, что данное определение является неполным для нашего исследования, т.к. важной характеристикой именно бытового конфликта является то, что его участники хорошо знают друг друга, соответственно следует добавить, что конфликтующие стороны обладают «значительным общим контекстом интерпретации» [Хилалова, 2010, с. 50]. Предметом межличностного конфликта обычно становится объективно существующая или воображаемая проблема (например, первенства, обладания какими-либо благами и т. д.); объектом конфликта — любой конкретный элемент материального мира или социальной реальности, способный стать точкой пересечения личных или групповых интересов разных субъектов, стремящихся его контролировать. Любой конфликт представляет собой актуализировавшееся противоречие или противостоящие и воплощенные в столкновении ценности, установки, мотивы сторон — участников конфликтной ситуации.

Конфликтная коммуникация участвует в развитии и трансформации отношений и нередко отличается тем, что защитная реакция ее участников проявляется в виде выражения агрессии различной степени («*agressio*» с лат. «нападение»), которую можно заметить в акте говорения как по вербальным, так и невербальным признакам.

Н.Н. Кошкарлова, анализируя речевую агрессию с точки зрения лингвистики, выстраивает ее макроструктуру, включающую в себя следующие компоненты.

1. Ситуационная модель высказывания, которая представлена следующими составляющими:

а) время интеракции; б) место интеракции; в) физический контакт собеседников; г) социальные обстоятельства, влияющие на ход беседы (беседа на бытовую, общественно-политическую, культурную или другую актуальную тему).

2. Слушающий и его сознание, мотивация, прошлые действия и намерения.

3. Говорящий и его установки, прошлый опыт, причины вступить в беседу.

4. Культурный фон беседы (события, которые в той или иной мере могут повлиять на позитивный или негативный исход общения и создать условия для проявления элементов речевой агрессии со стороны одного из собеседников).

Данная макроструктура по количеству и содержательной части компонентов соответствует схеме описания ситуации, принятой в теории аргументации: (1) субъект (отдельное лицо или сообщество, дающее описание); (2) предмет (описываемая ситуация); (3) основание (точка зрения, в соответствии с которой производится описание); (4) характер (указание на истинность или ложность предлагаемого описания) [Кошкарлова, 2009].

В модели конфликтной коммуникативной ситуации О.С. Волкова выделяет три зоны межличностного общения: 1) ядерная зона, или зона интеракции, где находятся диалогические единства (реплики двух коммуникантов, интересы которых вошли в противоречие); данная зона интеракции отмечена маркером агрессии; 2) зона ближней периферии общения, включающая ситуативные переменные, определяющие содержание и прагматику сообщения: цель общения, предмет речи, мотив высказывания, стратегии общения; 3) зона дальней пери-

ферии общения, объединяющая социо-культурные характеристики коммуникантов.

Учет всех разноаспектных факторов определяет конфликтную коммуникативную ситуацию как ситуацию дисгармоничного взаимодействия, каждая из сторон отстаивает личные интересы и стремится к приобретению превосходства, и поскольку каждый из коммуникантов наполняет любую ситуацию общения личностным эмоциональным участием, то о конфликте следует говорить как об эмоционально маркированной коммуникативной ситуации.

К числу типовых социопрагматических обстоятельств, окружающих бытовой конфликтный диалог, О.С. Волкова относит следующие: тесная эмоциональная связь, высокая эмоциональная вовлеченность, равноправие социальных статусов партнеров, эллиптичность и нечеткость речевой репрезентации, спонтанность и ситуативная обусловленность общения, доминирование разговорной лексики, востребованность невербальных компонентов речевого поведения.

Большинство бытовых конфликтов, несмотря на разнообразие мотивов и личностных характеристик партнеров, развивается по предсказуемому сценарию. О.С. Волкова рассматривает два варианта развития коммуникативного конфликта – разрешенный и неразрешенный конфликты, которые различаются усилением агрессии или проявлением толерантности, приводящей к снижению степени эмоциональной вовлеченности и разрешению конфликта. [Волкова, 2009]

Выбор коммуникативных ходов в ситуации «бытовой конфликт» во многом зависит от персональных характеристик личности, в частности от психологических, социальных, культурологических, эмоциональных особенностей, оказывающих влияние на ее речевое поведение в коммуникативном конфликте.

1.9 Понятие личности и ее типологии

Категория «личность» относится к числу базовых понятий психологической науки, но изучается также другими общественными науками, в том числе

философией, социологией, педагогикой, лингвистикой и др. А.Г. Маклаков отмечает, что чаще всего под личностью понимают человека в совокупности его социальных и жизненно важных качеств, приобретенных им в процессе социального развития [Маклаков, 2001]. А.Г. Маклаков заключает, что, «личность — это конкретный человек, взятый в системе его устойчивых социально обусловленных психологических характеристик, которые проявляются в общественных связях и отношениях, определяют его нравственные поступки и имеют существенное значение для него самого и окружающих» [Маклаков, 2001, с. 471].

Целью типологического подхода к исследованию личности является выделение подгрупп индивидов, обладающих достаточным сходством по множеству выделенных свойств. Типологический подход позволяет выявить несколько независимо существующих разных структур изучаемых процессов и явлений. Впоследствии анализируются внутренняя взаимосвязь этих характеристик или общих особенностей деятельности, реакций, поведения и других психических проявлений, узко специфичных для каждой из обнаруженных типических совокупностей [Баранов, 2002]. Согласно К.А. Абульхановой-Славской [1990], суть типологического подхода к личности полностью может быть раскрыта при учете ее функционирования в жизнедеятельности. Таким образом, типологический подход позволяет более глубоко проникнуть в природу изучаемого явления.

Системное исследование человеческой индивидуальности началось с типологии темпераментов Гиппократа. Большинство теорий того времени были физиологическими, а психологическим в них было описание свойств темперамента и заложенные Кантом принципы классификации типов [Небылицын, 1982]. Наиболее распространенной до недавнего времени в психологии была концепция конституциональных типов Шелдона – Кречмера: субъект классифицируется по семибалльной шкале и относится к какому-либо типу [Кречмер, 1982; Шелдон, 2000]. Согласно данной концепции, каждому соматотипу соответствуют определенные психодинамические свойства. У. Шелдон и Э. Креч-

мер выделили «темпераментальные» конституциональные факторы, основные характеристики которых впоследствии изучали отечественные исследователи, в частности В.М. Русалов [Русалов, 1985].

Работы И.П. Павлова и его школы, посвященные изучению типологических свойств нервной системы (или типов высшей нервной деятельности) у животных и человека относят к началу создания научной базы для разработки типологической проблематики в психологии. На основе соотношения сигнальных систем были выделены первосигнальный тип («художественный»), второсигнальный тип («мыслительный») и смешанный тип, или сбалансированный [Павлов, 2008].

Широко известна попытка разбиения людей на типы К. Юнга [Юнг, 2001] по признаку «экстраверсия – интроверсия». Нейротизм и психотизм Г. Айзенка [Айзенк, Вильсон, 2004] включаются во многие личностные модели.

В.Г.Норакидзе выделял три типа личности в зависимости от соотношения поведения и внутренних мотивов человека:

- гармоническая личность – нет конфликтов между поведением и внутренними мотивами: желания, моральные принципы, чувство долга и реальное поведение человека гармонично сочетаются друг с другом, имеют социальную направленность и адекватность;

- конфликтная, противоречивая личность – присущ разлад между поведением и мотивами, т.е. действия противоречат желаниям;

- импульсивная личность – поступает только по своему желанию либо, если у человека нет ярко выраженных желаний, то он поступает в соответствии с воздействиями извне [Норакидзе, 1961].

К. Хорни в зависимости от отношения к общению с другими людьми выделила три психологических типа личности.

«Привязчивый тип» – человек обладает повышенной потребностью в общении, для него важнее всего быть любимым, уважаемым, чтобы кто-то о нем заботился.

«Агрессивный тип» – характерно отношение к другим людям как к средству достижения своих целей – такие люди стремятся доминировать, не терпят возражений.

«Отчужденный тип» – для таких людей необходима определенная эмоциональная дистанция с другими людьми, т.к. они рассматривают общение как неизбежное зло, не склонны участвовать в групповой деятельности и считают, что признание им должно быть обеспечено уже в силу их достоинств [Хорни, 1997].

Существуют классификации типов личности по акцентуации характера [Личко, 2009], по когнитивным стилям [Холодная, 2004]. В последние десятилетия наметилась тенденция классификации типов личности по поведению в определенной ситуации, например типология конфликтных личностей Ф.М. Бородкина [Бородкин, 1989] или сфере деятельности, например, в рабочем коллективе [Артемова, 2012].

Особое место в советской психологической науке занимал Д.Н. Узнадзе – автор оригинальной теории установки.

Анализируя различия поведения личностей в подобных жизненных ситуациях, Д.Н. Узнадзе говорит о структурном различии характеров [Узнадзе, 2004]. С одной стороны, возможно, что отдельные, частичные моменты объединены таким образом, что создают настоящую, гармоничную целостность. С другой стороны, может иметь место и совершенно противоположная картина, когда частные, частичные моменты пребывают в постоянном конфликте, в их отношениях вместо гармонии царят непрекращающаяся борьба и противостояние. В первом случае имеем дело с гармоничным характером, во втором – внутренне раздвоенным, конфликтным характером.

Для *гармоничного* характера специфично то, что импульсивные устремления и волевая целенаправленность почти не противоречат друг другу – в данном случае даже высшие идеалы находятся в гармоничных отношениях с естественными стремлениями. Поэтому здесь осознанная мотивация играет весьма незначительную роль.

Что касается внутренне раздвоенного, *конфликтного* характера, здесь стремления, обусловленные естественными импульсами, естественными склонностями, резко противостоят целям, намеченным волей. Поэтому воле приходится постоянно тормозить вытекающие из витальных стремлений импульсы, чтобы обрести возможность использования энергии в положительных целях.

Стержневым предметом исследований Д.Н. Узнадзе была экспериментальная психология установки. Экспериментально изучая различного рода иллюзии, Д.Н. Узнадзе пришел к выводу, что решающая роль в их возникновении принадлежит так называемой установке. Он подчеркивал, что установка – это целостное состояние субъекта, его направленность в определенную сторону, на определенную активность.

Установка, выражает готовность человека к активности, определяет его направленность и избирательность поведения. Установка как динамическое состояние включает в себя как момент мотивации, так и момент направленности.

По мнению Д.Н. Узнадзе, установка регулирует поведение на двух уровнях регуляции психической активности: бессознательном и сознательном. Поведение на бессознательном, или импульсивном уровне осуществляется на основе импульсивной (моментной) установки практического поведения целостного состояния индивида, которое возникает под действием ситуации, с одной стороны, и импульсов актуализированной потребности – с другой. Условиями такого поведения являются наличие потребности и ситуации ее реализации.

На сознательном уровне наличная ситуация становится предметом познания субъекта. Этот процесс Д.Н. Узнадзе назвал объективацией. Необходимость в ней возникает при задержке удовлетворения актуальной потребности в связи с изменившейся обстановкой, в результате чего перед субъектом встает вопрос о дальнейшей программе поведения. Ведущая роль при этом переходит от установки к «активированному на основе объективации мышлению». Иными словами, возникшая перед индивидом проблемная ситуация требует от него потребности познания (объективации) ее. Результатом объективации становится установка теоретического поведения или установка познания, которая состав-

ляет основу теоретической, познавательной деятельности субъекта [Узнадзе, 2004].

Ш.А. Надирашвили выделил еще один – социальный уровень психической активности, осуществляемый на уровне личности [Надирашвили, 1987]. В этом случае источником социального поведения личности, являются социальные установки (установки социального поведения), формирующиеся на основе социальных потребностей и воображенного приемлемого поведения. Социальные установки фиксируются в самосознании личности, в его «психологическом автопортрете».

Все это позволяет рассматривать установку в качестве основной общепсихологической характеристики личности. По мнению другого ученика Узнадзе – А. С. Прангишвили, с помощью понятия установки можно преодолеть понимание личности как некоторого конгломерата ее свойств и внести в исследование личности целостный и динамический подход [Прангишвили, 1980].

Д.Н. Узнадзе называет установкой основную, изначальную реакцию субъекта на воздействие ситуации, в которой ему приходится ставить и разрешать задачи [Узнадзе, 2004]. Окружающая субъект действительность влияет на него двояко — либо прямо, посылая ему ряд раздражений, непосредственно действующих на него, либо косвенно, через словесные символы, которые, сами не обладая собственным независимым содержанием, лишь презентируют на то или иное раздражение. На установку прежде всего воздействует окружающая среда, т.е. обстоятельства, в которых человеку приходится решать те или иные задачи. Но не менее важную роль играет и прошлый опыт, способный зафиксировать ту или иную установку и помешать появиться новой, вероятно, более подходящей в данных обстоятельствах. Однако индивидуальность человека зависит не только от его прошлого, от того, каковы его фиксированные установки содержательно, но и от того, каковы они формально.

Согласно Д.Н. Узнадзе [2004], важными факторами здесь будут возбудимость установки (насколько легко вырабатывается у субъекта фиксируемая установка), статичность – динамичность установки (меняется ли установка в за-

висимости от изменения внешней среды), пластичность – грубость (насколько легко установка поддается изменению), константность – переменчивость (изменчивость типа деятельности согласно установке), стабильность – лабильность (как долго сохраняется установка), генерализация – иррадиация (распространение установки), прочность установки (можно ли повлиять на установку).

В соответствии с типом установки можно говорить о типах личностей. Первый тип людей, которых характеризует «развитая способность к объективации и готовность легко переключаться в направлении объективированных целей» [Узнадзе, 2004, с. 122], называется динамическим. Второй тип – статичные личности. Если оценить поведение этих людей, их деятельность в осуществлении заданий, принимаемых ими на себя, то в данном случае им приходится преодолевать свою внутреннюю противоречивость. «Эти люди составляют впечатление, что деятельность их протекает под бдительным контролем сознания. Им приходится постоянно задерживать импульсы своих установок и выбирать линии своей активности лишь после того, как на базе возникшей объективации мысленно признается ими целесообразность какого-нибудь из конкретных видов деятельности, а затем усилиями воли принимаются меры к проведению его в жизни» [Узнадзе, 2004, с. 123]. Однако среди характерных черт, присущих данному типу личности, можно назвать активность, энергичность, исполнительность.

Третий тип — переменчивые люди, которые обладают достаточной легкостью объективации, но не обладают достаточными волевыми способностями, необходимыми для ее реализации [Узнадзе, 2004, с. 124]. Переменчивый тип личности разделяется, в свою очередь, на переменчиво-лабильный и переменчиво-стабильный подтипы. Переменчиво-стабильные личности обращают на себя внимание значительно развитой силой своих потребностей, и поэтому их поведение идет по линии активации установок удовлетворения этих потребностей. Ведущую роль у них играет прежде всего сила потребностей, ищущих удовлетворения. Характерной чертой переменчиво-лабильных личностей в первую

очередь является слабостью их потребностей. Они фиксируют свои установки под приоритетом ситуации.

1.10 Характеристика языковой личности в бытовом конфликтном дискурсе

Понятию «языковая личность» в лингвистике в последнее время уделяется особое внимание. Это связано с изменением вектора лингвистических исследований от языка как самостоятельной сущности к языку как продукту человеческой деятельности. «Дискурс ведут личности. Они принимают на себя те или иные коммуникативные роли, обмениваются своими речевыми ходами и соответственно, коммуникативными ролями. Они сообщают, описывают, констатируют, доказывают, убеждают, просят, приказывают, задают вопросы, дают ответы, делают и принимают предложения, обещают и уклоняются от обещаний, иронизируют над фактами, друг над другом или над собой, оскорбляют собеседников или льстят им, оценивают внешние факты или поведение друг друга. Они выбирают определенные речевые приемы, тактики и стратегии кооперативного или некооперативного характера» [Сусов, 2006, с. 146].

Языковая личность - «человек, существующий в языковом пространстве — в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [Карасик, 200, с. 7].

В.В. Виноградов первым ввел в лингвистическую науку понятие языковой личности. Ученый говорит об авторе текста как личности с индивидуальным отбором и использованием языковых средств, создающих особое отношение пишущего к содержанию произведения. По мнению В.В. Виноградова, это своеобразие проявляется «в индивидуальном стиле автора, его месте и функциях в системе литературы своего времени, его отношениях с другими стилями, его влиянии на развитие национального языка» [Виноградов, 1961, с. 64].

В 1980 г. Г.И. Богин дает одно из первых определений языковой личности. «Центральным понятием лингводидактики является языковая личность — человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые

поступки. ... Языковая личность – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [Богин, 1980, с. 3]

Ю.Н. Караулов дает следующее определение данному понятию. Языковая личность – это:

1) любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей в этом мире.

2) наименование комплексного способа описания языковой способности индивида, соединяющего системное представление языка с функциональным анализом текстов [Караулов, Чулкина, 2008].

Таким образом, представление о языковой личности связывается не только с реальным носителем языка, но и с некой моделируемой сущностью, научной абстракцией [Иванцова 2010]. Истоки таких взглядов можно найти в работе Н.С. Трубецкого «К проблеме русского самопознания» (1927), где философское понятие личности рассматривается в единстве и противоположности двух его сторон – «частночеловеческой» и «многочеловеческой» (частнонародной и многонародной), «симфонической» личности [Трубецкой, 2003].

В.П. Нерознак обозначает язык народа и конкретного его представителя как «многочеловеческую (полилектную)» и «частночеловеческую (идиолектную)» языковую личность [Нерознак, 1996, 113].

И.И. Сентенберг говорит о совокупной языковой личности – обобщенном образе носителя данного языка и индивидуальной языковой личности – конкретном носителе данного языка как двух сторонах одной медали, не существующих друг без друга. [Сентенберг, 1994, с. 15].

А.А. Ворожбитова предлагает использовать термин «коллективная языковая личность» или «совокупная языковая личность» применительно к этносу

в целом, а при описании социальных групп ввести термин «групповая языковая личность» [Ворожбитова, 2005, с. 139].

О.Н. Шевченко противопоставляет типовую и индивидуальную языковую личность. «Типовая языковая личность характеризуется такими свойствами, как абстрактность, эталонность, собирательность, безличность» [Шевченко, 2005, с. 7]; в каждом конкретном случае типовая модель реализуется в виде индивидуальной языковой личности.

В энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» приводится следующее определение: «Языковая личность – носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов: а) как индивидуум и автор этих текстов со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками; б) как типовой представитель данной языковой общности и более узкого входящего в нее речевого коллектива, совокупный или усредненный носитель данного языка; в) как представитель вида *homo sapiens* (человек разумный), неотъемлемым свойством которого является использование знаковых систем и прежде всего естественного языка» [Культура русской речи 2003, с. 104].

В первом случае лингвистические исследования проводятся, основываясь на текстовом материале, производимом одной личностью: например, экспликация ментальности языковой личности Джона Голсуорси [Хакуй, 2011], языковая личность А.Гайдара с точки зрения лингвориторических параметров [Субботина, 2011], языковая личность В.В. Виноградова как ученого-филолога [Кузнецова, 2013].

Во втором случае исследуется речевое поведение группы людей, объединенных по определенному признаку, и выделяются общие черты для создания портрета усредненной языковой личности, например языковой личности музыканта в этнокультурном аспекте [Быканова, 2015], языковой личности переводчика [Гуреева 2014], языковой личности педагога [Сергеева, 2013], языковой личности студента среднего профессионального образования [Демидова, 2011], женской языковой личности [Прокудина, 2002].

В третьем случае – языковая личность – обобщенное понятие, она обладает чертами, характерными для любого человека говорящего. В данном ракурсе исследования проводятся с рассмотрением различных аспектов языковой личности, как, например, коммуникативно-прагматическое исследование сильной – слабой языковой личности [Кадилина, 2011], особенности формирования языковой личности в моно- и полиэтнической среде [Безрокова, 2013].

В данном исследовании релевантным является второе определение, т.е. *носитель языка как типовой представитель данной языковой общности и более узкого входящего в нее речевого коллектива, совокупный или усредненный носитель данного языка.*

Говоря о языковой личности, В.И. Карасик вводит понятия *речевой паспорт* и *языковой идиостиль* человека. Речевой паспорт – это совокупность тех коммуникативных особенностей личности, которые и делают эту личность уникальной (или, по меньшей мере, узнаваемой). Идиостиль человека трактуется как выбор говорящим тех или иных средств общения. Речевой паспорт – это аспект коммуникативного поведения, а идиостиль – аспект коммуникативной компетенции. [Карасик, 2002].

О.Л.Каменская считает целесообразным дополнить модель языковой личности ещё двумя – невербальными - уровнями: 1) эмоциональным, объединяющим эмоции в составе языковой личности в их концептуальном представлении, и 2) моторико-артикуляционным, единицами которого являются функциональные механизмы порождения знаков языка в отчужденной от автора форме [Каменская, 1997].

Ю.Н. Караулов предлагает трехуровневую модель языковой личности:

- *вербально-семантический* уровень: для носителя - владение естественным языком, а для исследователя языковой личности - традиционное описание формальных средств выражения определенных значений.

- *когнитивный* уровень: понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой личности в более или менее систематизированную языковую картину мира, отражающую иерархию ценностей. Когнитивный уровень охва-

тывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания - к знанию, сознанию, процессам познания.

- *прагматический* уровень: мотивы, интересы языковой личности. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению речевой действительности в мире [Караулов, 1987].

Рассмотрим вопрос, что же собой представляет языковая личность в конфликтном дискурсе.

Коммуникативное поведение языковой личности в дискурсе неразрывно связано с избираемыми ею стратегиями и тактиками для достижения поставленных ею коммуникативных целей. Под *коммуникативной стратегией* понимается план речевого и невербального поведения, способствующий достижению цели коммуникации (см. аналитический обзор речевых стратегий [Васильев, Черкасская, 2011, с. 15-43]). Стратегия в конфликтном дискурсе – это обязательное предписание выбрать оппонентами адекватный ситуации и иллокутивным намерениям риторический прием – ход, о котором участники договариваются заранее [Певнева, 2008].

И.В. Коноваленко выделено две базовые стратегии в личностно-ориентированном конфликтном дискурсе: дискредитация собеседника и защита себя и отведение негативной информации.

Стратегия дискредитации в личностно-ориентированном дискурсе может проявляться за счет прямых и косвенных тактик. Прямыми способами дискредитации здесь будут являться оскорбление и угроза.

Косвенные тактики представлены менее частотно, чем прямые способы. Здесь необходимо отметить такие способы: форма совета, реализуемая как гипотетическая возможность; форма совета с учетом констатации проблемы [Коноваленко, 2009].

И.В. Певнева и А.Г. Фомин утверждают, что выбор стратегий в конфликте зависит от этнокультуры. Так, американцы сводят к минимуму употребление

стратегии речевой агрессии, стратегия манипулирования возможна, но не приветствуется, частыми же в конфликте будут стратегии компромисса и сотрудничества. Возможны также стратегии отдаления или дистанцирования. Особенности русской коммуникативной модели поведения в конфликте авторы считают стратегиями речевой доминантности, эмоционального общения, повышенной оценочности [Певнева, Фомин, 2008].

И.И. Гулакова выделяет три основные стратегии в конфликтном дискурсе: кооперативную, нейтральную и конфронтационную, а также разновидности этих стратегий: агрессию, уступчивость, манипуляцию, компромисс. Коммуникативные стратегии, избираемые участниками конфликтной интеракции, различаются в зависимости от их ориентации на достижение своих собственных коммуникативных целей и/или ориентации на цели партнера [Гулакова, 2004].

Следует еще раз отметить, что понятия *конфликтная личность* и *конфликтная языковая личность* соотносятся так же, как и понятия *личность* и *языковая личность*. Личность – понятие, являющееся объектом исследования ряда наук, как то: психология, социология, педагогика, этика и др. Языковая личность – объект исследования прежде всего лингвистики. То же можно сказать и об упомянутых нами ранее производных понятиях. Конфликтная личность – это личность, обладающая ингерентными характерными признаками, отражающими частоту вступления в межличностные конфликты. При высокой конфликтности индивид становится постоянным инициатором напряженных отношений с окружающими независимо от того, предшествуют ли этому проблемные ситуации [Емельянов, 2009]. В лингвистике же изучают речевое поведение конфликтной личности, ее вербально-семантические, когнитивные, прагматические характеристики и вследствие этого говорят о конфликтной языковой личности.

Интересной нам представляется классификация конфликтных языковых личностей К.Ф. Седова [Седов, 2002].

Типы (стратегии) речевого поведения языковых личностей в коммуникативном конфликте.

1. *Инвективная* (коммуникативные проявления здесь выступают отражением эмоционально-биологических реакций и выливаются в аффективную разрядку в форме инвективы).

2. *Куртуазная* (тяготение говорящего к этикетным формам социального взаимодействия. Крайняя форма аффекта - плач).

3. *Рационально-эвристическая* (тяготеет к смеху, как аффективной реакции. Негативные эмоции в этом случае выражаются косвенным, непрямым образом).

Н.Д. Голев выделяет следующие конфликтные сценарии:

- *неуправляемый взрыв* кумулятивной энергии инвектора (долго накапливаемый энергетический потенциал, встретивший при его реализации сопротивление кого-либо, трансформируется в резкую агрессию);

- *спонтанный* нравственно-психологический конфликт, ведущую роль в котором играет инвектум (сталкиваясь с грубостью, насилием, человек наполняется чувствами униженности, бессилия и часто, переполненный этими чувствами, движется по «логике взрыва»);

- *игровой* конфликт, провоцируемый инвектором-«актером» (инвектор сам провоцирует конфликт, от осуществления которого он получает психологическое или эстетическое удовлетворение);

- *идейный* конфликт, провоцируемый инвектором (люди часто сталкиваются не столько как разные психологические типы, сколько как носители определенных идей, жизненных ценностей. В этом смысле такие конфликты являются "подготовленными" и неизбежными) [Голев, 2004].

Существует также тенденция классификации языковой личности и стратегий ее поведения в конфликте по гендерному признаку (И.В. Грошев, Е.П. Ильин, М.А. Круглова, Николаева Д.А. и др.)

Женщины:

- больше терпимости и стремления к компромиссному примирению интересов [Круглова, 1999].

- навязчивое фокусирование на проблеме, что увеличивает уязвимость женщины по отношению к стресс-фактору [Ильин, 2002].
- при разрешении конфликтов больше ориентируются на чужое мнение [Грошев, 1996].

Мужчины:

- придерживаются проблемы, из-за которой произошел конфликт, нечасто переходят на прошлые обиды [Николаева, 1998];
- пытаются отгородиться от депрессивных эмоций, концентрируясь на чем-то другом, например, осуществляя физическую активность, чтобы таким способ разрядить возникшее негативное напряжение [Ильин, 2002];
- более четко рассматривают и различают конфликтные ситуации, чем женщины, и дифференцируют свое поведение в зависимости от сферы конфликта [Грошев, 1996].

В данном исследовании наряду с конфликтной языковой личностью вводится понятие конфликтующей языковой личности. Это дискурсивный тип языковой личности (в отличие от конфликтного лингво-психологического типа), который определяется коммуникативными условиями. Во второй главе исследования будет проведен анализ конфликтующей языковой личности на прагматическом, психологическом и вербальном уровнях.

Таковы общие черты языкового портрета усредненной языковой личности в конфликте, однако, каждый новый конфликтный дискурс обогащает этот портрет новыми деталями в дополнение к существующим, дифференцированным как признаки конфликтной языковой личности.

Выводы по главе 1

В первой главе исследования описаны основные подходы к определению понятия «дискурс», выявлены особенности дискурса с точки зрения социолингвистики, охарактеризованы типы дискурса с позиций участников общения.

Для данного исследования выбрано определение понятия «дискурс» по В.И. Карасику: «Дискурс есть речевой продукт, рассматриваемый как социальное действие, осуществляемое с определенными интенциями, характеризующееся типологически обусловленным коммуникативным пространством».

Центральный круг вопросов, исследуемых в дискурсивном анализе, – вопросы структуры дискурса. Следует различать разные уровни структуры – макроструктуру, или глобальную структуру, и микроструктуру, или локальную структуру дискурса. Макроструктуры определяются макроправилами селекции, обобщения, опущения, построения. Макроправила применяются многократно, поэтому существует несколько уровней макроструктуры по степени обобщения, причем, для очень больших текстов количество уровней может быть очень высоким, а для коротких – макроструктура может быть равна микроструктуре.

Согласно Карасику В.И. все виды дискурса делятся на статусно- и лично-ориентированные. К первым относятся институциональный и неинституциональный типы дискурса, вторые проявляются в бытовой и бытийной сферах общения.

Бытовой дискурс обладает следующими характеристиками: 1) неофициальные отношения между говорящими, т.е. близкие или нейтральные; 2) отсутствие у говорящих установки на сообщение, имеющее официальный характер; 3) отсутствие элементов, нарушающих неофициальность общения.

В качестве конфликтного дискурса выступает такое амбивалентное речевое взаимодействие собеседников, иллокутивная доминанта которого представляет собой столкновение коммуникативных целей, а консеквент характеризуется изменением знаний и эмоциональных состояний оппонентов благодаря их вербальному воздействию друг на друга.

Структуру языковой личности можно проследить на когнитивном, прагматическом, лексико-семантическом уровнях. В соответствии с тяготением разных носителей языка к той или иной речевой стратегии можно говорить об

инвективной, куртуазной и рационально-эвристической языковых личностях. Каждый из данных типов использует свои сценарии в конфликтной ситуации общения.

Наряду с конфликтной языковой личностью (лингво-психологический тип) можно говорить о конфликтующей языковой личности. Это дискурсивный тип языковой личности, который определяется коммуникативными условиями. Любой психологический тип личности в условиях коммуникативного конфликта приобретает черты личности конфликтующей.

На поведение личности в конфликтной ситуации влияют особенности ее характера, а также установка, которую имеет личность в данной конкретной ситуации.

ГЛАВА 2. СТРУКТУРА БЫТОВОГО КОНФЛИКТА И ПОВЕДЕНИЕ В НЕМ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В рамках второй главы исследования предполагается установить прагматическую и семантическую макроструктуры бытового конфликтного дискурса, построить его суперструктуру, а также провести аргументативный микроанализ диалогов с семантикой конфликта. Также в главе будет описана модель конфликтующей языковой личности на трех уровнях: лексико-семантическом, когнитивном и прагматическом. Будут выявлены основные тактики и стратегии языковых личностей в бытовом конфликтном дискурсе и выявлены возможные ее установки в бытовом конфликте.

2.1 Структура бытового дискурса

2.1.1 Макроструктура бытового дискурса

Исследуя структуру любого типа дискурса, в особенности диалогического, следует выделять его прагматическую и семантическую составляющие.

Некоторые последовательности речевых актов можно представить в виде одного макроречевого акта. Последовательности речевых актов объединяются в глобальные речевые акты посредством макроправил. Такие макроправила опускают нерелевантные детали (при этом работает макроправило Опускания), обобщают и конструируют (макроправила Обобщения и Построения, соответственно) глобальные действия.

Если в последовательности речевых актов существуют такие, которые функционируют как вспомогательные действия для других речевых актов, эти вспомогательные действия можно удалить. В данном случае применяется макроправило *Опускания*.

- *Мам, ты сегодня в город не собиралась?*

- *Нет.*

- *А какие у тебя дела вечером?*

- *Да, никаких, вроде... А что?*

- *Мам, посидишь с Митькой? Мы с Женей хотели в ресторан сходить.*

В данном примере каждая реплика является условием для произнесения следующей реплики. Вопросы помогают говорящему извлечь важную информацию для того, чтобы осуществить последнее речевое действие: попросить маму посидеть с ребенком. Следовательно, вся последовательность речевых актов, кроме последнего, может быть опущена, и данный диалог будет рассматриваться, как просьба посидеть с ребенком.

Приведем еще один пример фрагмента диалога:

- *Привет, как делишки у тебя, дорогая моя?*

- *Лучше всех. Ты как?*

- *Потихоньку. Дай Женьке трубочку, пожалуйста, у меня к нему разговор есть...*

В принципе, возможно анализировать пример как состоящий из двух независимых последовательностей: вежливый вопрос и просьба. Однако на самом деле первая часть последовательности – это не более чем ритуальная форма приветствия, которую можно опустить (макроправило опущения) при анализе пропозиционального содержания, а дальнейшие события связаны с просьбой о контакте с Женькой. И снова это определяется глобальным результатом и общей целью последовательности.

С другой стороны, если такие действия рассматривать как компоненты, условия или последствия других речевых актов, мы скорее будем использовать макроправило *Построения*. Это правило, однако, подразумевает наличие знания о том, как осуществляются глобальные речевые акты. Как для глобальных действий составляющие его компоненты можно определить путем перечисления действий более низкого уровня, так и для глобальных речевых актов можно сделать то же, но в более сложной форме. Любой речевой акт может производиться прямо и изолированно: запрос не требует представления других речевых актов. Однако, с другой стороны, необходимо ответить на вопрос: имея после-

довательность речевых актов, возможно ли сконструировать глобальный речевой акт? Это построение может, во-первых, основываться на последовательности условий, как в примере:

- *Вот, Игорь, мы с тобой живем как муж и жена уже давно, так?*

- *Да.*

- *И вместе едим, и ходим везде, и вообще...*

- *Да, так.*

- *А в семьях как принято, знаешь? Денежки должны храниться у жены, чтоб она продукты покупала, там, еще что. Ведь так, Игорь?...*

Вся последовательность реплик в данном примере имеет одну цель: убедить партнера по интеракции в том, что он должен отдавать заработанные деньги жене. Таким образом, первый речевой акт может предъявлять условия для следующих речевых актов. Если такие условия существуют как часть приготовления к следующему речевому акту, последовательность в целом должна функционировать как этот самый речевой акт.

Правило *Обобщения* также употребляется при преобразовании последовательностей речевых актов в глобальные речевые акты и неразрывно связано с макроправилом Построения. Следует понимать, что речевые акты – это действия специфической природы. Любую последовательность можно свести к «Он сказал...». Тогда вопрос в том, существуют ли особые понятия для подтипов речевых актов, которые объединяют классы речевых актов. Вопросы, просьбы, команды, угрозы и советы могут попасть в один класс (Говорящий хочет, чтобы слушающий что-то сделал). Так, один и тот же речевой акт, к примеру: «*Лучше не трогай*» может выполнять роль угрозы, инструкции или запрещения. Такие классы могут относиться к понятиям «спросить» или «сказать». Из вышесказанного следует, что правило Обобщения следует применять внимательно и с осторожностью для формирования глобальных речевых актов.

Макроструктуры и когнитивные операции, в которых эти макроструктуры используются, являются определяющими как в процессах производства текстов, так и в процессах восприятия, накопления, запоминания и дальнейшего

воспроизводства информации. Использование возможностей макроструктурирования объясняет, как носители языка привычно, изо дня в день суммируют несметное число текстов, лежащих в основе производства какого-либо отдельного сообщения. Теория макроструктур предоставляет возможность исследовать особые характеристики глобальных речевых актов, в которых субъективно обобщается остальная часть сообщения. И, наконец, именно выделение макроструктур делает понятным, почему в памяти коммуникантов удерживаются основные топики, то есть высшие уровни макроструктуры сообщения [Дейк, 1989].

Покажем процессы выделения прагматических и семантических макроструктур на примере бытового диалога.

(1)Э: Алло.

(2)Т: Алло, Элина, привет, это Кириллюк.

(3)Э: Да, я узнала по голосу, привет!

(4)Т: Привет, мать. Я сегодня прораб на стройке, мы сейчас разговариваем о тебе...

(5)Э: Ух ты, как приятно!

(6)Т: И хотим узнать серьезность твоих намерений по отношению к Саше. Расскажи-ка о них.

(7)Э: Эээ... Серьезность намерений?

(8)Т: Ага

(9)Э: Так поставлен вопрос, как будто бы я мужчина, который собирается его взять в жены...

(10)Т: Ты просто его буквально украла с поляны на три дня, поэтому...

(11)Э: Да, я его украла и я, честно говоря, не хотела его вообще отпускать. Это уж так я (смеется) отпустила. Ну что, все... все более чем серьезно. Я не буду говорить по телефону о чувствах, потому что я думаю, что все эти вещи мы обязательно обсудим, когда я буду на площадке, вот, когда вы увидите мои глаза, чтобы как бы не было никаких сомнений, вот, так что Сашка мне нужен, да, и я его никому не отдам.

(12)Т: Угу. Просто все здесь на поляне, знаешь, смеются над Сашкой и считают, что он тебе не нужен, и ты просто увидела, как в эфирах он окружен женской заботой, вот, и решила всех девчонок, которые влюблены в Задойнова, щелкнуть по носу вот таким образом, что позвала его к себе и провела вместе с ним три дня.

(13)Э: Ну, интересная версия (смеется), я что могу сказать?

(14)Т: Это правильная версия?

(15)Э: Нет, это не так. Все иначе. Но, наверное, знаешь, я тебе так скажу: невозможно все рассказать по телефону, я завтра приеду, вот, завтра поговорим еще, и там, я думаю, увидимся и созвонимся, если что, там, я не знаю, где я буду, вот, на поляне или в городе, но...

(16)Т: Ну, смотри: Саша сказал, что ты завтра приходишь на проект и всем объявляешь, будешь ли ты с нами или нет, верно?

(17)Э: Мы завтра этот вопрос будем решать, да, потому что, ну, как бы других вариантов нет, надо очень остро вопрос так поставить. Мы будем и с ведущими разговаривать, да, и с Сашкой.

(18)Т: Угу.

(19)Э: Все потому что пока мы отдельно, нам очень плохо жить друг без друга, поэтому что-то нужно решать.

(20)Т: Так о чем же разговаривать, если вы влюблены друг в друга, вот, а я вижу, что ты еще сомневаешься: быть или не быть с Сашкой на проекте, в то время, пока Саша говорит, что он уверен, что завтра уже возвращаешься со всеми своими вещами.

(21)Э: Но самое главное, что я уверена, с кем я хочу быть, а на проекте или вне проекта – это не столь важно. Завтра будем это решать, так что как-то так.

(22)Т: То есть уже неважно, что у Задойнова нету миллионов, ты его любишь таким, какой он есть?

(23)Э: Ты знаешь, я тебе скажу больше, что те люди, которые знают меня и находились со мной на проекте в разные годы, да? всегда знают, что

все, что я говорю за деньги и т.д. – это скорее напускное. А второй момент – я уверена, что Сашка сможет подняться, а рычаги управления я могу ему в руки дать.

(24)Т: Ну, хорошо, замечательно. Так, мы тогда будем завтра тебя ожидать. Все, до встречи, мать. До завтра.

(25)Э: Да. Танюш, еще это самое, меня ребята слышат?

(26)Т: Да.

(27)Э: И кто будет гнать на Задойнова - приеду, разорву сама, как Тузик грелку. Все меня услышали?

(28)Т: Хорошо, понятно, он под твоей защитой... Ага, и ты говоришь, что ты не пафосничаешь. Да? Опять, ха-ха, рассказываешь, что порвешь всех. Ладно, давай, до завтра.

(29)Э: Все, моя дорогая, спасибо. Пока-пока.

(30)Т: Давай.

Данный диалог прекрасно иллюстрирует черты бытового дискурса. В диалоге присутствует сниженная, разговорная лексика: «Мать» (как обращение к знакомой), «гнать» (в значении приставать, говорить неправду), «давай» (как прощание), «порву, как Тузик грелку», «нету» (вместо «нет»). Встречается большое количество слов-паразитов: ну, как бы, так, вот, там и др. Присутствуют перебивы, незаконченные предложения.

Эта глобальная просьба происходит в рамках 30 диалогических реплик. В одной реплике может быть несколько речевых актов. В нашем примере они следующие:

Таблица 2

№	Речевой акт	Значение
(1)	Коммуникатив.	Ответ на звонок.
(2)	Коммуникатив. Репрезентатив.	Приветствие. Утверждение (представление).
(3)	Репрезентатив. Коммуникатив.	Утверждение. Приветствие.

(4)	Коммуникатив. Репрезентатив.	Приветствие. Утверждение.
(5)	Экспрессив.	Восклицание (Выражение радости)
(6)	Репрезентатив. Директив.	Утверждение. Просьба.
(7)	Эротетив	Вопрос (переспрос).
(8)	Репрезентатив.	Утверждение (уточнение)
(9)	Репрезентатив.	Утверждение (сравнение).
(10)	Репрезентатив.	Утверждение (объяснение)
(11)	Репрезентатив. Репрезентатив. Репрезентатив и Комиссив. Репрезентатив.	Утверждение. Утверждение. Обещание. Утверждение.
(12)	Репрезентатив.	Предположение.
(13)	Репрезентатив. Эротетив.	Вопрос.
(14)	Эротетив.	Вопрос.
(15)	Репрезентатив. Репрезентатив и Комиссив.	Отрицание. Утверждение. Обещание.
(16)	Репрезентатив и Эротетив.	Утверждение. Вопрос (уточнение)
(17)	Репрезентатив. Репрезентатив.	Утверждение (разъяснение). Утверждение.
(18)	Коммуникатив.	Согласие.
(19)	Репрезентатив.	Утверждение (объяснение)
(20)	Репрезентатив. Репрезентатив. Репрезентатив.	Утверждение. Утверждение. Утверждение.
(21)	Репрезентатив. Комиссив.	Утверждение. Обещание.
(22)	Эротетив.	Вопрос (уточнение).
(23)	Репрезентатив. Репрезентатив.	Утверждение. Утверждение.
(24)	Экспрессив. Репрезентатив.	Выражение отношения. Утверждение. Прощание.
(25)	Коммуникатив. Эротетив.	Согласие. Вопрос.
(26)	Репрезентатив.	Согласие.

(27)	Комиссив. Эротетив.	Предупреждение (угроза). Вопрос.
(28)	Репрезентатив. Репрезентатив. Репрезентатив.Коммуникатив.	Утверждение. Утверждение. Прощание.
(29)	Репрезентатив. Коммуникатив.	Благодарность. Прощание.
(30)	Коммуникатив.	Прощание.

Итак, на микроуровне мы имеем 30 реплик и примерно 50 речевых актов.

Следует иметь в виду, что в этот диалог был заранее спланирован Татьяной. Она звонит Элине с определенным намерением (получить информацию о планах Элины относительно Александра). А это означает, что Татьяна использует некоторую стратегию, чтобы прийти к определенному результату, хотя и не может спланировать диалог на локальном уровне, так как не знает заранее даже того, согласится ли Элина на разговор, не говоря уже о том, как отреагирует на ее вопросы. Вполне возможно, что условия глобального речевого акта не будут выполнены, тогда Татьяне придется поменять стратегию. Для выделения прагматической макроструктуры данного диалога воспользуемся макроправилами, которые помогут найти и устранить речевые акты, нерелевантные, менее релевантные или косвенно релевантные для глобального речевого акта. Используя макроправило Опускания, можно сразу удалить речевые акты приветствия и прощания как ритуальные выражения, использующиеся в начале и завершении любого разговора (это реплики (1) – (5), и (29) – (30)). Реплики (6) и (10) являются, по существу, ключевыми и отражают основную цель данного диалога, а именно, запрос о намерениях. Реплики (7) – (9) также будут опущены ибо являются, по существу, лишь уточнением запроса. (11) реплика дает конкретный ответ на запрос и также является ключевой для данного диалога. Реплики (12), (14), (16), (20), (22), по существу, представляют собой Директив (просьбу о разъяснении и подтверждении реплики) (11) и могут быть обобщены, как глобальная просьба об уточнении ответа (11). Реплики (13),(15), (17),(19),(21), (23) – это ответы Элины на вопросы Татьяны, обобщаемые до макроречевого акта Репрезентатив (значение – уточнение). Реплики (25) и (26) с

легкостью могут быть опущены, так как являются лишь запросом о хорошей слышимости. Реплика (27), названная нами угрозой по сути является подчеркнутым подтверждением серьезности намерений Элины. Исходя из вышесказанного, с применением макроправил Обобщения и Построения выстраивается *прагматическая макроструктура* данного диалога, а именно: Директив (просьба сообщить намерениях Элины) и Репрезентатив (ответ на запрос).

Используя те же правила Обобщения, Построения и Опускания, выявим семантическую макроструктуру данного диалога. Как и на прагматическом уровне реплики (1) – (5) и (29) – (30) будут опущены в первую очередь, т.к. представляют собой ритуальные формы завязывания и окончания диалога и не несут, в данном случае, никакой смысловой нагрузки, кроме той, что собеседники хорошо знакомы, находятся в равных социальных ролях и в неплохих отношениях. Реплика (6) является Постановкой Топика диалога, а именно: вернется ли Элина к Саше.

В репликах (11) – (15) идет Обсуждение данного Топика (макроправило Обобщения), и в реплике (15) мы также видим, что одна из участниц разговора собирается его закончить, говоря, что по телефону эту тему обсудить невозможно, подводит итог и собирается проститься (макроправило опущения), но у второй участницы данного диалога еще остались вопросы, поэтому она открывает новый Топик в реплике (16) и не дает закончить разговор. В (17) – (23) репликах мы снова наблюдаем развитие Топика. В (24) реплике уже вторая участница разговора предлагает закончить его, подводя некоторые итоги и прощаясь. Но первая участница, в свою очередь, открывает новый Топик в репликах (25) и (27). В (27) и (28) репликах происходит развитие данного топика, и, наконец, в репликах (28) – (30) происходит завершение разговора прощанием. Итак, макроправила позволили определить семантическую макроструктуру (тему) диалога, а именно: Отношения Элины и Саши.

Если на самом глобальном уровне, как мы уже говорили, мы можем сказать об этом диалоге, что это запрос информации, то на чуть более низком

уровне, мы можем представить макроструктуру данного диалога следующим образом:

Т и Э приветствуют друг друга.

Т интересуется планами Э на отношения с А.

Э дает ответ о серьезности ее намерений.

Т просит уточнить, действительно ли Э готова вернуться.

Э подтверждает серьезность своих намерений.

Э и Т договариваются о будущей встрече и прощаются.

Как и семантические макроструктуры, прагматические макроструктуры важны для установления локальной связи, т.е. не только в парах вопрос – ответ, но часто их связь устанавливается через прагматический аспект последовательности. Последовательность прагматических действий говорящих в разговоре определяется локальными стратегиями связи, но в то же время и общим планом интерпретирования глобального речевого акта. Только в последней перспективе мы можем объяснить направление, взятое участниками в соответствующих речевых актах. Глобальные речевые акты должны иметь глобальное пропозициональное содержание.

Семантика и прагматика, как известно, – это две неотъемлемые стороны любого текста. Семантика вне прагматического контекста оказывается неполной. Дело в том, что мир, выраженный семантикой, должен быть встроен в мир коммуникантов и ограничен пространственно-временными координатами. Учет этих факторов формирует прагматический компонент содержания. Семантика без прагматики лишена определенности. Прагматика без семантики беспредметна. Это речевой акт ни о чем. Семантика отвечает на вопрос «Что?», а прагматика дает ответ на вопрос «Как?». Они взаимно дополняют друг друга. Другими словами, прагматические макроструктуры требуют семантических макроструктур.

2.1.2 Суперструктурная схема построения бытового диалога

Как для выражения и организации значений предложения необходима синтаксическая форма, так необходима форма и для организации общего значения или макроструктуры текста как целого. Схематическая суперструктура и является такой формой. Многие часто используемые типы дискурса демонстрируют присущую им суперструктуру, так как это облегчает процессы производства и восприятия текста. Глобальные структуры, отражающие и тематическое содержание, и схематическую форму, являются определяющими в теоретическом анализе; они же очень важны и в реальных процессах производства и понимания текста.

Суперструктуры организуют макроструктуры. Некоторые схематичные категории имеют определенные прагматические аспекты – завязка, обсуждение, заключение, открытие и закрытие.

В большинстве коммуникативных ситуаций пользователи языка производят несколько речевых актов. Речевая деятельность, протяженная во времени, позволяет анализировать последовательность речевых актов. То есть, некоторая последовательность речевых актов пользователей языка в определенной ситуации может составить единицу, в которой данные речевые акты связаны, в то время как предыдущие и последующие речевые акты или речевые акты других участников не принадлежат данной последовательности. Два речевых акта связаны, если, во-первых, один является условием или следствием другого. Во-вторых, связность речевых актов требует текстовой связности (семантической значимости последовательности). В-третьих, последовательности речевых актов должны быть направлены на определенную цель. Иногда эта цель четко определена (убеждение) – изменение мнения слушающего или совместное принятие решения. Однако чаще в повседневных коммуникативных ситуациях цель менее очевидна (обмен информацией, контроль взаимодействия).

Проследим суперструктурную последовательность на примере разговора Нелли (Н) с мамой (М):

(1) Н: Алло, мам!

(2) М: Алло, дочь, привет!

(3) Н: Привет, я на громкой.

(4) М: И чего?

(5) Н: Ааа, я не знаю. Ты сейчас стоишь или сидишь?

(6) М: Ну, как бы, да, стою.

(7) Н: Мам, ну, на 23 февраля я, значит, хм, я, короче, одела костюм солдата, все, как нужно, вот, и начала поздравлять Никиту и подарила ему кольцо. (смеется)

(8) М: Какое?

(9) Н: Ну, такое, золотое, как бы, как обручальное, вот, но я сказала, знаешь как? Я говорю: я готова стать твоей женой, я хочу тебя видеть своим будущим мужем, я готова к семейной жизни. Вот. Но это все поняли, как предложение.

(10) М:... Тааак. А зачем ты это сделала?

(11) Н: Ну, потому что я вижу его в роли своего будущего мужа.

(12) М: Я сейчас не пойму: ты чего, предложение Никите сделала?

(13) Н: Ну, не то, чтобы предложение, но... ну, все, короче, думают, что это предложение, да. Я намекнула.

(14) М: Ну, а зачем? Я вообще тебя не понимаю. Я понимаю: Никита – хороший мальчик, конечно, все, но как муж... Ему еще многому надо научиться, выучиться, там, работу найти. Я что-то не знаю: какое тут может быть предложение, тем более, что с твоей стороны, я чего-то в шоке, правда.

(15) Н: (смеется) Ну, я знала, но, вообще, даже многие девочки меня не поняли здесь, потому что вроде как привыкли, что мужчина должен делать это предложение, а женщина соглашаться или нет, вот, но вроде как я инициативу взяла в свои руки и первой...

(16) М: Ну, ты в такой роли и будешь жить всю жизнь, раз инициативу в свои руки взяла, потом не ропщи на судьбу. Зачем тебе это надо? Конечно, я

понимаю, что слово – не воробей и не поймаешь, но я не знаю, что-то как-то что-то...

(17) Н: Ну, понятно. Ладно, пока, мамуль. Я позвоню потом.

(18) М: Пока, дочка.

Итак, в реплике (1) мы наблюдаем типичную ритуальную ситуацию общения: Приветствие. В следующей реплике (5) присутствует вступление, подготовка собеседника к тому, что далее последует Постановка Топика диалога. В реплике (7) озвучивается Топик диалога, а в последующих репликах мы можем наблюдать реакцию адресата (10) и обсуждение топика (9) – (15). В реплике (16) подводятся итоги коммуникации, делается вывод. Далее следует прощание(17) – (18).

Для построения суперструктурной схемы бытового конфликтного дискурса было просмотрено порядка 1000 диалогов на бытовые темы. Анализ бытовых диалогов участников развлекательных телепроектов позволил сделать следующие выводы. Бытовое общение имеет следующую суперструктуру. Во-первых, это Приветствие, включающее, вероятно, субкатегорию Введение, где участники спрашивают о здоровье, текущих делах, произошедших событиях. Затем вводится запланированный или незапланированный главный Топик разговора. Эта основная категория может быть разделена на несколько субкатегорий, таких как Постановка топика, которая функционирует как категория, которая фокусирует внимание на основной теме и сути разговора. Затем следует собственно Обсуждение топика. Наконец, мы имеем Завершение топика, которое может сопровождаться, к примеру, Благодарностью.

Разговоры завершаются не просто категорией Прощания, а гораздо более сложной последовательностью шагов, включающей «начало конца»: один из говорящих объявляет эксплицитно или имплицитно, что разговор подошел к концу. Этот шаг должен быть принят адресатом, и только после этого следуют прощания и завершение разговора. Однако перед завершением один из участников коммуникации может вдруг вспомнить о чем-то важном и начать новую категорию топика.

В результате вышесказанного, попытаемся отразить наши наблюдения в «идеальной» схеме, соответствующей суперструктуре диалога на бытовые темы (Схема 1).

Еще раз оговоримся, что это «идеальная» схема структуры диалога, т.к. спецификой бытового общения является его непредсказуемый характер. В предложенной схеме была попытка отразить все возможные суперструктурные составляющие бытового дискурса. Данная схема, скорее всего, будет присутствовать со всеми своими составляющими, однако, с разной протяженностью во времени, в таких разновидностях бытового дискурса, как: разговор по телефону, встреча, свидание и т.п. Как мы могли заметить из примера, чаще всего интеракция, особенно на бытовые темы, не ограничивается одним лишь главным топиком, их, как правило, бывает несколько. Помимо главных топиков параллельно или последовательно всплывает еще ряд второстепенных топиков. Если постановка топика может состоять из одного лишь речевого акта, то развертывание, как правило, занимает наибольшее место в процессе коммуникации. Результат коммуникации может быть как положительным (прагматическая цель достигнута), так и отрицательным. О фазах приветствия и прощания мы уже говорили – их наполненность может быть разной по объему в зависимости от ситуации общения. Кроме того, в бытовом дискурсе одна из фаз или обе сразу в некоторых случаях могут отсутствовать.

Схематические суперструктуры играют большую роль в вербальной интеракции. Это типичные категории, которые глобально организуют как семантические, так и прагматические макроструктуры.

Схема 1. Суперструктура бытового диалога

2. 2 Структура и основные составляющие бытового конфликтного дискурса

Анализ текстов дал возможность выявить основные особенности и структуру бытового конфликтного дискурса, что позволило составить фрейм «бытовой конфликт», схема которого приведена на следующей странице (Схема 2). Цель построения данного фрейма – выделить и продемонстрировать составляющие бытового конфликтного дискурса.

Напомним, что фрейм представляет собой сеть, состоящую из узлов и связей между ними. Верхние уровни фрейма четко определены, поскольку образованы такими понятиями, которые всегда справедливы в предполагаемой ситуации. На более низких уровнях имеется много особых вершин-терминалов (слотов), которые должны быть заполнены характерными примерами или данными.

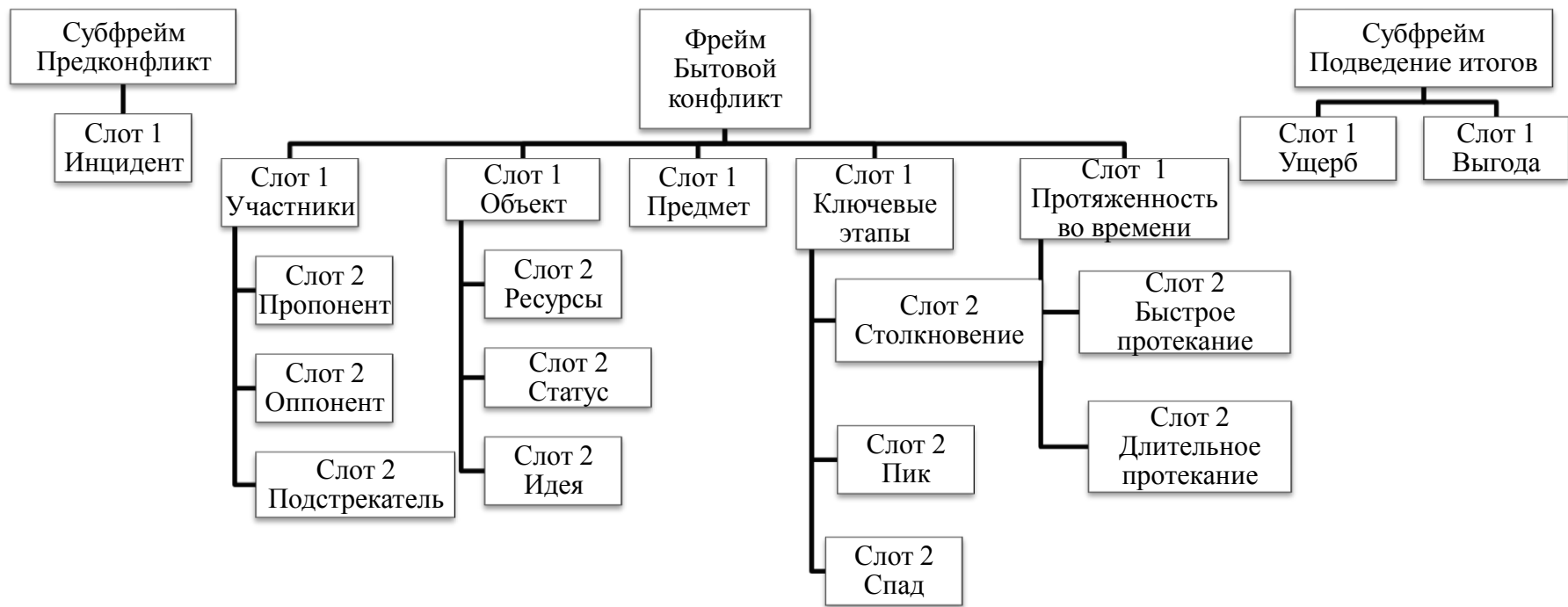

Схема 2. Фрейм «Бытовой конфликт»

Каждым терминалом могут устанавливаться условия, которым должны удовлетворять его задания. Субфреймы, фреймы и суперфреймы - это иерархически упорядоченные элементы, образующие системы фреймов. Более сложными условиями задаются отношения между понятиями, включенными в различные терминальные вершины [Мински, 1979].

Далее определим основные структурные особенности бытового конфликтного дискурса.

2.2.1 Суперструктура диалога с семантикой конфликта

Проанализировав структуру бытового дискурса, мы можем перейти к анализу бытового *конфликтного* дискурса. Пронаблюдаем противоборство сторон в следующем примере конфликта между участниками телешоу «Дом-2» Либерж (Л) и Женей (Ж).

- (1) Л: Привет. Как день прошел, Жень? Учитывая, что у меня температура 37,7, кратенько мне расскажи.
- (2) Ж: Так, может, не надо рассказывать тогда, а то поднимется еще.
- (3) Л: Да нет, почему нет? Я-то уже узнала, в принципе. Мне просто интересно: это так оно и есть или нет?
- (4) Ж: А как оно и есть?
- (5) Л: По какой причине ты первым делом идешь к Игорю, рассказываешь Игорю под камерами, говоришь ведущим...?
- (6) Ж: Ты мне вот...
- (7) Л: ... о том, что, оказывается, такие вот мысли есть? Что это происходит, вообще, в моей жизни?
- (8) Ж: Это я делюсь своим радостным просто.
- (9) Л: Либо тебе нужно, чтобы о тебе поговорили, у тебя свадьба ради свадьбы. Или просто можешь расписаться молча. Тебе важен штамп в паспорте или тебе важно обсуждение вокруг этого штампа?

- (10) Ж: Нет, просто мне... Я хотел поделиться радостной новостью с Игорем. В чем проблема? Ты никогда мне...
- (11) Л: Ты больше нигде не нашел места!
- (12) Ж: Ты никогда мне так не говорила просто. Мне приятно было.
- (13) Л: Жень, когда я тебе об этом говорила...
- (14) Ж: Я для себя...
- (15) Л: ...когда я тебе об этом говорила...
- (16) Ж: ...хочу сказать...
- (17) Л: ... нас никто не снимал!
- (18) Ж: Послушай, меня послушай!
- (19) Л: Мы говорили наедине!
- (20) Ж: ты много говоришь. Меня послушай!
- (21) Л: Ну, можно уж поговорить, да.
- (22) Ж: Я скажу так, что мои как бы, ну, то, что я сказал, так и есть.
Ты просто потешила свое самолюбие, и я могу теперь тебе с полной уверенностью сказать, что никакой свадьбы не будет. Все!
- (23) Л: Это ты мне говоришь?
- (24) Ж: Да, да, да.
- (25) Л: С полной уверенностью, что свадьбы не будет?
- (26) Ж: Да, да, да.
- (27) Л: Женья, это я тебе говорю.
- (28) Ж: Все.
- (29) Л: Если бы ты хотел просто свадьбу...
- (30) Ж: Все, я сказал.
- (31) Л: ...просто. Если ты хотел бы просто...
- (32) Ж: Мне больше даже не интересно.
- (33) Л: ...узаконить наши отношения...
- (34) Ж: Мне больше не интересно даже говорить.
- (35) Л. Жень, мне кажется, это нужно делать более деликатно.

Проведем структурный анализ данного диалога.

Разговор начинается с приветствия (1), что типично для любого диалога, в целом и как правило не несет никакой смысловой нагрузки. Но в данном случае Приветствие имеет семантическую значимость и скорее служит индикатором предстоящего неприятного разговора. Во второй реплике участник будущего конфликта пытается избежать его, но ясно, что Евгений представляет, о чем далее пойдет речь. Ранее Либерж согласилась выйти замуж за Евгения, и он рассказал другу и ведущим об этом событии, что очень не понравилось Либерж. Данные события, по существу, являются инцидентом, спровоцировавшим данный конфликт. В реплике (5), (7) и (9) Либерж высказывает свои претензии, происходит развитие конфликта. Реплики (8), (10), (12) – попытки Евгения объяснения своих действий, оправдания. Далее в репликах до (22) происходит пик конфликта, где каждый пытается высказаться, доказать свою точку зрения, не принимая и не желая слушать точку зрения собеседника. Кульминацией конфликта является заявление Евгения о том, что отказывается жениться на Либерж (22). В репликах (23) и (25) Либерж уточняет намерения Евгения, и получив утвердительный ответ в (24) и (26), делает ответное заявление в реплике (27). Далее происходит спад конфликта, что видно по снижению голоса, замедлению темпа речи. Завершается конфликт отказом одной из сторон продолжать разговор (34).

Следующий пример – конфликт между участниками американского телешоу «Big Brother» Евел Диком и Джакекой.

(1) *Very funny! How I can be more honest than the people reading Bible in the house.*

(2) *J: I don't say about you don't believe in God! He has nothing to do with you! And I say nothing about you!*

(3) *D: I don't say anything.*

(4) *No, no, no! You started! I say nothing about you not believing in Christ! I say nothing about you not believing in God!*

(5) *No.*

(6) *J: So, don't bring that f... to me! You don't have right to say his name!*

(7) D: *I don't say you haven't right to read the Bible and say: that's the reason of that magic bing bang ball, hahah!*

(8) J: *So what? So What? (хлопает в ладоши)*

Дик хлопает в ладоши, передразнивает Джамеку.

(9) J: *So what do I have to do with you? Nothing! So keep my name out of your mouth!*

(10) D: *I say, and God, and everyone here that you're a hypocrite!*

(11) J: *Never say my name! And don't say any damned sh.t!*

(12) D: *You're a hypocrite! You're a hypocrite!*

(13) J: *You're a bad belief! God will redeem you!*

(14) D: *Hypocrite!*

(15) J: *What I say, where I go, belief is my world! And it is in this house!*

(16) D: *Your bing bong world will bing when you are exited!*

(17) J: *You gonna get out of here! Not me. Everyone here hate you!*

(18) D: *No, no! Hey!*

(19) J: *You damned you know what?*

(20) D: *God will hear your speech and he will say: what a language!*

(21) J: *Maybe I say! But you know what? But you know what? But you know what? I have to use it with you! You don't know about... Your ignory...*

(22) D: *Hey, I know much more than you!*

(23) J: *But you don't apply it!*

(24) D: *You're about your magic bing bong ball? Right?*

(25) J: *Right! And it won't be used for you!*

(26) D: *Good. Hypocrite.*

(27) J: *Your mama!*

(28) D: *Yeah, my mama. And you.*

Первая реплика Дика – его личный вывод по предыдущему событию, когда он высказал свое мнение об одном из участников, но в то же время вызов Джамеке. Джамека принимает вызов и возникает конфликтная ситуация (2). Развитие конфликта происходит в репликах (3)-(9). На реплики (10)-(17) приходится пик

конфликта, что также можно определить не только по тому, что говорят оппоненты, но и по тому, как они говорят. Их слова сопровождаются чрезмерной жестикуляцией, голоса повышены, речь ускоряется. Реплику (18) Дик сопровождает примирительным жестом, подняв руки вверх и даже пытается шутить. Но реплики (24) и (26) говорят о том, что он не изменил и не собирается менять свою точку зрения. Ответные реплики Джамеки (25) и (27) говорят о том же с ее стороны. Конфликт завершился. Последствия – каждая сторона осталась при своем мнении.

Третий пример – конфликт между Элоди и Лейлой произошел по причине того Элоди вымыла свою посуду в душевой кабине.

(1) *L: On n'a pas le droit de faire la vaisselle dans le toilet!*

(2) *E: Leila, je l'avais fait dans la cabine de douche.*

(3) *L: D'accord! Parfait! Demain je ferai toute la vaisselle là-bas, moi! Je trouve pas que c'est normal, c'est tout.*

Девушки идут мыть посуду.

(4) *L: Tu as fini la vaisselle, Elodie?*

(5) *E: Aha. Tu vas le vérifier, maman?*

(6) *L: Non.*

(7) *E: Je fait tout propre!*

(8) *L: Mais j'ai pas dit l'contraire, Elodie.*

(9) *E: J'ai dis pas ça. C'est que moi, j'ai enterpreté comme ça.*

(10) *L: Non, tu a enterpreté mal.*

(11) *E: Je comprends, je comprends.*

(12) *L: Voilà.*

(13) *E: Je comprends, que quand on parle à une personne comme ça, on pense qu'elle est stupide. Mais ne t'enquêtes pas. J'ai de l'éducation.*

(14) *L: Elodie, je ne doute pas!*

(15) *E: Eh, bien qu'il faut m'apprendre à nettoyer.*

(16) *L: Pas là! Mais écoute! Je ne t'ai jamais dit que tu n'as pas d'éducation!*

(17) *E: Je l'ai enterpreté comme ça.*

(18) L: *Ne crois tu pas que tu le prends pour rien? Mais en même temps c'est choquant ce que tu as fait? Moi, j'aime pas te déranger et étonner par te dire quoi faire, mais ça donc, il faut bien le respecter, tout simplement.*

Этот диалог отличается от двух предыдущих по той причине, что протекает без ярко выраженной эмоциональной окраски, а также характерных для бытового конфликта взаимных оскорблений. В реплике (1) и (3) Лейла выражает свое недовольство действиями Элоди, чем задевает ее самолюбие. Далее речь уже идет не о факте мытья посуды в душе, а факте замечания, сделанного Лейлой и о его интерпретации Элоди. Элоди высказывает свое отношение к данному замечанию в репликах (7), (13) и (15). Это можно считать развитием конфликта. Если во всех ответных репликах Лейла говорила о неправильной интерпретации ее слов, то в реплике (18) она выражает свое мнение по данной ситуации. Так как не были применены характерные для бытового конфликта и усугубляющие его тактики оскорбления, высмеивания, обвинения и проч., конфликт был решен без неблагоприятных последствий для какой-либо из сторон.

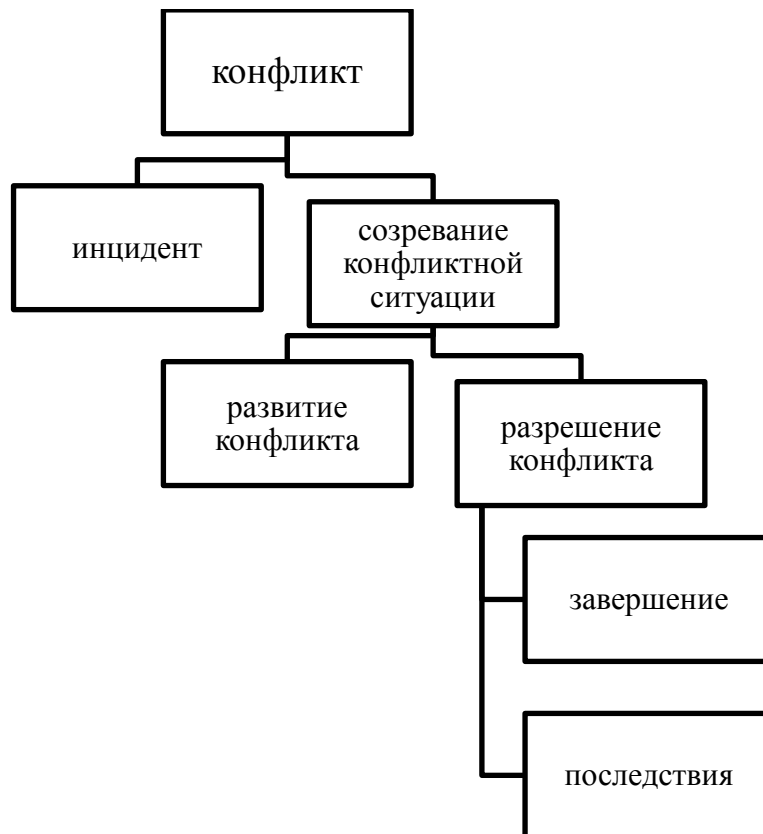

Схема 3. Суперструктура конфликтного диалога

Анализ примеров (1050 диалогов на русском языке, 612 диалогов на английском языке и 483 диалога на французском языке) дал нам возможность построения схемы суперструктуры конфликтного бытового дискурса. Итак, можно сделать заключение, что суперструктурная схема диалога с семантикой конфликта включает в себя следующую последовательность:

- 1) *инцидент* (противоречия при формулировке коммуникативной цели),
- 2) *созревание конфликтной ситуации* (определение оппонента),
- 3) собственно *речевой конфликт* (начинается речевое проявление конфликта посредством представления коммуникативных намерений),
- 4) *завершение конфликта* (оппоненты либо уступают друг другу и меняют сценарий, либо констатируют непримиримое отношение и отступают в противоположные стороны),
- 5) *последствия* (стороны оценивают выгоды и убытки).

Суперструктура бытового диалога вообще и суперструктура конфликтного диалога соотносятся здесь как целое и часть. Так что, если сопоставить схему 2 и схему 3, то схема 3 будет входить в «топик».

2.2.2 Макро- и микроструктуры, характерные для бытового конфликтного дискурса

Проведем анализ противоборства сторон в следующем примере конфликта между участниками телешоу «Дом-2» Андреем (АЧ) и его двумя оппонентами Никитой (Н) и Александром (А). Здесь следует уточнить, что Никита выступает от лица всего мужского коллектива.

(1) АЧ: *На бывшую я не буду делать рокировку. И ваши мутки для того, чтоб поставить меня в неловкое положение – они не пройдут!*

(2) Н: *Андрюх, подожди, а неловкость твоего положения в чем заключается? Ну вот, даже если коллектив решит проголосовать против Ани, ты тут, вообще, причем?*

(3) АЧ: *А я против, я еще раз говорю!*

(4) Н: Ты против, ты как бы, молодец, ты ее защищаешь, но если они так решили, они проголосуют, как они считают.

(5) АЧ: Я каждому запомню. Я сейчас пришел и говорю: ребят, если вы меня уважаете, мы делаем просто рокировку на трех ненужных девчонок.

(6) Н: Смотри, Эндрю: вот, дай я буду говорить за себя, да? Я к тебе уважительно отношусь и при любых раскладах я поддержу тот выбор девочки, которая к тебе придет. Но при всем при этом ты меня просишь о чем? О том, чтобы защитить Аню или о том, чтобы оставить Алену?

(7) АЧ: Я прошу мужскую спальню пойти навстречу Сереге и мне и оставить двоих.

(8) Н: Они хотят навстречу пойти себе и, понимая то, что ты себе засаливаешь двух девчонок, они остаются без одной.

(9) АЧ: Даже если взять вашу версию, что я засаливаю себе двух девчонок, трех, четырех, вам Кудимова нужна? Нет. Вам Бухун нужна? Нет. Вам Катя нужна? Нет. Дайте хотя бы мне двух, трех, четырех. (все смеются) Нет, я беру вашу версию, пацаны.

(10) Н: Нет, ну, смотри, а с их стороны может зависть сыграет, а почему бы и нет? Это нормальное чувство. Это, во-первых. Во-вторых, смотри, Эндрюх, дело в чем? Дело в том, что даже Бухун, Кудимова и Катя, вероятность того, чтобы у них с ними что-то получилось, намного выше, чем вероятность получения с Кручининой, которая, вообще, нулю равна. И если ты начинаешь встречаться с этой девчонкой, то Кручинина точно здесь отношения не построит.

(11) АЧ: А у вас есть голосование, и вы сделайте так, пожалуйста, все по честному, пацаны.

Как и в предыдущем примере, налицо признаки бытового дискурса: сниженная лексика («мутки», «пацаны», «засаливаю девчонок»), слова-паразиты («ну вот», «как бы»), незавершенные предложения и перебивания. Также в диалоге присутствуют риторические вопросы и вопросы с целью уточнения, характерные для конфликтного дискурса.

Таблица 3

<i>№</i>	<i>Речевой акт</i>	<i>Значение</i>
(1)	Репрезентатив. Комиссив.	Утверждение. Угроза.
(2)	Эротетив. Эротетив.	Вопрос-уточнение. Вопрос.
(3)	Репрезентатив.	Утверждение-протест.
(4)	Репрезентатив.	Утверждение.
(5)	Комиссив. Директив.	Угроза. Просьба.
(6)	Репрезентатив. Эротетив. Эротетив.	Утверждение. Вопрос-уточнение. Вопрос.
(7)	Директив.	Просьба.
(8)	Репрезентатив.	Утверждение-объяснение.
(9)	Репрезентатив. Директив.	Утверждение-предположение. Просьба.
(10)	Репрезентатив. Репрезентатив. Репрезентатив. Репрезентатив.	Предположение. Утверждение. Утверждение-объяснение. Утверждение-прогноз.
(11)	Директив.	Просьба.

Проведем структурный анализ данного диалога. В реплике (1) сразу эксплицируется позиция одной из сторон – Андрея – в данной конфликтной ситуации. Очевидно, что до начала данного диалога произошел инцидент, ставший причиной конфликта: участники проявили намерение проголосовать против одной из двух девушек – Ани или Алены – бывшей и, вероятно, будущей девушек Андрея. В репликах (2) и (4) мы наблюдаем позицию противоположной стороны. В репликах (5)-(12) прослеживается развитие конфликта и аргументация его участников в защиту своей позиции. Андрей завершает конфликт репликой (13), которая делает бессмысленным продолжение диалога, давая понять, что доводы второй стороны конфликта не приняты. Конфликт завершен. На голосовании коллектив не стал голосовать против девушек, в обход своих интересов.

С точки зрения прагматики можно выделить макроструктуру высшего уровня – глобальный речевой акт убеждения (со стороны Никиты) vs глобальный речевой акт давления (угрозы) (со стороны Андрея). Иными словами, точнее на самом высоком уровне, данный диалог можно назвать спором, доказыванием или аргументированием.

Несмотря на то, что обе стороны остались при своем мнении и вербально разногласие не было преодолено, Андрей добивается урегулирования конфликта в свою пользу – никто не проголосовал против Ани.

Следующий пример взят из телевизионного шоу America's Next Top Model:

(1) Britney: They picked out the ugliest f... person here as far as I saw. And don't they see that she dissembles? I mean so much and that she is so f... fake? It's wrong and that upsets me.

(2) Molly: Exactly. The most repulsive b.. I've ever seen in my life.

(3) B: And besides she doesn't deserve that. Any other person deserves it more.

(4) Alexandria: I can hear you.

(5) B: I don't f... care if you hear me. You should have gone last night instead of Monique.

(6) M: Yeah. And we all agree.

(7) A: And don't be fake when you're asking me how I'm doing.

(8) B: I'm not being f..n fake when I'm asking you. I'm being nice cause I'm always nice.

(9) A: I don't think so.

(10) B: Hey, Alexandria, you're fake.

(11) A: No, I am not. You are.

(12) B: I am fake because I am nice.

(13) A: You are not nice. That's not nice. The way you are talking to me is not nice.

(14) B: Do you mean that all the girls here are fake too because they are nice with you? We all gave you a chance.

(15) A: *I don't care... I don't care.*

(16) B: *If you don't care then stop talking.*

(17) A: *I don't need people to give me a chance. That's a competition. And I do what I think I must do.*

(18) B: *Ok. That's fine.*

(19) A: *That's fine, absolutely. I don't need you. I need the judges and the people who I work with.*

(20) B: *We don't care.*

Таблица 4

№	Речевой акт	Значение
(1)	Репрезентатив. Эротетив. Эротетив. Экспрессив.	Утверждение-мнение. Вопрос. Вопрос. Выражение отношения и состояния.
(2)	Репрезентатив.	Утверждение-согласие.
(3)	Репрезентатив. Репрезентатив.	Утверждение-мнение. Утверждение-мнение.
(4)	Репрезентатив.	Утверждение.
(5)	Репрезентатив. Репрезентатив.	Утверждение-отношение. Утверждение-мнение.
(6)	Репрезентатив.	Утверждение-согласие.
(7)	Директив.	Просьба.
(8)	Репрезентатив. Репрезентатив.	Утверждение-опровержение. Утверждение-объяснение.
(9)	Репрезентатив.	Утверждение-сомнение.
(10)	Репрезентатив.	Утверждение-оскорбление.
(11)	Репрезентатив. Репрезентатив.	Отрицание. Утверждение.
(12)	Репрезентатив.	Предположение.
(13)	Репрезентатив. Репрезентатив. Репрезентатив	Отрицание. Объяснение. Утверждение.

(14)	Эротетив. Репрезентатив.	Вопрос. Утверждение.
(15)	Репрезентатив.	Утверждение-мнение.
(16)	Директив.	Приказ.
(17)	Репрезентатив. Репрезентатив. Репрезентатив.	Утверждение-разъяснение. Утверждение.
(18)		Согласие.
(19)	Репрезентатив. Репрезентатив.	Утверждение-согласие. Утверждение-объяснение.
(20)	Репрезентатив.	Утверждение-мнение.

Причиной данной конфликтной ситуации послужило то, что Александрия только что получила в подарок дорогой автомобиль от организаторов за лучшую фотосессию. В начальной фазе конфликта Бритни провоцирует Александрию на агрессию. Ее речь изобилует обценной лексикой, инвективами по отношению к Александрии, причем обращается она не к ней непосредственно, а к третьей конкурсантке, которая подражает поведению Бритни и оскорбляет Александрию. Когда цель Бритни достигнута – она получает ответную реплику оппонента, происходит развитие конфликта. Пик данной конфликтной ситуации – взаимные оскорбления девушек, который проявляется не только в лексических средствах, но и на фонетическом уровне: повышение голоса, переходящее на крик. Далее мы наблюдаем спад конфликта, где становится понятно, что данный конфликт неразрешим. Каждый участник остался при своем мнении.

Итак, диалог состоит из следующих речевых действий:

Речевые действия (1) – (3) первично рассматриваются нами как утверждения. Дело в том, что лица, присутствующие во время процесса коммуникации, также играют немаловажную роль в назывании речевого акта. Но ни аудио, ни видео ряд не дает полной картины в течение первых двух реплик диалога. Изначально складывается мнение, что диалог носит оценочный характер, обсуждение третьего лица в момент его отсутствия. Но затем видеоряд меняется, и становится очевидным, что предварительное предположение о смысле диалога на глобальном

уровне не оправдалось. Акт коммуникации происходит в присутствии третьего лица, а это полностью меняет наше представление о речевой цели актов (1) – (3). Это не обсуждение, а оскорбление, вызов на ответную реплику, на конфликт. В реплике (4) мы видим, что цель, преследуемая В, достигнута – А отреагировала на инвективные реплики в свой адрес: *Alexandria: I can hear you*. Далее мы можем наблюдать развитие конфликта. В реплике (5) В объясняет причины своего агрессивного поведения: конкурсантку, к которой она относилась лучше, выгнали с проекта (но мы знаем, что причина именно этой конфликтной ситуации не уход Моник, а победа А в конкурсе). Реплики (6) – (16) показывают развитие конфликта и его пик, где нам становится полностью видна глобальная цель (инвектива, оскорбление, унижение) на прагматическом уровне и тема (эксплицирование неуважения девушек к Александрии вследствие ее неискренности на проекте). Реплики (17) – (20) – спад конфликта – характеризуются понижением тона голоса на фонетическом уровне, отсутствием обценной лексики. Но девушки так и не пришли к примирению и при любом новом поводе возможен рецидив.

Еще один пример конфликтного диалога между участницами французского реалити-шоу «*Secret story*» Даниэлой и Каролин. В диалоге также участвует Жюли.

(1) C: *Il faut que je me prépare. Dans une demie-heure je vais dîner avec John.*

(2) J: *Ah, vous dînez tous les deux?*

(3) C: *Bah, apparemment.*

(4) D: *Caroline!*

(5) C: *Quoi?*

(6) D: *Quand t'as le temps, est-ce que tu peux ranger un peu parce que c'est le bordel là?*

(7) C: *Quoi?*

(8) D: *C'est bordel là! Viens!*

(9) C: *Oui, je sais, mais je suis en train de me préparer.*

(10) D: *Oui, mais ça fait deux jours que c'est le bordel là!*

(11) C: *Non, ce n'est pas deux jours. Je suis en train de me préparer. Je vais ranger là.*

Каролина убирается.

(12) D: (к Жюли) *T'as vu le bordel? Regarde, Julie!*

(13) C: *Daniela, je suis là. Ferme ta bouche.*

(14) D: *Je ferme que dalle la bouche!*

(15) C: *Mais, à quoi encore parler, c'est tout.*

(16) D: *Déjà c'est bon. T'as fait la victime avec ton mec, qui doit te tromper, c'est bon. Arrête de faire ta victime!*

(17) C: *Ferme ta grosse gueule!*

(18) D: *Elle le téléphone la nuit!*

(19) C: *Tu ne m'entends pas?*

(20) D: *Mais oui, tu lui téléphones toujours...*

(21) C: *Ferme ta bouche! ça ne te concerne pas!*

Заканчивается разговор тем, что девушек разнимают и разводят по разным комнатам.

Таблица 5

№	Речевой акт	Речевое действие
(1)	-	-
(2)	-	-
(3)	-	-
(4)	-	-
(5)	-	-
(6)	Директив.	Просьба.
(7)	Эротетив.	Вопрос-уточнение.
(8)	Репрезентатив. Директив.	Утверждение. Призыв к действию.
(9)	Репрезентатив.	Утверждение-оправдание.
(10)	Репрезентатив.	Утверждение-обвинение.
(11)	Репрезентатив. Репрезентатив.	Отрицание. Утверждение-объяснение.

	Комиссив.	Обещание.
(12)	Эротетив. Директив.	Запрос информации. Призыв к действию.
(13)	Репрезентатив. Директив.	Утверждение. Приказ.
(14)	Эротетив. Репрезентатив.	Вопрос. Утверждение.
(15)	Репрезентатив.	Утверждение-заключение.
(16)	Репрезентатив. Директив.	Утверждение-обвинение. Приказ.
(17)	Директив.	Приказ-оскорбление.
(18)	Репрезентатив.	Утверждение.
(19)	Эротетив.	Вопрос-уточнение.
(20)	Репрезентатив.	Утверждение-повтор.
(21)	Директив. Репрезентатив.	Приказ. Утверждение-обвинение.

Итак, причиной конфликта послужили разбросанные вещи Каролин. Реплики (1) – (5) нерелевантны для выявления макротемы и макростратегии конфликта, и применив макроправило Опущения, мы не рассматриваем их. В реплике (6) и (8) Даниэла делает замечание и просит убрать вещи. Каролин не отрицает факт беспорядка, но отвечает (9), что ей сейчас некогда, т.к. она собирается на свидание. В реплике (10) происходит развитие конфликта, обвинение в том, что вещи лежат уже не первый день. Каролин не согласна с обвинением, однако обещает убрать вещи – (11). Далее Каролин устраняет причину конфликта – убирает вещи. Конфликт должен быть исчерпан, т.к. отсутствует его предмет, о чем говорит Каролин в реплике (15). Однако Даниэла меняет тему, переходит к обсуждению личной жизни Каролин. В этот момент и происходит пик конфликта: реплики (17) – (21). Конфликт разрешается физическим воздействием на участниц. Соответственно, в данном конфликтном диалоге имеется две глобальные темы (семантический уровень): беспорядок в комнате (1 часть) и недовольство Даниэлы отношениями Каролин и Джека (2 часть). На прагматическом уровне мы имеем дело с глобальным речевым актом обвинения vs оправдания (1 часть) и обвинения vs ответного обвинения (2 часть).

Итак, анализ структуры бытового конфликтного дискурса на макроуровне позволяет выделить его семантическую и прагматическую макроструктуры. Как было указано ранее, невозможно охватить все возможные темы – причины бытового конфликта, но попытаемся перечислить наибольшее их количество. К макроструктурам (темам) бытового конфликта, судя по материалам телешоу, относятся:

1. Материальные ценности: желание обеих сторон обладать конкретным предметом, например, еда, техника, жилье, предметы быта – 580 случаев в исследуемом материале.

2. Отсутствие желаемого внимания к себе у одного из партнеров: отсутствие ласки, заботы, положительных эмоций, поддержки. Сюда же отнесем и конфликт на сексуальной почве – 537 случаев.

3. Нарушение чувства собственного достоинства человека: оскорбление, необоснованная критика, обида – 413 случаев.

4. Вредные привычки: увлечение одним из участников конфликта алкоголем, наркотиками, азартными играми и т.п. – 220 случаев.

5. Несогласие в вопросах ведения домашнего хозяйства, разделения труда – 196 случаев.

6. Неприятие одной из сторон увлечений, хобби второй стороны – 98 случаев.

На прагматическом уровне, как говорилось ранее, речь идет о глобальных речевых актах. Анализ глобальных речевых актов и их значение помогают определить стратегию участников коммуникации. В случае бытового конфликтного дискурса на глобальном уровне можно выделить кооперативную и некооперативную стратегии. Анализ речевых актов на микроуровне дает возможность определить тактики участников коммуникации и ошибки, совершаемые ими в процессе доказывания точки зрения.

2.2.3 Анализ бытового конфликтного дискурса по методу проверки аргументации Ф. ван Еемерена

При исследовании бытового конфликтного дискурса на микроуровне с применением аргументативного анализа, выявляется, какие ошибки аргументации совершают коммуниканты в процессе защиты своей точки зрения, в чем причина их коммуникативных неудач. Следует уточнить, однако, что термин «Ошибка», релевантный в отношении аргументации, не совсем уместен для коммуникативного конфликта, т.к. стороны конфликта намеренно используют данные тактики для достижения своих целей.

Приведем пример конфликтного диалога между участницами российского реалити-шоу «Дом-2» Николаем и Венцеславом. В диалоге участвует также Андрей, исполняющий роль ведущего и арбитра.

Таблица 6

Пример аргументативного анализа 1

<i>Реплики оппонентов</i>	<i>Ошибки</i>	<i>Примечания</i>
(1) АЧ: Николай, Анна вас бросает и выбирает Венцеслава.		Слово арбитра. Вводит зрителя в курс дела.
(2) Н: Не в огорчение будет сказано Венцеславу Владимировичу Венгржановскому, но у него не получится ничего и ни с кем из четырех девушек. Уж извините. Не нужно быть ни черным, ни белым магом, не нужно быть прорицателем Ност-	Подмена тезиса «Священная точка зрения»	

<i>радамусом, но, Венц, будет так, как я говорю.</i>	Личные гарантии	
(3) В: Нет.		
(4) Н: <i>У тебя не получится ничего и ни с кем.</i>	Поспешное обобщение	
(5) В: Не надо.		
(6) Н: <i>По тем же причинам, почему не получалось до сих пор ничего и ни с кем: ни с Жанной Алыбаевой, ни с Инной Воловичевой, ни с Екатериной Сергеевной Токаревой, которой я тоже сватался, тоже неудачно...</i>	Поспешное обобщение	
(7) АЧ: Венцеслав женился, Николай.		Реплика арбитра. Опровержение.
(8) Н: И развелся, и также ничего не получилось с Екатериной Король.		Опровержение
(9) В: Тех отношений, которые у меня были на проекте, которые ты перечислил, они все были длительные. Да, там было и хорошее, и плохое, но девушки меня любили, я их тоже любил, а	Ошибка «tu quoque»	Опровержение

<i>от тебя отказывается даже Анна Белякова.</i>		
(10) Н: Венцеслав!		
(11) В: <i>Последний шанс в этой жизни</i> от тебя отказывается.	Преувеличение точки зрения	
(12) Н: Сколь бы ни были долгими твои отношения, они закончились пшиком.		
(13) В: От тебя отказывается на проекте Анна Белякова, твой последний шанс. <i>Если с тобой не будет эта девушка, с тобой здесь не будет никто.</i>	Slippery slope	
(14) Н: <i>Сообщаю девушкам, которые положили глаз на Венцеслава</i> , либо он что-то положил на них. Это сейчас он в первый день такой веселый, розовенький, улыбается, лукавый. Я жил по соседству в городских квартирах с Венцеславом, пока	Патетическая ошибка.	

<p>они еще были открыты. <i>Никто не знает, как он умеет мозги выносить своим девушкам и соседям, как он умеет хулиганить, какое он безобразие может творить.</i></p>	<p>Аргумент Ad hominem/ Прямая атака (оскорбление)</p>	
<p>(15) В: Кто бы говорил, <i>Николай Должанский, который на лобное место то приходит в гробах, то обнаженный. Из-за таких, как ты, миллионы телезрителей каждый день переключают телепроект «Дом-2» и канал ТНТ.</i></p>	<p>Аргумент Ad hominem/ Прямая атака Патетическая ошибка</p>	
<p>(16) Н: А тебя сюда <i>позвали из милостыни.</i></p>	<p>Аргумент Ad hominem/ Прямая атака</p>	
<p>(17) В: Из милостыни? Из милостыни позвали тебя, потому что <i>людям иногда интересно посмотреть на дебилов, алкашей и вообще, моральных уродов. И ты на телепроекте «Дом-2» олицетворяешь именно эту те-</i></p>	<p>Аргумент Ad hominem/ Прямая атака. Патетическая ошибка</p>	

му.		
(18) Н: Я не могу на такую похабщину не ответить. Венцеслав, из всех твоих слов, сказанных в мой адрес, справедливо только выражение «алкаш». <i>А вот начиная со слова «дебил» все остальные слова были про тебя.</i>	Аргумент Ad hominem/ Прямая атака	

В примере насчитывается 16 случаев ошибок аргументации в 18 репликах. В самой первой реплике (2) участник конфликта производит подмену тезиса, что принимает оппонент, и все дальнейшее речевое поведение направлено не на обсуждение расставания Николая и Анны, а на взаимную дискредитацию и попытки унижения партнера по интеракции. Самый частотный случай ошибок в данном диалоге – Прямая атака. Эта ошибка является самой распространенной для бытового конфликта, как и остальные ошибки Argumentum Ad hominem. Патетическая ошибка также довольно часто имеет место, как в данном диалоге, так и в исследуемом материале, в целом. Это связано, в первую очередь, с местом возникновения конфликта, а именно, телевизионное шоу. Необоснованный аргумент также является одной из распространенных ошибок в конфликте и присутствует в данном примере.

Таблица 7

Пример аргументативного анализа 2

Реплики оппонентов	Ошибки
(1) А: I have nothing to add.	
(2) U: You're leaving.	

(3) A: You know why. I think <i>every girl would do the same!</i>	Представление точки зрения как общеизвестной
(4) U: Nope.	
(5) A: Yeah.	
(6) U: Not every girl.	
(7) A: Yeah. <i>Because you're always perfect, you are always good, in every situation.</i>	Argumentum ad hominem/ Атака
(8) U: And is this our problem?	
(9) A: When I am constantly told that I'm a piece of shi.t and when <i>everyone blames me... I'm tired</i> , I'm constantly bad, in any situation, even when you raised the topic that I am bad I was to be blamed again. I do not like it. I do not want that any more... Proving that I'm not stupid all the time. <i>I cannot stand it anymore!</i> (плачет)	Ограничение на оппонента/ argumentum ad misericordiam Патетическая ошибка
(10) U: So it means that <i>you leave me</i> too?	Подмена тезиса / Ignoratio elenchi
(11) A: No.	
(12) U: Yes. Yes, you do!	
(13) A: What can I do now? What's your opinion?	
(14) U: Take a pause. Have a rest! And come back, you're just tired.	
(15) A: I tell you: I'm going to leave the project. I'm leaving. You are to decide for yourself, it's your choice. I have no right to decide for you.	
(16) U: I can't understand...	

(17) A: I have no right to ask you go with me. I cannot ask you, because I can understand you. Stay here until... I ... I do not know, I'll wait.	
(18) U: How can you? What kind of relationship it is? How? Why? <i>That will be the end, sure!</i>	Slippery slope
(19) A: You're <i>always</i> thinking only about yourself. Never about me.	Поспешное обобщение
(20) U: I do think about you!... Well! And you? Who are you thinking about? I think only about you. Always! Now, where will I go if I leave? Back home? Or to your parents' house?	Патетическая ошибка
(21) A: But life doesn't end after the show. We'll have to fix it sooner or later...	
(22) U: We? You <i>never</i> think about us! You're leaving.	Поспешное обобщение
(23) A: Yes.	

Во втором примере (Таблица 7) обнаружено 9 ошибок аргументации в 23 репликах оппонентов. Тема конфликта – решение об уходе из шоу «Big Brother» участницы Аманды, которая за время пребывания на проекте стала встречаться с участником Умитом. Как видно, в данном примере также присутствует патетическая ошибка и прямая атака на оппонента – две самых распространенных ошибки аргументации в исследуемых диалогах. В данной конфликтной ситуации в большей степени присутствуют черты аргументации, однако выявленные ошибки мешают рациональному разрешению конфликта. Каждый участник остался при своем мнении. Результат конфликта – расставание.

Процедурный анализ конфликтного диалога по аналогии с анализом критической дискуссии Ф. ван Еемерена, Р. Гроотендорста на микроуровне дает нам возможность определить, какими средствами пользуются конфликтующие сторо-

ны для защиты своих позиций, и что может стать причиной неразрешимости конфликта в той или иной ситуации. По Ф. ван Еемерну, грубейшей ошибкой аргументации является нарушение правила логичности, однако для бытового конфликтного дискурса использование и нарушение данного правила не является частым, т.к. логические доводы наименее часты в конфликте. Наиболее частым нарушением процедуры защиты своей позиции в исследуемом материале было нарушение правила точки зрения, а именно, потеря тезиса (850 случаев) и «Фиктивный противник» (512) и правила свободы. Наиболее частой ошибкой здесь является «аргумент к дубине» (888), прямая атака (890 случаев) и аргумент к жалости (525). Особенностью данного исследовательского материала является также большое количество патетических ошибок (864), но, скорее всего, это связано со спецификой данного вида телешоу. В таблице 1 Приложения приведены количественные данные ошибок аргументации в бытовом конфликтном дискурсе более подробно.

2.2.4 Средства манифестации глобальных структур в бытовом конфликтном дискурсе

Часто бывает так, что невозможно применить ни одно макроправило к пропозиции для создания макропропозиции. Это явление у Т. ван Дейка называется применением нулевого правила. Это происходит потому, что некоторые макропропозиции выражаются в речи, и, соответственно уже сами по себе являются макроструктурами. Такие пропозиции (часто, в начале текста) называют тематическими. А следующие за ними предложения уточняют их, раскрывают детали. Говоря о монологическом, письменном дискурсе, макроструктуры могут выражаться в названиях, заголовках. Особое место в тематическом выражении занимает резюме. Оно выражает не одну макропропозицию, а, скорее, целую макроструктуру, или, по крайней мере, высочайший уровень макроструктуры текста. Обычно краткое изложение находится в самом начале или конце текста, главы,

книги. Оно подготавливает читателя, указывая на то, о чем этот текст в глобальном смысле. Резюме может функционировать и как независимый тип дискурса. В устной речи мы суммируем информацию, полученную от других людей, кратко пересказываем содержание книг и т.д.

В устной речи мы постоянно используем макроструктуры на разных уровнях. Существует ряд структур и выражений, выделяющих эти макроструктуры. Укажем типы таких структур.

На синтаксическом уровне:

I. Индикаторы топика, такие как:

1) Глобальные метасемантические выражения:

-Я вот о чем сказать собираюсь...

-А я сейчас вам расскажу, как. . .

-Давай поговорим о...

-This discourse will be about...

-I wanna speak about speak about. . .

-The topic of my talk will be...

-Je vais parler de...

-Je veux dire que...

В конце речи могут использоваться те же самые конструкции, но уже в прошедшем времени.

Если речь идет от третьего лица, индикатором топика будет также *он сказал* (*he said..., il a dit...*), ...

2) Индикаторы резюме:

-давай подытожим ...

-в общем, другими словами, ...

-можно сделать вывод, что...

-let us resume ...

-in brief, in short, in other words, ...

-I may conclude... ; we have seen that ...,

-on a vu que..

-dans les grandes lignes on peut dire que...

3) Индикаторы релевантности :

-самое главное, что ...

-важнее всего, ...

-я хочу выделить, что...

-я повторяю, что ...

-the most important thing is ...

-primarily, crucially, especially, ...

-it should be stressed that...

-I repeat (recall) that ...

- la chose la plus importante est...

- je veux traiter séparément...

II. Слова – связки, отвечающие за связь между фактами. Они также могут отвечать за связь между речевыми актами. Бывает и так, что данные единицы связывают макропропозиции.

В качестве примеров таких связок можно привести:

-Союз *но (but, mais)*, который может означать обрыв одной последовательности пропозиций, образующих макропропозицию, и начало новой.

-*Более того (moreover, en plus)* добавляет еще один факт к серии фактов.

-*Однако (however, cependant, pourtant, toutefois, néanmoins)* указывает на контраст, неисполнение ожиданий, исключение.

-*С одной стороны,... с другой стороны (on the one hand..., on the other hand, d'un part..., d'autre part)* указывает на оппозицию, в которую могут быть вовлечены несколько пропозиций.

-*Итак (So, alors)* имеет очень важный макроструктурный аспект, так как указывает на общее заключение .

III. Индикаторы, указывающие на смену топика. Они важны для правильной интерпретации речи.

-Да, но. . . ,

-Давай поговорим о другом...

-Yes, but. . . ,

-But, did you hear this? ...

-Speaking about John, did you know that ...

-We now will see whether...

-Let's talk about something else...

- Si on parle de quelque chose d'autre?

На фонетическом уровне:

-Пауза – указывает на смену топика в разговоре.

-Интонация – введение нового топика, обобщенная информация (резюме).

- Повышение и падение голоса – указывает на начало и конец топика.

На морфологическом уровне:

Кроме эксплицитных индикаторов топика, возможно, самые распространенные грамматические черты, используемые для обозначения макроструктуры – это *местоимения, частицы, указательные слова* и т.д. Например, местоимения *это, то* могут обозначать сложное событие более высокого уровня, описывающее длинный отрезок текста. Таким образом, они объединяют микро- и макроструктуру. Другие части речи – *существительные, прилагательные и глаголы* – могут называть состояния дел или события, которые были описаны ранее целыми последовательностями предложений. К примеру, существительное *решение* само по себе подразумевает постановку проблемы, способы, результат, т.е. оно включает в себя целую макроструктуру. В каждом тексте существуют такие слова, а называются они тематическими или ключевыми.

Приведем примеры:

Синтаксический уровень.

Итак, в конфликтном дискурсе достаточно частыми являются метасемантические конструкции, указывающие на топик. Но спецификой является то, что чаще встречаются конструкции в 3 л.

А: Вика сказала? Что Вика сказала? Вика сказала ей!

Л: Вика сказала, что ты говорил про твое ко мне отношение, что ты со мной стал только чтоб здесь удержаться!...

Приведем еще один пример:

А: Тебе все равно, ты со всеми флиртуешь, всех дуришь. Ты пользуешься мужиками для своих целей

О: Что? С чего ты это взял?

А: Я слышал... я наслышан о тебе, ты всех используешь.

Выражение *Я наслышан о тебе* является макроструктурой, так как несет в себе глобальную информацию, которой теперь владеет Александр о своей партнерше. Но сама партнерша не имеет представления, что именно он скрывает за этим предложением.

Особую роль играют индикаторы релевантности:

Во-первых и *во-вторых* в следующей реплике указывает на самую важную информацию, к которой Никита пытается привлечь внимание оппонента Андрея.

Н: Нет, ну, смотри, а с их стороны может зависть сыграт, а почему бы и нет? Это нормальное чувство. Это во-первых. Во-вторых, смотри, Андрюх, дело в чем? Дело в том, что даже Бухун, Кудимова и Катя, вероятность того, чтобы у них с ними что-то получилось, намного выше, чем вероятность получения с Кручининой, которая, вообще, нулю равна.

В следующем примере выражение *Ты хочешь сказать* является индикатором суммирования информации, полученной от партнера по коммуникации.

Л: Мне нужна ванна, ты понимаешь?

К: Ты ходила туда сегодня ночью – это факт. Ты пошла, там долгое время провела, все, что тебе надо, сделала, вышла – тебе слова никто не сказал!

Л: То есть, ты хочешь сказать, это нормально, да?

К: На тебя не ругались, на тебя... твои вещи не выкидывали...

Союз *но* как индикатор резкой смены топика разговор тоже является весьма частотным средством у конфликтующей языковой личности.

Э: Я, честно, так устала от этой каши в их отношениях. Мы с Богданом общались – он, он... Честно говоря, я сегодня, наверно, за долгое время видела, как он приятно общается с Викой. Это приятно наблюдать, потому что у Богдана есть это. Ему надо вот это, эмоциональное. То есть, я не говорю ему из

крайности в крайность сейчас, но ему она очень симпатична, действительно. Она ему подходит. И один из фактов важных – она его привлекает сексуально. Причем с Мариной об этом речи никогда не шло, да? И я уже как соседка устала говорить, что, где мои соседи? Хочется вас хоть раз услышать. Шептуны.

или

Б: Не, я не понимаю. У нас, я считаю, что в отношениях с тобой идет равноправие. Я не понимаю, я сейчас, возможно, сделал так же, как и ты. Но почему, когда ты это делала, я спокойно так сказал: хорошо, Марин, я сейчас дам паузу, но потом я заберу тебя обратно, потому что я так хочу. Мне все равно, кто что скажет.

Союз *но* показывает не только смену топика, но и то, что следующее за ним высказывание будет иметь большую силу, чем то, которое стоит перед ним.

Фонетический уровень.

Следует отметить, что конфликтный дискурс в целом сопровождается большой эмоциональностью, выражающейся часто повышением тона голоса, ускорения темпа речи. Но, когда речь идет о каком-то действительно релевантном факте, речь коммуниканта замедляется, становится четче артикуляция, соблюдаются достаточно большие интервалы между словами.

И: Чем ты там занимаешься? Вот, по сути, я тебя не буду видеть в глаза.

А: А я знаю прекрасно. А я буду тебя видеть.

И: Я не буду тебя видеть в глаза, а ты будешь на меня смотреть.

А: А я буду на тебя смотреть. Ты прекрасно знаешь, что здесь меняется...

И: Это эгоизм!

А: ...здест меняется все каждый день.

И: это не проверка. Это э-го-изм!

В первом случае Игорь выделяет самую важную для него информацию голосом, произнося фразу *это эгоизм!* громче, чем обычная его речь. Во втором случае к громкости добавляется отчетливое произнесение по слогам.

Морфологический уровень.

На морфологическом уровне среди конфликтующих коммуникантов наиболее частыми индикаторами глобальной семантической структуры являются местоимения.

A: Я тебе нового ничего не скажу.

I: Ты уходишь.

A: Мы с тобой уже переписывались, ты уже всё знаешь. Я думаю, на моем месте поступила бы так каждая.

В вышеприведенном примере *всё* содержит в себе информацию, о причинах ухода с проекта Ани.

Л: Что? Мне очень всё понравилось, стих великолепный.

Ж: Ну, не знаю, ты после романтика даже не подошла.

Л: В смысле? Ты пошел мыться, вообще, после романтика.

Ж: Понятно. Ну, вообще, блин...

В данном примере снова присутствует наречие *всё*, которое подразумевает романтическое свидание, а выражение *ну, вообще, блин* показывает также весь спектр эмоций участника по отношению к поведению партнерши после него.

Местоимение *это* также являются частотными для обозначения макро-структур:

В: И, кроме всего прочего, она не заслуживает этого! Любая другая девушка заслуживает этого больше, чем она!

Во французском языке носителями глобальной информации могут являться местоимения *le, ce, ça*.

M: Mais pourquoi tu t'énerves comme ça?

A: C'est parce que tu le dis une fois, deux.

M: Annaelle, mais c'était pas méchant!

Употребление слов с глобальным значением также имеет место в конфликтной коммуникации.

Б: Я одного не понимаю: зачем ты делаешь такие вещи? Зачем?!

Слово *вещь* в принципе универсально, поэтому может обладать очень большой семантической наполненностью. В данном контексте – это флирт с другим мужчиной.

Еще одним примером может служить слово *новости*.

ОБ: Марин, все на поляне эту новость обсуждают, все в курсе, и тебе говорили, а ты все равно устраиваешь ему ужин и «волшебство» у вас было!

Слово *новость* имеет не менее глобальное значение и в данном контексте является манифестацией макроструктуры: встреча Богдана с бывшей девушкой вне проекта и проведение ночи с ней.

Слово *truc* во французском языке тоже имеет глобальное значение:

«Mais comment tu l'as fait, ah? Ce truc-là avec Jamal? Tu ne le ferais jamais avec moi!»

2.3 Модель конфликтующей языковой личности в бытовом конфликтном дискурсе

В данном исследовании, мы руководствовались моделью языковой личности, предложенной Ю.Н. Карауловым, описанной выше, и выявили основные черты, свойственные конфликтующей языковой личности в бытовом конфликтном дискурсе. Отходом от модели Ю.Н. Караулова в нашем исследовании является то, что второй уровень модели языковой личности рассматривается в немного более глобальном аспекте, следовательно, у данного уровня будет более емкое название – психологический уровень, т.к. выбор лексических средств и поведение в конфликте, вообще, обусловлено скорее не столько когнитивными характеристиками языковых личностей, сколько их психологическим типом личности и психологической установкой. Для создания общей картины структуры конфликтующей языковой личности были составлены модели-портреты 100 языковых личностей на материале диалогов с семантикой конфликта участников телепроектов «Дом-2», «America's next top model», «Big brother», «Secret story». Причиной выбора данного материала исследования послужило то, что данные реалити-шоу несколько ближе к реальной жизни, к бытовому общению, чем,

скажем, бытовые конфликтные диалоги в художественных фильмах, а также есть возможность наблюдать за персонажами достаточно долгий промежуток времени.

Итак, остановимся подробнее на каждом из уровней.

2.3.1 Вербально - семантический уровень конфликтующей языковой личности

В ходе исследования были выявлены основные вербальные средства, характерные для бытового конфликтного дискурса. К ним относятся:

1. На лексическом подуровне:

- ненормативная лексика (обсценная, инвективная):

1. Л: Да, какой на хр.н оратор?!

Ж: Спасибо, Либерж.

Л: Блин, а? Уже закрыл бы рот, блин, Жень. Вот, реально!

2. D: U're the most miserable b... in this house! Stop all this sh.t!

J: Just chill.

3. M: Je ne vais plus parler, d'accord?

A: Treintaine minutes parler de merde...

M: Moi, je parle de merde?!

- негативная оценочная лексика:

1. Ч: Вот и все. Прямо сейчас собирай манатки и вали отсюда!

A: Слушай, ты не решаешь...

Ч: Потому что со свиньями мы в коллективе не живем.

A: Я свинья? Я?

Ч: Ты свинья. Если ты не убираешься, ты свинья.

2. J: Admiring me again?

D: How can I admire that trainwreckable face?

3. M: T'enervée parce que je te dis: "grosse cochonne"?

A: Arrête, arrête, arrête de le répéter!

- сравнительные обороты:

«Марин, твоя ошибка по жизни, я тебе уже говорила, ты плывешь по течению, совершенно не хочешь, я сегодня рассказывала, ты, как рыба – прилипла, которая прилипла к большой рыбешке и кормится с нее, и не хочет ничего, а эта большая рыбка тебе говорит: Марина, учись за себя стоять».

«Она готова просто постоянно с кем-то жить. Вот так, просто. Знаете, чтобы как бы не одной. Вот знаете, как бывает, ну, люди собачку заводят, ну, так, чтоб не одной, понимаете?»

«Nobody else is a piece of sh.t of a human being like you are!»

«Vous toujours vous moquez de nous! Mais je vais vous arrêter, parce que moi aussi, je peux rigoler comme le gamin!»

- слова-паразиты:

«Вообще-то, ты обиделся и ходил, извините, недовольный».

«Ну вот, ты вот отсюда выбегал. Я говорю: Ты куда? А ты: Я туда, туда».

«Je ne vous dirais un mot, ça va?»

- интересным, но нечастым примером здесь было создание языковыми личностями новых слов:

«Мотылять» - бросать по жизни.

«Тынтырка» - мужской орган.

«Гобозовщина» - грубый стиль поведения, подобный поведению А.Гобозова – одного из участников.

«Trainwreckable face» - уродливое лицо.

«Shart» - sh.t in your draws.

2. На грамматическом подуровне:

- употребление местоимений 3 лица по отношению к присутствующим:

«Илья – малолетка, он может только прыгать на маленьких девочек!»

«Tu dis: C'est maladie, j'ai mal à la gorge» - «Calme-toi!» - «Elle m'enerve à pleurer pour rien! Et c'est près pour 4 mois!»!

- употребление императивов:

«Абузяров, вернись в комнату, немедленно!!!»

«Рот закрыла!»

«Иди отсюда, не порть мне энергетику!»

«Tais-toi!»

«Arrête!»

«Go home!»

- употребление междометий

«Ой, Жень, все, не хочу даже это».

- большое количество восклицательных предложений:

Ч: Я еще и виноват! Да, в том-то и дело, что сейчас ты иди. Ребята дежурили весь день. Ты иди и проведи 15 минут и наведи...

А: Я не обязана! Меня не было здесь!

Ч: Ах, если не обязана, иди за ворота!

А: Да, ради Бога, уйду!

Ч: Вот и все. Прямо сейчас собирай манатки и вали отсюда!

«Mais arrêtez pour que ça soit fini pour une fois, le bordel!»

- вопросительные предложения (в т.ч. риторический вопрос):

«Даже если взять вашу версию, что я засаливаю себе двух девчонок, трех, четырех, вам Кудимова нужна? Нет. Вам Бухун нужна? Нет. Вам Катя нужна? Нет. Дайте хотя бы мне двух, трех, четырех».

«C'est à moi que tu penses quand tu fais massage à Stephanie? Tu penses à moi?»

«Are you kidding me? Do you really think that you'll stay here for more than a week?»

- незаконченные предложения

Л: Ты хочешь уйти с проекта?

Ж: Нет. Мы фанатично разбираем...

Л: Ты хочешь уйти с проекта?

Ж: Не в этом дело..

- повторы фраз:

«Я тебе не говорила! Я тебе не говорила, что у нас все классно! То, что, охoho, Женя, наконец-то мы сошлись и сейчас все будет замечательно? Я тебе этого не говорила!»

«Dépêche-toi! Dépêche-toi! Dépêche-toi! Dépêche-toi!» - «Arrête! Arrête de le répéter!»

«I wanna see you crying in the bathroom again», - «You will never be a cause of it», - «Yes, I will», - «No, you won't»- «Yes, I will» - «No, you won't» - «I was this week» - «No, you weren't» - «Yes, I was», - «No, you weren't!»

Выделены и невербальные маркеры конфликтного дискурса. К ним относятся: - паузы;

- повышение или понижение тона голоса;

- ускорение или замедление темпа речи;

К неязыковым невербальным маркерам относятся жесты и мимика.

Таблица 8
Вербально-семантический уровень выражения конфликтующей языковой личности

Лексический уровень, %*	
Слова-паразиты	68
Негативная оценочная лексика	60
Ненормативная лексика	45
Сравнительные обороты	28
Новые слова	0,5
Грамматический уровень, %	
Вопросительные предложения	90
Незаконченные предложения	89
Восклицательные предложения	89
Императивы	70
Повторы	65
Междометия	59

Употребление мест. 3 лица по отношению к присутствующему	31
--	----

*Данные в Таблице 8, Таблице 9 представлены в процентном выражении на основании присутствия явления в диалоге в соотношении 2145 диалогов (общий материал исследования) равен 100%.

2.3.2 Типы установок конфликтующей языковой личности и ее поведение в конфликте (психологический уровень)

Исследование также показало, что определенные люди постоянно используют практически одинаковые стратегии и тактики в конфликтных ситуациях, другие меняют их в зависимости от ситуации и обстоятельств. Это может говорить о том, что немаловажную роль в развитии конфликта будут иметь психологические личностные характеристики личностей, вовлеченных в конфликт.

В любой конфликтной ситуации человек ведет себя согласно действующей на его сознание установке. Понятие установки лежит в основе теории личности Д.Н. Узнадзе, описанной в первой главе.

В ходе исследования было выявлено, что в зависимости от типа личности и ее установки будут варьироваться и стили ее поведения в конфликте. Типичные стили поведения в конфликте подробно рассмотрены Дж. Хокер и В. Уилмотом [Hocker, Wilmot, 1995]. Ученые описывают такие стили поведения, как сотрудничество, компромисс, избегание, приспособление и конкуренция (конфронтация).

Итак, для динамического типа личности в конфликтной ситуации в большей мере характерна установка на сотрудничество, значительно реже – установка на компромисс, крайне редко – установка на приспособление и избегание; установка на конкуренцию, как правило, не характерна. Установка на сотрудничество наиболее конструктивна. С лингвистической точки зрения ее отличают стремление к соблюдению семантической связности развиваемой темы, преобладанию положительного отношения к речевой интеракции и партнеру по общению, соблюдению конвенциональных принципов и коммуникативных норм общения; это поведение,

демонстрирующее способность к пластической адаптации под влиянием речевой ситуации и т.д.

К речевым маркерам установки на сотрудничество относятся:

- Описательные утверждения.

«Я вчера разозлилась на тебя за то, что ты забыл про нашу годовщину».

«Я сказал Кате, что мы не пара, потому что обиделся на твои слова».

«Tu pleures parce que je t'ai dit que tu manges trop? Mais c'est pas méchant!»

«You say people don't care about you, but that's because you don't know us. I wanted to talk to you. I asked about your Christian school, about your upbringing house. I want to know you».

- Призыв к открытости.

«Даша, что ты имела в виду, когда сказала, что мы с Андреем вели себя неприлично?»

«On est des grandes filles, d'accord? Ecoute, et si j'ai quelque chose à te dire, et tu as à le dire à moi, fais ça!»

«Just be honest, please. You don't talk to me because of my Dad?»

- Призыв к уточнению причины конфликтной ситуации.

«Ты хочешь сказать, что тебе не нравится, когда к нам приходит Олеся?»

«Mais pourquoi tu t'énerves comme ça?»

«So, you say Zack failed because of me?»

- Принятие ответственности.

«Да, оба мы с тобой виноваты в том, что случилось».

«Oui, c'est ma faute, je suis trop impulsive toujours».

«I am really sorry, I know I shouldn't have told them about our plan, but now we have to fix it».

- Выражения, показывающие принятие чувств оппонента.

«Думаешь, я не понимаю? Я прекрасно понимаю, почему ты обиделась. Может, дашь мне возможность попытаться тебе все объяснить?»

«Tu es trop excitée, je le vois. Calme-toi, d'accord? Tu verra que ça n'est pas si grave ».

«I can understand you ».

Для статического типа личности характерна как установка на избегание конфликта, так и установка на компромисс. Установку на уклонение, как правило, демонстрируют личности, в речевом поведении которых наблюдается сосредоточенность на собственном «я», отказ от принятия самостоятельных решений, от возможности повлиять на исход ситуации. Результат такого взаимодействия предугадать сложно. Здесь развитие конфликта будет зависеть от установки оппонента. Установку на избегание характеризуют такие маркеры:

- Прямое игнорирование конфликтной ситуации.

«Да о чем ты? Нет проблем!»

«Je suis fatiguée de répéter: tout est bien!»

«There is nothing to argue about».

- Непрямое игнорирование.

«Да что мне с ней делить?»

«You really think that I care? Come on!»

«Do you see any other way out?»

- Смена темы.

«Ой, Леш, давай о чем-нибудь другом, а?»,

«Je ne veux pas parler de Juliette! D'accord?»

- Обобщающие замечания.

«Ну, все мы на что-то обижаемся...»

«Tout le monde sait que c'est bêtise de disputer avec toi, Anne-Krystel».

К речевым маркерами установки на компромисс будут относиться:

- Предложение быстрого решения (но не в полной мере устраивающего конфликтующие стороны).

«Давай сейчас просто оставим эти полки в покое и пойдём к ребятам».

- Апелляция к справедливости.

«Хорошо, на этой неделе вы поживете в этом домике, но на следующей туда заедем мы».

«Mais ce n'est pas juste, tout simplement!»

«You and me, we both know that Amanda is lying. Why don't you let me tell the truth? That's unfair!»

- «Торг».

«Послушай, если ты не хочешь перестать общаться с Олесей, можешь хотя бы сделать так, чтобы она здесь не сидела целыми днями?»

«D'accord, je vais me taire, mais tu dois promettre que tu me laisses seule».

«Can you just listen to what I say? If now you listen without leaving or interrupting, I promise I will never start the topic again!»

Вариабильно-лабильные личности также в конфликте часто имеют установку на избегание. Однако, наиболее характерно для них приспособление к конфликтной ситуации.

Речевыми маркерами установки на приспособление являются:

- Отказ от своей позиции.

«Будь по-твоему...»

«Don't even tell me that she is nice!» - «Okay».

«Senna, tu veux dire que je ne suis pas raison, ah?!» - «Non».

- Невмешательство.

«Делай, как знаешь, Саш. Мне все равно».

«Faites tout ce que vous voulez, je ne vous dirai un mot».

«That's not my business».

- Отказ от своих нужд.

«Иди уже. Я останусь и сама здесь все уберу».

«Mais oui, d'accord, on n'ira pas, si tu veux».

«Jess just told me that you are not going to take this mission with me. Is that true?» - «I just promised to do it with her...» - «What?» - «Ok, I choose you».

Установка на конфронтацию характерна для вариабельно-стабильных личностей. Ее отличает выбор поведения с активным воздействием на партнера по коммуникации, с использованием негативных средств стимуляции речевого взаимодействия, с доминированием роли говорящего, с нарушением коммуникативных норм поведения, с использованием прямых и косвенных оскорблений.

Речевые маркеры установки на конфронтацию включают:

- Прямая угроза.

«Чего ты добиваешься сейчас? Чтобы я дала тебе в нос, что ли? Ты этого добиваешься?»

«I can't wait to feel the bones in your throat crashing beneath my fingers».

«Si tu ne comprends pas les mots, je vais t'expliquer autrement!»

- Злые шутки.

«Ну, конечно, ничего не было! Ты просто устала и прилегла к нему в постель!»

«Vraiment? Vous allez vous marier?! Et Thomas (женух), est-il au courant de ça?»

«Are you serious? The only way out for you then is to consult a specialist... Mental specialist, I mean...»

- Оскорбление.

«Да пошла ты, мымра!»

«You're still a horrible human being».

«Je te déteste! Putain!»

- Приписывание мыслей, чувств, мотивов оппоненту.

«Да ты нарочно тут из себя несчастную строишь, чтоб тебя только пожалели!»

«Tu penses que je suis stupide...»

«You're defending her only to annoy me! »

- Отрицание собственной ответственности.

«Ну, не я в этом виновата, знаешь ли!»

«J'aimerai savoir ce que tu me reproches». - «Tout simplement je ne t'aime pas. C'est juste physique, ça passe pas... »

«That's not my fault, I just do what you expect me to do, that's all».

Для наглядности представим вышесказанное в виде таблицы (Табл. 9). В Таблице 1 приложения можно подробнее ознакомиться с количественными данными.

Таблица 9

Установки конфликтующих языковых личностей

Тип личности	Тип установки				
	Сотрудничество, %*	Компромисс %	Приспособление %	Избегание %	Конкуренция (кон- фронтация),%
Динамический	55	17	5	11	12
Статический	17	33	7	38	5
Вариабельно-лабильный	17	14	43	26	0
Вариабельно-стабильный	12	11	3	7	67

Итак, языковые личности используют различные речевые средства манифестации конфликтного дискурса, причем выбор этих средств зависит от их психологической установки, и, соответственно, психологического типа личности.

2.3.3 Тактики и стратегии конфликтующих языковых личностей (прагматический уровень)

Существуют *кооперативные* и *некооперативные* (конфронтационные) стратегии сторон коммуникации [Ручкина, 2011]. Выбор тактик для данных стратегий зависит также и от социальной роли конфликтующих, например: жена – муж, ребенок – родитель, старший по возрасту – младший по возрасту, гость – хозяин, более важный по статусу – менее важный по статусу и др. Все многообразие социальных ролей в бытовом конфликтном дискурсе можно разделить на две большие группы: коммуниканты с равноправным социальным статусом и с неравноправным социальным статусом. В группе с неравноправным социальным статусом, в свою очередь, присутствует коммуникант с доминирующим статусом и коммуникант с подчиненным статусом.

Итак, в зависимости от социальной роли и выбранной конфликтующими стратегией, выделены следующие тактики:

I. Коммуниканты с равноправным социальным статусом.

1. Кооперативная стратегия.

а) Тактика рационального убеждения:

«Стой, подожди. Лена – дежурная с тобой. Если ты уехала куда-то и приезжаешь не в час ночи, не в два, а приезжаешь в 4 дня, то ты должна помогать дежурным».

«I just wanna tell everyone here. I apologize for all that he (omeu) does to all the people. I am not his mother. I don't control if he is doing anything. It's not my business».

«Supposant, je passe deux jours avec Charlotte en mission. Tu penses que je vais la séduire? Pas du tout. Je suis un home et pas une bête! Et je t'aime».

б) Предложение:

A: Как мне сейчас поступать? Вот, просто, вот, по-твоему, как поступать?

И: Выдержи паузу. Тебе дали отпуск – выдохни 10 дней!

«Si tu veux, je t'aiderai avec la vaisselle. Calme-toi! Tout ira bien».

«Let's do in this way: I will take Monica to the restaurant with me now, cause I've already promised that to her, but next time if I win the competition we'll go together, okay?»

в) Уступка:

M: Ой, слушай, Элин, я в своих отношениях разборчива. Что хочу, то и делаю.

Э: Конечно, безусловно. Но коли мы уж здесь, моя дорогая, позвольте мне, я буду обсуждать...

M: Обсуждай.

«Alors, je te laisse partir maintenant, va, si tu veux, mais demain j'irai quelque part avec Alexia, moi aussi, d'accord?».

«I am so tired of it, please, do as you like, just let me know, ok?»

г) Обещание:

«Давай так. Я обещаю, что больше не буду поднимать эту тему, а ты, вот, только успокоишься сейчас, ладно?»

«Je suis en train de me preparer, mais je vais ranger ça».

«I just didn't know that this will hurt you! Really, I didn't mean to hurt you... I won't discuss our problems with anyone any more».

д) Оправдание:

«Как я на него смотрела? Обычно смотрела. Вот, серьезно, ничего такого даже не было. Не выдумывай!»

«Mais non, je n'ai jamais dit que tu es un nigau. Jamais!»

«Why do you think I don't care? I do care, really. Maybe, I'm just tired...»

2. Некооперативная стратегия.

а) Обвинение:

«Если у тебя не хватает фантазии ни на что более умное, не надо наезжать – ты не ведущий пока здесь. Не надо наезжать».

«You had chances to get to know us! You didn't. You have talked to nobody but Nick!»

«Vous n'avez pas changé! Chaque fois vous êtes en train de vous moquer! Arrêtez pour que ça soit fini pour une fois, bordel!»

б) Угроза:

«Я тебе сейчас, реально, по лбу дам».

«Next week good-bye. I will see you in the bathroom crying again».

«Senna, arrête! Si tu n'arrêtes pas, je te quitterai! Je suis sérieuse!»

в) Прерывание собеседника:

Л: Да, эта фигня меня раздражает. Ты мне в укор ставишь, что я не так сидела на романтике!

Ж: Я не ставлю тебе в упрек...

Л: А что ты сказал?

Ж: Ты сегодня не...

Л: Ты стала не та?

Ж: Нет. На сегодняшний день для меня лично, ну, когда люди, допустим...

Л: Я тебе еще раз говорю, Жень!...

Ж: Видишь, ты опять перебиваешь и нажимаешь.

г) Оскорбление:

«Ты сидишь, как затычка в каждой бочке, и только на девочек можешь.

Фу, какой позорище!»

«Fils de pute que tu es, je te déteste! Tu m'entends?!»

«How is amazing when people hang on with one another. But nobody in this house likes you, b.tch!»

д) Издевка:

«А я глотал с тобой унижения. И тряпка, и не мужик, и все,» - «Обглотался, бедненький».

«You gonna go home next week, I promise!» - «Cause you are the king of a house and everyone loves you?»

«Stop it! Why are you always blaming me!» - «And you are just a little innocent girl and don't deserve that, right? Come on!»

е) Апелляция к власти:

«Вот, я сейчас пойду и приведу сюда ведущих, тогда посмотрим, кто здесь прав!»

«If you continue breaking the rules you will be dismissed!» - «I won't be dismissed if you don't tell them», - «Yes, I will!»

«Tu penses que tout sera comme ça toujours, tu pourras tromper tout le monde, mais si je dis à ta famille toute la vérité, qu'est-ce que tu vas faire?»

ж) Обман:

«Это не я! Я не брала твои деньги! Джинсы на свои купила! У меня были!»

«Mais, oui, c'était juste comme ça. Il m'a dit que vous allez vous débarrasser de moi, voilà pourquoi je l'ai fait!»

«Why do you think I took your cigarettes? I didn't even see them!»

II. Коммуниканты с неравноправным социальным статусом – конфликты между ведущими и участниками проекта, между старыми и новыми участниками.

(Данные, в основном, приведены на материале реалити-шоу «Дом-2» в связи с отсутствием конфликтных ситуаций данного рода в других реалити-шоу).

1. Кооперативная стратегия:

-со стороны доминирующего:

а) Тактика убеждения:

Ж: Я каждый день хожу и говорю: Дай первый этаж дома Пынзарей. А ты говоришь: Нет, я тебе не дам, потому что ты должен жить там-то.

К: Правильно я тебе говорю. А что неправильно? Если ты даже вещи не можешь свои на втором этаже разобрать. Ну, Жень, какой тебе дом? Ты вначале докажи о том, что ты можешь этот дом заслужить, тогда получишь.

б) Предложение: *«Слушай, давай так. Ты извиняешься при всех за свои слова на стройке, и я больше к тебе даже не подхожу с этим»*

в) Обещание:

(Ведущая участнику) *«А если ты будешь меня слушать, то тебе понравится и мой голос, и мой тон. Я тебе обещаю!»*

г) Сочувствие:

«Лен, я ж понимаю, как тебе здесь все надоело, все эти проблемы... Просто постарайся не вымещать свое раздражение на других»

-со стороны подчиненного:

а) Оправдание: *«Я не говорю, что отказываюсь прибираться! Поставьте мне дежурство на другой день. Я все уберу!»*

б) Согласие: *«Ну, ладно, я что? Я вытру эту воду, конечно...»*

в) Убеждение: *«Смотри, Эндрю: вот, дай я буду говорить за себя, да? Я к тебе уважительно отношусь и при любых раскладах я поддерживаю тот выбор девочки, которая к тебе придет. Но при всем при этом ты меня просишь о чем? Ну вот, даже если коллектив решит проголосовать против Ани, ты тут, вообще, при чем?»*

2. Некооперативная стратегия

-со стороны доминирующего:

а) Угроза: *«Я тебя просто предупреждаю: если ты так будешь в коллективе вести себя, на следующем голосовании вылетитишь отсюда, как Уля».*

б) Обвинение: *«Девочки, ну, что за свинарник здесь? Ну, как же так жить можно?! Так, я приду через час, и чтоб все на местах было!»*

в) Прерывание собеседника:

Ч: Вот и все. Прямо сейчас собирай манатки и вали отсюда!

А: Слушай, ты не решаешь...

Ч: Потому что со свиньями мы в коллективе не живем.

г) Давление:

Ч: Иди и приберись. Ничего страшного в этом нету. Почему люди тут по правилам все дежурят?

А: Андрей, так ты знал, что я уезжаю. Ты знал!

Ч: Ты должна была приехать до обеда.

А: Я не обязана! Меня не было здесь!

Ч: Ах, если не обязана, иди за ворота!

д) Издевка:

«Марин, давай так: вот пока я сейчас с тобой разговариваю, ты ничего внятного пока не сказала. Давай будем откровенно. И, к сожалению, ты это не умеешь. Я тебе говорила, что в этой жизни, может быть, стоит поменять общение с мужчинами. В каком плане: может быть, стоит подождать эту самую любовь и не ложиться с мужчинами, с которыми ты спишь постоянно?»

-со стороны подчиненного:

а) Возмущение:

«Я не обязана! Меня не было здесь!»

б) Намек, ирония:

Е: Один вопрос. Сделайте тишину! Вот смотрите, решение конфликтов входит в ваши обязанности? Вот, мне надо поговорить с ведущим 2 минуты, можно?

К: Решение конфликтов? А что, уже конфликты наметились?

Е: Ну да.

К: Уже?

Е: Не, ну, на меня Ксюша (говорит ведущей о ней же) надавила так в корне, просто я до сих пор в шоке хожу.

в) Провокация:

«Где все малолетки, которые рты-то открывают? Где все? Где ты сидишь-то? Девушку оскорбляют. Ты, мужчина!»

Среди кооперативных тактик в конфликтной ситуации наиболее продуктивной оказывается тактика рационального убеждения. Используя данную тактику, конфликтующие стороны имеют наибольшие шансы на рациональное разрешение конфликта.

Наиболее частотной неконструктивной, некооперативной тактикой в бытовом конфликтном дискурсе как при равноправных, так и при неравноправных социальных статусах (со стороны доминирующей стороны) является коммуникативная тактика обвинения. Тактика *обвинения* нацелена на негативную оценку действий партнера. Эксплицируя обвинение, говорящий наносит психологический ущерб имиджу адресата, вызывая у него эмоциональный дискомфорт, и побуждает его к ответным речевым действиям, что повышает вероятность возникновения конфликта.

Тактика *оправдания* (кооперативная стратегия, в ответ на обвинение) довольно часто используется коммуникантами с социальным статусом подчинения в качестве ответной реплики для прояснения недоразумения, приведшего к конфликту, – говорящий пытается дать дополнительную информацию об обстоятельствах, объясняющих причины его поведения в прошлом, что способствует амортизации конфликта.

В ходе исследования выяснилось, что наиболее деструктивной является некооперативная стратегия с равноправными участниками конфликта. Если никто из коммуникантов не изменит стратегию, разрешить конфликт без третьих лиц будет практически невозможно.

В Таблицах 10 и 11 представлены процентные данные присутствия той или иной тактики в анализируемых конфликтных диалогах.

Таблица 10

Тактики коммуникантов с равным социальным статусом

Коммуниканты с равноправным социальным статусом			
Кооперативная стратегия		Некооперативная стратегия	
Предложение	78	Обвинение	70
Оправдание	51	Угроза	49
Уступка	45	Прерывание со- беседника	86
Рациональное убеждение	36	Оскорбление	60
Обещание	33	Издевка	41
		Апелляция к вла- сти	39
		Обман	15

*Данные в Таблице 10 представлены в процентном выражении на основании присутствия явления в диалоге (1740 диалогов - общее количество диалогов между участниками с равноправным статусом - равно 100%).

Таблица 11

Тактики коммуникантов с неравным социальным статусом

Коммуниканты с неравноправным социальным статусом (со стороны доминирующего)			
Кооперативная стратегия		Некооперативная стратегия	
Убеждение	69	Прерывание со- беседника	81
Предложение	84	Давление	60
Обещание	60	Обвинение	57
Сочувствие	42	Оскорбление	45
		Угроза	38
		Издевка	33
Коммуниканты с неравноправным социальным статусом (со стороны подчиненного)			

Кооперативная стратегия		Некооперативная стратегия	
Оправдание	74	Возмущение	66
Согласие	68	Намек, Ирония	29
Убеждение	45	Провокация	25

* Данные в Таблице 11 представлены в процентном выражении на основании присутствия явления в диалоге (405 диалогов - общее количество диалогов между участниками с неравноправным статусом - равно 100%).

Для наглядности представления материала приведем пример анализа языковой личности одного из участников телешоу «Big Brother» Дика (Evel Dick). Было проанализировано 19 случаев конфликтной коммуникации с участием Дика и составлен его портрет как ярко выраженной конфликтной языковой личности.

1. Вербально- семантический уровень.

Большое количество инвективной и абсценной лексики: «*Bitch*», «*Damned shit*», «*a piece of sh.t*».

Повторы:

- *You're a hypocrite. You're a hypocrite!*

- *Your bad belief! God will redeem you!*

- *You're a hypocrite!*

или

- *You gonna get burned! You gonna get burned!*

- *You're burning me!*

- *Get out from me. You gonna get burned again! I promise.*

- *You're burning me! You're burning me! Look! You see? What it is!*

Фамильярное обращение к девушкам: «*baby*», нередко грубое обращение: «*You stupid b.tch*».

Частое использование глаголов в повелительном наклонении: «*Go home*», «*Stop bla-bla-bla*», «*Go cry somewhere else!*»

Грамматические ошибки не столь многочисленны. В основном, это опущение *-s* в 3л.ед.ч. глаголов, использование времени Present Simple вместо Present Perfect, что в принципе, является особенностью американской разговорной речи.

Важнейшую роль в построении портрета данной языковой личности имеют невербальные маркеры, такие как: тембр голоса (у Дика низкий тембр, его голос отчетливо слышен, хотя он редко повышает его); расстановка пауз (иногда до 7-10 секунд); довольно медленная речь, что обычно не свойственно для бытового конфликтного дискурса; неярко выраженная жестикация (иногда он просто передразнивает оппонента, повторяя его движения); взгляд направлен четко в глаза оппонента. К дополнительным неязыковым, но также важным особенностям отнесем постоянное присутствие сигареты, иногда дым выпускается в лицо оппоненту.

2. Психологический уровень.

Дик – вариабельно-стабильный тип личности. Удовлетворение собственных интересов играет для него наибольшее значение. То, как конфликтная языковая личность защищает свою позицию и какие средства для этого использует, является существенным на данном уровне. Конфронтация – основная установка Дика в любом конфликте. Дик редко использует логические аргументы для защиты своей точки зрения. Нередким аргументом при защите позиции для Дика являются неязыковые средства физического воздействия: вылить воду на оппонента, выдуть ему в лицо сигаретный дым.

3. Прагматический уровень.

Оскорбление, обвинение, угроза, издевка – основные конфликтные тактики Дика. Приведем пример:

D: Why are you still here? Why are you still here, you're a stupid ass (оскорбление), you hid my cigarettes (обвинение).

J: I just found your cigarettes.

D: Oh, you found them, stupid b..ch (оскорбление)? Now I have your clothes, and you'll have nothing to wear, only what you're wearing now (угроза)!

J: Okay.

D: Good bye. Nobody gonna miss you (издевка)!

Выводы по главе 2

Во второй главе, на основе анализа диалогов, имеющих место между людьми в различных бытовых ситуациях общения, были выделены компоненты суперструктуры, характерной для данного типа дискурса. Было обнаружено, что компонентами данной структуры являются: (а) Приветствие, (б) запланированный или незапланированный главный Топик разговора. Эта основная категория может быть разделена на несколько субкатегорий, таких как Установление топика, которая функционирует как категория, которая фокусирует внимание на основной теме и сути разговора. Затем следует собственно (в) Обсуждение топика, что может включать вставленные аргументацию или повествование, обвинения или защиту, поздравления или благодарность. Наконец, мы имеем (г) Завершение топика.

На уровне макроструктуры было показано, что исследовать речь нужно не только на семантическом, но и на прагматическом уровне. Одна из важнейших функций понимания на макроуровне заключается в том, что говорящий и слушающий на основе выполняемых ими функций в отношении макроречевого акта могут устанавливать связь между высказываниями. Выяснилось, что для выделения макроструктуры бытового дискурса эффективно используются макроправила Опускания и Построения. Макроправило Обобщения может также быть использовано, но в данном случае оно менее эффективно.

Описаны средства манифестации макроструктур в бытовом конфликтном дискурсе. К ним относятся: (1) на синтаксическом уровне – метасемантические конструкции, индикаторы топика, выделительные конструкции, слова-связки, индикаторы релевантности; (2) на лексическом уровне – слова, обладающие статусом глобального действия или глобальным значением, ключевые слова; (3) на морфологическом уровне – местоимения и указательные слова; (4) на фонетическом уровне – интонация, выделение голосом наиболее важной информации, изменение тона при смене топика.

Была выделена суперструктура конфликтного бытового дискурса и описаны ее особенности. Суперструктурная схема диалога с семантикой конфликта вклю-

чает в себя следующую последовательность: зарождение, созревание, собственно речевой конфликт, включающий в себя фазы: развитие и спад и последствия.

Выявлены основные характерные особенности конфликтующей языковой личности, а также указаны возможные установки языковой личности в бытовом конфликтном дискурсе в зависимости от ее психологического типа личности и тактические варианты ее поведения в зависимости от социального статуса (подчинение – доминирование, равный статус).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертации проведено исследование структурно-смысловых особенностей бытового конфликтного дискурса.

В *первой (теоретической) главе* работы были охарактеризованы основные подходы к изучению дискурса, типологии дискурса, показаны различные подходы к его структурированию, подробно рассмотрено такое понятие, как бытовой дискурс, в частности, конфликтный бытовой дискурс, составлен портрет конфликтующей языковой личности.

Вслед за В.И. Карасиком дискурс был определен как «речевой продукт, рассматриваемый как социальное действие, осуществляемое с определенными интенциями, характеризующееся типологически обусловленным коммуникативным пространством».

Во-первых, дискурс – это часть социальной деятельности в рамках социальной практики. Во-вторых, дискурс выражается в репрезентациях. Центральный круг вопросов, исследуемых в дискурсивном анализе, – вопросы структуры дискурса. Следует различать разные уровни структуры – макроструктуру, или глобальную структуру, и микроструктуру, или локальную структуру. Макроструктура дискурса – это членение на крупные составляющие: эпизоды в рассказе, абзацы в газетной статье, группы реплик в устном диалоге и т.д.

С позиции участников общения, т.е. социолингвистического подхода, все виды дискурса распадаются на личностно- и статусно-ориентированный.

Личностно-ориентированный дискурс проявляется в двух основных сферах общения - бытовой и бытийной, при этом бытовое (обиходное) общение представляет собой генетически исходный тип дискурса, а бытийное общение выражается в виде художественного, философского, мифологического диалога. Статусно-ориентированный дискурс может носить институциональный и неинституциональный характер, в зависимости от того, какие общественные институты функционируют в социуме в конкретный исторический промежуток времени.

Бытовое общение протекает между хорошо знакомыми людьми, сводится к поддержанию контакта, беседе, передаче определенной информации и решению

насуточных проблем. Как правило, это общение происходит в форме диалога, на сокращенной дистанции. Тема разговора обычно легко понимается и не требует дополнительных разъяснений. Бытовое общение характеризуется спонтанностью, сильной ситуативной зависимостью, ярко выраженной субъективностью, нарушениями логики и структурной оформленности высказываний.

Именно в бытовом общении человека подстерегает наибольшее количество неудач и конфликтов.

Под бытовым конфликтом понимается особый вид коммуникативной ситуации, в которой происходит столкновение двух сторон (участников конфликта) из-за разногласия интересов, целей, взглядов. В результате одна из сторон сознательно и активно действует в ущерб другой, а вторая сторона, осознавая, что указанные действия направлены против ее интересов, предпринимает ответные действия против первой стороны.

Носителем языкового сознания является языковая личность, т.е. человек, существующий в языковом пространстве — в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов.

В практической части работы были исследованы основные типы структур, характерных для бытового общения, в том числе для бытового конфликтного общения.

Бытовое общение имеет достаточно явную схематическую суперструктуру: Приветствие, включающее субкатеорию Введение, запланированный или незапланированный главный Топик разговора, включающий Установление топика, Обсуждение топика, Завершение топика, которое может сопровождаться, к примеру, Благодарностью, Прощание.

В ходе исследования было выявлено, что бытовой конфликтный дискурс имеет специфическую суперструктуру, характерную именно для ситуаций конфликтного общения. Суперструктурная схема диалога с семантикой конфликта включает в себя следующую последовательность: 1) инцидент, 2) созревание, 3) развитие, 4) разрешение, 5) завершение, 6) последствия.

Выявлены средства манифестации макроструктур в бытовом дискурсе, в частности характерные для языковой личности в коммуникативной ситуации конфликта.

Синтаксический уровень: метасемантические конструкции, указывающие на топик, индикаторы релевантности: *во-первых* и *во-вторых*, *ты хочешь сказать*, союз *но* как индикатор резкой смены топика разговора.

Фонетический уровень: повышение тона голоса, ускорение темпа речи, а также замедление речи коммуниканта, четкая артикуляция, достаточно большие интервалы между словами.

Морфологический уровень: местоимения (все, это, *le, ce, ça*), существительные с глобальным значением (вещь, *truc*, *news*).

Построена модель конфликтующей языковой личности на вербально-семантическом, психологическом и прагматическом уровнях.

На вербально-семантическом уровне выделены:

1. Лексический подуровень: ненормативная лексика (обценная, инвективная), негативная оценочная лексика, сравнительные обороты, слова-паразиты, создание языковыми личностями новых слов.

2. Грамматический подуровень: употребление местоимений 3 лица по отношению к присутствующим, употребление императивов, употребление междометий, восклицательные предложения, вопросительные предложения (в т.ч. риторический вопрос), незаконченные предложения, повторы фраз.

Выделены и невербальные маркеры конфликтного дискурса. К ним относятся: - паузы;

- повышение или понижение тона голоса;

- ускорение или замедление темпа речи.

На психологическом уровне выделены речевые маркеры установок для различных психологических типов личности.

1. К речевым маркерам установки на сотрудничество можно отнести: описательные утверждения, призыв к открытости, призыв к уточнению причины конфликтной ситуации, принятие ответственности, выражения, показывающие при-

нятие чувств оппонента. Данный тип установки наиболее характерен для динамического типа личности.

2. Установку на избегание характеризуют такие маркеры: прямое игнорирование конфликтной ситуации, не прямое игнорирование, смена темы, обобщающие замечания.

3. К речевым маркерами установки на компромисс будут относиться: предложение быстрого решения (но не в полной мере устраивающего конфликтующие стороны, апелляция к справедливости, «торг».

Установка на избегание и компромисс присуща статическому типу личности.

4. Речевыми маркерами установки на приспособление, характерной для вариабельно-лабильных личностей, являются: отказ от своей позиции, невмешательство, отказ от своих нужд.

5. Речевые маркеры установки на конфронтацию включают: прямая угроза, злые шутки, оскорбление, приписывание мыслей, чувств, мотивов оппоненту, отрицание собственной ответственности. Последний тип установки наиболее часто встречается у вариабельно-стабильных личностей.

На прагматическом уровне выделяют кооперативные и некооперативные коммуникативные стратегии и тактики.

В зависимости от социальной роли и выбранной конфликтующими стратегией, выделены следующие тактики:

I. Коммуниканты с равноправным социальным статусом.

1. Кооперативная стратегия: тактика рационального убеждения; предложение; уступка; обещание; оправдание.

2. Некооперативная стратегия: обвинение; угроза; прерывание собеседника; оскорбление; издевка; обман; апелляция к власти.

II. Коммуниканты с неравноправным социальным статусом (конфликты между ведущими и участниками проекта, между старыми и новыми участниками).

1. Кооперативная стратегия:

-со стороны доминирующего: убеждение; предложение; обещание; сочувствие.

-со стороны подчиненного: оправдание; согласие; убеждение.

2. Некооперативная стратегия

-со стороны доминирующего: угроза; обвинение; прерывание собеседника; давление; издевка.

-со стороны подчиненного: намек; ирония; провокация.

Дальнейшие перспективы исследований.

В области изучения глобального структурирования дискурса перспективами исследования глобальных структур является исследование других типов дискурса – педагогического, религиозного и др.

В области изучения конфликтного дискурса перспективами дальнейшего исследования проблематики коммуникативного поведения следует считать более детальное изучение и описание причин возникновения конфликта в коммуникации, возможные классификации конфронтационных проявлений в языке, описание коммуникативного конфликта в других видах дискурса. Исследование конфликтной коммуникации может способствовать определению тактик и стратегий бесконфликтной коммуникации, что представляется особо актуальным в различных сферах социального взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абрамов А.Б. Подходы к урегулированию этнополитических и этноконфессиональных конфликтов на постюгославском пространстве: дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / А.Б. Абрамов. – М.: 2006. – 180 с.
2. Абульханова-Славская К.А. Особенности типологического подхода и метода исследования личности /К.А. Абульханова-Славская // Принцип системности в психологических исследованиях. – М.: Наука, 1990. – С. 18 – 25.
3. Айзенк Г. Как измерить личность / Г. Айзенк, Г. Вильсон. – М.: Когито-центр, 2000. – 284 с.
4. Алексеева А.А. Аргументативный потенциал крылатых слов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.А. Алексеева. – Тверь, 2001. – 18 с.
5. Анцупов А.Я. Конфликтология: учебник для вузов / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – СПб.: Питер, 3-е издание, 2008. – 496 с.
6. Аристов, С.А. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс / С.А.Аристов, И.П. Сусов // Лингвистический вестник: сб. науч. тр. – Ижевск, 1999. – С. 10-19
7. Артемова Я.В. Типология корпоративной идентичности личности: автореф. дис. ... канд. псих. наук: 19.00.01 / Я.В. Артемова – М., 2012. – 26 с.
8. Астафурова Т.Н. Прагматика делового общения / Т.Н. Астафурова // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Серия 2: Филология, 1996. – Вып 1.– С 52–57.
9. Астафурова Т.Н. Лингвистические аспекты межкультурной деловой коммуникации / Т.Н. Астафурова. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1997. – 108 с.
10. Ахвердова О.А. Психология личности: Учебное пособие / О.А. Ахвердова, И.В. Белашева, И.В. Боев, А.Н. Каргалева. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. – 592 с.
11. Баранов А.А. Стресс-толерантность педагога: теория и практика / А.А. Баранов. – М.: АСТ; Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», - 2002. – 423 с.

12. Баранов А.Н. Постулаты когнитивной семантики / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Известия РАН. Серия литературы и языка, 1997. – Т. 56. №1. – С. 13–20.
13. Баранов А.Н. Когнитивные механизмы онтологизации знания в зеркале языка (к лингвистическому изучению аргументации) / А.Н. Баранов, В.Н. Сергеев // Психологические проблемы познания действительности: Труды по искусственному интеллекту // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. – Тарту: Тартуск. гос. ун-т, 1988. Вып. 793. – С. 21–40.
14. Барбарян К.Б. Этнополитические конфликты в закавказском регионе: истоки и развитие: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / К.Б. Барбарян. – М.: 2007. – 18 с.
15. Безрокова М.Б. Специфика формирования и развития языковой личности в моно- и полиэтнической среде: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.19 / М.Б. Безрокова. – Нальчик: 2013. – 179 с.
16. Белая Е.В. Феномен терроризма в современном обществе: дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04 /Е.В. Белая. – М.: 2005. – 153 с.
17. Белецкая О.Д. Когнитивно-коммуникативная интерпретация вопросно-ответных единств : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.Д. Белецкая. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 1999. – 19 с.
18. Белова Е.Н. Структура и семантика аргументативного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 /Е.Н. Белова. – СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 1995. – 18 с.
19. Белоус Н.А. Типология конфликтных проявлений в диалогическом пространстве / Н.А. Белоус, А. П. Костяев, А. А. Романов, Л. А. Романова // Наука и образование. Сборник материалов 7 международной научной конференции, 28-29 февраля 2008. – Белово, 2008. – С. 31–39.
20. Белоус Н.А. Функциональные особенности конфликтного дискурса / Н.А. Белоус // Знание. Понимание. Умение. М.: МГУ, – 2008. – №4. – С. 152–157.
21. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: УРСС, 2002. – 448 с.

22. Бикбаев В.М. Этноконфессиональный фактор в деятельности террористических организаций : На примере Афганистана : диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02 / В.М. Бикбаев. – Кемерово, 2005. – 165 с.
23. Богин Г.И. Современная лингводидактика / Г.И. Богин. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. – 61 с.
24. Бородкин Ф.М. Внимание, конфликт! / Ф.М. Бородкин, Н.М. Коряк. – Новосибирск: Наука, 1989. – 254с
25. Брутян Г.А. Аргументация / Г.А. Брутян. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1984. – 105 с.
26. Бэкон Ф. Сочинения. В 2 т. / Ф. Бэкон. – М.: Мысль, 1979. Т.2. - 582 с.
27. Быканова М.С. Языковая личность музыканта в этнокультурном аспекте (на материале дискурсных манифестаций А.Н. Скрябина, К Дебюсси): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.С. Быканова. – Белгород, 2014. – 195 с.
28. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация /Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989 – 312 с.
29. Варзонин Ю.Н. Эффективность воздействия / взаимодействия с позиций риторической модели / Ю.Н. Варзонин // Тверской лингвистический меридиан. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 1999. Вып. 2. – С. 42–50.
30. Васильев Л.Г. Аргументация и ее понимание: логико-лингвистический подход /Л.Г. Васильев. – Калуга: Изд-во КГУ им. К.Э. Циолковского, 2014 – 331 с.
31. Васильев Л.Г. Аргументативные аспекты понимания / Л.Г. Васильев – М.: Ин-т психологии РАН, 1994. – 222 с.
32. Васильев Л.Г. Речевые стратегии и апеллятивный дискурс / Л.Г. Васильев, Н.Н. Черкасская. – Калуга: Калужский гос. университет, Удмуртия: Удмуртский гос. университет, 2013 – 99 с.
33. Власян Г.Р. Мена коммуникативных ролей как основополагающий фактор динамической структуры конверсационного дискурса/ Г.Р. Власян // Гуманитарный вектор. – 2012. – № 4 (32). – С. 103–107

34. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей /В.В. Виноградов. – М.: Госуд. издательство художественной литературы, 1961. – 611 с.
35. Волков А. А. Курс русской риторики / А.А. Волков. – М: Издательство храма св. мц. Татианы, 2001. – 480 с.
36. Волкова О. С. Прагмалингвистические особенности межличностного общения в коммуникативной ситуации «Бытовой конфликт» (на материале английского языка) Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О.С. Волкова. – Волгоград, 2009 – 23 с.
37. Ворожбитова А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление: Учеб. пособие /А.А, Ворожбитова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2005. – 367 с.
38. Гавришина И.Н. Функционально-коммуникативная специфика речевой аргументации : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1991. – 20 с.
39. Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. [Электронный ресурс] / Т. Гоббс. – Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – Режим доступа: <http://grachev62.narod.ru/hobbe> (дата обращения: 10.02. 2013)
40. Голев Н.Д. Текст как воплощение энергии конфликта: опыт одной типологии антропотекстов и языковых личностей (на материале рассказов В.М. Шукшина) / Н.Д. Голев // Этика и социология текста: Сборник статей научно-методического семинара «TEXTUS» - Вып.10 / Под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. – СПб-Ставрополь, 2004. – С.356–360.
41. Голубев В.Ю. Аргументация как один из функциональных элементов газетного стиля речи (на материале американской прессы): дис. ... канд. филол. наук: 10.00.04 / В.Ю. Голубев. – СПб.: С.-Петербургск. гос. ун-т, 1996. – 222 с.
42. Гриффин П.О. Трудовые конфликты и порядок их разрешения / П.О. Гриффин, М.И. Могилевский. – Пг.,1924. – 24 с.

43. Грошев И.В. Половой диморфизм и поведение в конфликте / И.В. Грошев // Психология: итоги и перспективы: Тезисы научно-практической конференции. – СПб., 1996. – С. 13–15.
44. Гулакова И.И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: дисс. ... канд. филол. наук:10.02.19 / И.И. Гулакова. – Орел, 2004. – 151 с.
45. Гуреева А.А. Социокоммуникативные характеристики языковой личности переводчика: дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.А. Гуреева. – Волгоград, 2014. – 194 с.
46. Гуренчик Е.Н. Дискурс и лингвистика дискурса в репрезентации французского специализированного словаря дискурс-анализа *Dictionnaire d'analyse du discours* / Е.Н. Гуренчик // Языковой дискурс в социальной практике: сборник научных трудов – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. – С. 319–322.
47. Гусева О.А. Конфликтный дискурс в межнациональном политическом взаимодействии /О.А. Гусева // Дискуссионные вопросы современной лингвистики: Сб-к научных трудов. – Калуга: Калужский гос. пед. ун-т, 2009. – Вып. 5. – С. 37–43.
48. Демидова Т.В. Концептуальная репрезентация языковой личности студента среднего профессионального образования / Т.В. Демидова. – Майкоп, 2011. – 230 с.
49. Дмитриев А.В. Конфликтология: Учебное пособие / А.В. Дмитриев. – М.: Гардарики, 2000. – 320 с.
50. Добрякова Н.Н. Аргументативное сообщение как единица политической речи. Прагмалингвистический и интеракционный аспекты анализа : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.Н. Добрякова. – СПб., 2003. – 18 с.
51. Долакова З.М. Влияние межэтнического конфликта на ролевую структуру традиционной семьи: дис. ... канд. псих. наук: 19.0.05 / З.М. Долакова. – М., 2006. – 170 с.

52. Долгова Н.А. Функционально-семантическая характеристика финальных реплик диалога: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.А. Долгова. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2000. – 20 с.
53. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии / Т.М. Дридзе. – М.: «Наука», 1984. – 232 с.
54. Дудина М.Г. Умозаключение как средство речевого воздействия в тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.Г. Дудина. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – 18 с.
55. Еемерен Франс Х. ван, Речевые акты в аргументативных дискуссиях: теоретическая модель анализа дискурса, направленная на разрешение конфликта мнений / Ф.Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст. – СПб.: «Нотабене», 1992 – 238 с.
56. Еемерен Франс Х. ван. Аргументация: анализ, проверка, представление. Уч. пособие / Ф.Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст, Ф. Хенкеманс. – СПб.: СПбГУ, 2002. – 160 с.
57. Еемерен Франс Х., Гроотендорст Р. Речевые акты в аргументативных дискуссиях : пер. с англ. / Ф.Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст. – СПб.: С.-Петербургск. гос. ун-т, 1994. – 240 с.
58. Емельянов С.М. Практикум по конфликтологии / С.М. Емельянов. – СПб.: Питер, 2009 – 384 с.
59. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации / Е.Н. Зарецкая. – М.: Акад нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации; Дело, 2001. – 477 с.
60. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев. – М.: Наука, 1976. – 307 с.
61. Иванцова Е.В. О термине «Языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е.В. Иванцова // Вестник Томского Государственного университета. Серия Филология. – 2010. – С. 24–32.

62. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины /Е.П. Ильин. – С-Пб.: Питер, 2002. – 512 с.
63. Кадилина О.А. Сильная/слабая языковая личность: коммуникативно-прагматические характеристики: дисс... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.А. Кадилина. – Краснодар, 2011. – 193с.
64. Каменская О. Л. Эмоциональный уровень языковой личности / О.Л. Каменская // Актуальные проблемы теории референции. Сб. науч. статей. Вып. 435. – М.: Изд-во МГЛУ, 1997. – С. 9–18.
65. Кант И. Сочинения в шести томах /И. Кант. – М.: «Мысль», 1966. – Т. 6.–743 с.
66. Каразия Н.А. Лингвопрагматическое исследование конфликтного дискурса [Электронный ресурс] / Н.А. Каразия. – Точка доступа: http://www.kamgu.ru/catalog/journal/2006/KR%202006%202_6.pdf (Дата обращения: 20.01.2011)
67. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
68. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. / Ю.Н. Караулов; отв. ред. член-кор. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
69. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность: интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций / Ю.Н. Караулов, Н.Л. Чулкина. – М.: РУДН, 2008. – 139 с.
70. Кашкин В.Б. Сопоставительные исследования дискурса / В.Б. Кашкин // Концептуальное пространство языка. – Тамбов: ТГУ, 2005. – С.337–353.
71. Комина Н.А. Анализ дискурса в интеракционной социолингвистике [Электронный ресурс] / Н.А. Комина // Лингвистический вестник. – 1999. – Вып. 1. – Режим доступа: http://www.teneta.ru/rus/ke/komina_na_analiz_diskursa.htm (Дата обращения: 15.10.2011).

72. Комлев Н.Г. Лингво-семантические мотивы возникновения и разрешения межперсонального конфликта / Н.Г. Комлев // Тез. VI всесоюзн. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. – М, 1978. – С. 89–93.
73. Коноваленко И. В. Языковая личность в личностно-ориентированном конфликтном дискурсе / И.В. Коноваленко // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10 (148) Филология. Искусствоведение. Вып.30. – С. 44–47.
74. Костяев А.П. Дискурсивные маркеры вербальной агрессии в профессиональной коммуникации [Электронный ресурс] / А.П. Костяев // Мир лингвистики и коммуникации – № 2 (19) 2010 – Точка доступа: http://tverlingua.by.ru/archive/019/9_19.pdf (Дата обращения: 30.10.2012).
75. Кошкарлова Н. Н. Лингвистические механизмы речевой агрессии в СМИ / Н.Н. Кошкарлова // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10 (148). Филология. Искусствоведение. Вып.30. С. 48–52.
76. Кошкарлова Н.Н. Пространство конфликтного дискурса в жанре политического интервью/ Н.Н. Кошкарлова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – №17. – С. 54–59.
77. Кречмер Э. Строение тела и характера [Электронный ресурс] / Э. Кречмер. – Точка доступа: <http://www.psychiatry.ru/lib/53/book/54> (Дата обращения: 02.12.2015)
78. Круглова, М. А. Мотивация активности личности как регулятор социального поведения / М.А. Круглова // Психология. – 1999. – № 7. – С. 44–45.
79. Кубрякова Е.С. Язык и знание / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры. 2004. – 556 с.
80. Кубрякова Е.С. К проблеме ментальных репрезентаций /Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – М.: Институт языкознания; Тамбов: Тамбовский гос. университет им. Г. Р. Державина, 2007. – № 4. – С.8–16.

81. Кузнецова Л.Н. В.В. Виноградов как профессиональная языковая личность ученого-филолога: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.Н. Кузнецова. – Сочи, 2013. – 234 с.
82. Культура русской речи: Энцикл. слов.-справ. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.
83. Лахтаренко А.А. Манипулятивные стратегии в бытовом дискурсе (на материале современного немецкого языка) [Электронный ресурс] / А.А. Лахтаренко // Международная Интернет-конференция «Аргументативная риторика в практике политического, делового и административно-правового общения», 2010 – Точка доступа: http://iconf.vgi.volsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=79:2010-04-30-07-02-32&catid=40:2010-04-28-10-48-29&Itemid=55 (Дата обращения: 12.12.2013).
84. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1977. – 420 с.
85. Либин А.В. Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских и американских традиций / А.В. Либин. – М.: Смысл; Изд. Центр «Академия», 2004. – 527 с.
86. Лисанюк Е.Н. Взаимоотношение аргументации и конфликта / Е.Н. Лисанюк // Конфликтология №1, 2014 – С. 20-31
87. Лисанюк Е.Н. Логико-когнитивная теория аргументации: дис. ... д. философских наук: 09.00.07 / Е.Н. Лисанюк. – СПб.: 2015. – 297 с.
88. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко; под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. – С-Пб.: Речь, 2009. – 256 с
89. Мельникова О.В. Импликативные сверхфразовые единства в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О.В. Мельникова. – Воронеж, 2003. – 18 с.
90. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М.Л. Макаров. – Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1998. 200 с.
91. Макиавелли Н. Государь. Размышления над первой декадой Тита Ливия / Н.Макиавелли. – Минск. 2004. – 703 с.

92. Маклаков А.Г. Общая психология. Учебник для вузов / А.Г. Маклаков. – СПб.: Питер, 2007. – 583 с.
93. Монтень М. Опыты. [Электронный ресурс] / М. Монтень. – М.: Голос, 1992. – Точка доступа: <http://psylib.org.ua/books/monte01/index.htm> (Дата обращения: 01.03.2015)
94. Мочалин Н.Д. Эскалация террористического насилия в мире в эпоху глобализации: истоки, факторы, тенденции: дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Н.Д. Мочалин. – М., 2006. – 166 с.
95. Муфтахова Ф.С. Современный терроризм: специфика, причины, основные направления противодействия: дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Ф.С. Муфтахова. – Уфа, 2006. – 141 с.
96. Надирашвили Ш.А. Установка и деятельность / Ш.А. Надирашвили. – Тбилиси: Мецниереба, 1987. – 361 с.
97. Найденов О.Ю. Прагматические аспекты оптимизации речевого воздействия печатных средств информации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.Ю. Найденов. – М., 2001. – 18 с.
98. Небылицын В.Д. Темперамент / В.Д. Небылицын // Психология индивидуальных различий. Тексты. — М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 153–159.
99. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод. М., 1996. – С. 112–116.
100. Николаева Л.А. Мужчина и женщина глазами психофизиолога. / Л.А. Николаева // Сб. статей: Потолок пола. Под редакцией Т.В. Барчуновой. – Новосибирск, 1998. С. 11-44.
101. Ницше Ф. Утренняя заря. Мысли о моральных предрассудках / Ф. Ницше. – М.: Академический проект, 2008. – 336 с.
102. Новак С.Е. Идеино-политические основы современного терроризма: дис. ... канд. политических наук: 23.00.02 / С.Е. Новак. – М., 2006. – 244 с.
103. Норакидзе В.Г. Методы исследования характера личности / В.Г. Норакидзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1975. – 243 с.

104. Норакидзе В.Г. Типы характера и фиксированная установка / В.Г. Норакидзе. – Тбилиси 1961. – 190 с.
105. Ораторы Древней Греции. – М.: Худ. лит., 1985. – 495 с.
106. Ощепкова Н.А. Стратегии и тактики в аргументативном дискурсе: прагматический лингвистический анализ убедительности рассуждения (на материале политических дебатов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.А. Ощепкова. – Тверь, 2004 – 199 с.
107. Павлов И.П. Общие типы высшей нервной деятельности животных и человека / И.П. Павлов. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. - 50 с.
108. Панкрац Ю.Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней / Ю.Г. Панкрац. – Минск: МГПИИЯ, 1992. – 333 с.
109. Паутов И.Д. Международный терроризм в конце XX - начале XXI веков, как глобальная проблема современности: сущность, истоки и угрозы: дис. ... канд. политических наук: 23.00.04 / И.Д. Паутов. – М., 2006. – 284 с.
110. Певнева И.В. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогических дискурсов русской и американской лингвокультур: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.19 / И.В. Певнева. – Кемерово, 2008. – 19 с.
111. Певнева И.В. Национальные особенности проявления коммуникативных стратегий в бытовых ситуациях конфликта / И.В. Певнева, А.Г. Фомин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2008. №1, ч. 1 – С. 135–139
112. Платон. Диалоги / Платон. – М.: Мысль, 2000. – 607 с.
113. Платонов К.К. Структура и развитие личности / К.К. Платонов. – М., 1986. 255 с.
114. Прангишвили А.С. Воспоминание и установка (основы уверенности при воспоминаниях) / А.С. Прангишвили // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. М.: Изд-во МГУ, 1980. – С. 277-282

115. Прокудина О.Н. Гендерный дискурс-анализ речевых стратегий женской языковой личности: на материале русской и английской диалогической речи: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / О.Н. Прокудина. – Кемерово, 2002. – 209 с.
116. Ревенко О.А. Диалог-спор в лингвистической теории аргументации (на материале совр. англ. языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О.А. Ревенко – Красноярск: Красноярск. гос. ун-т, 1999. – 187 с.
117. Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации / О.Г. Ревзина //Критика и семиотика. – Вып. 8. – Новосибирск, 2005. – С. 66–78.
118. Рожкова Т.В. Русский язык и культура речи. Учебно-методическое пособие / Т.В. Рожкова. – Вологда: ВИПЭ, 2008. – 95 с.
119. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2-х т. / С.Л. Рубинштейн. - М.: Педагогика, 1989. Т.1. – 485 с.
120. Русалов В.М. О природе темперамента и его места в структуре индивидуальных свойств человека / В.М. Русалов // Вопросы психологии - М.: Педагогика, 1985. – №1 январь-февраль 1985. – С. 19–33.
121. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.Ж. Руссо. Пер. с фр. – М.: КАНОН-пресс, 1998. – 416 с.
122. Ручкина Е.М. Лингво-аргументативные особенности стратегий вежливости в речевом конфликте: на материале педагогического дискурса : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.М. Ручкина. – Калуга, 2009. – 20 с.
123. Ручкина Е.М. Речевой конфликт и его регулирование средствами аргументации / Е.М. Ручкина // Дискуссионные вопросы современной лингвистики: Сб-к научных трудов / Отв. ред. д.ф.н. Л.Г. Васильев. – Калуга: Калужский гос. ун-т, 2011. – Вып. 7. – С. 64–66.
124. Сафьянов В.И. Этика общения: проблема разрешения конфликтов /В.И. Сафьянов. – М.: Мир книги, 1997 – 191 с.
125. Седов К. Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии [Электронный ресурс] / К.Ф. Седов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 2002. – Точка доступа:

- <http://www.dialog21.ru/materials/archive.asp?id=7379&y=2002&vol=6077> (Дата обращения: 15.04.2012).
126. Сейранян М. Ю. Конфликтный дискурс: социолингвистический и прагмалингвистический аспекты: Монография / М.Ю. Сейранян. – М.: Издательство «Прометей», 2012. – 96 с.
  127. Сентенберг И.И. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте / И.И. Сентенберг // Языковая личность: проблемы значения и смысла. – Волгоград, 1994. С. 14–25.
  128. Сергеева О.В. Языковая личность педагога: статика и динамика: дисс... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.В. Сергеева. – Краснодар, 2013. – 187 с.
  129. Серио П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла. М.: Прогресс, 1999 - С. 26-27
  130. Серль, Дж. Теории речевых актов / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. – С. 129–145.
  131. Сиротинина О.Б. Русская разговорная речь / О.Б. Сиротинина. – М.: Просвещение, 1983. – 79 с.
  132. Скрэгг Г. Семантические сети как модели памяти / Г. Скрэгг // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Радуга, 1983. – Вып. XII. – С.228–271.
  133. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов [Электронный ресурс]. – М.: Ось-89, 1997. – 255 с. – Точка доступа: <http://www.litmir.co/br/?b=104906> (Дата обращения: 12.09.2015).
  134. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – 228 с.
  135. Субботина И.К. Языковая и литературная личность А. Гайдара в лингвориторических параметрах советского художественно-идеологического дискурса: дисс... канд. филол. наук: 10.02.19 / И.К. Субботина. – Сочи, 2011. – 232 с.
  136. Сувалов А.Е. Международная политика и международные структуры противодействия терроризму в государствах СНГ и ШОС в конце XX - начале XXI века: автореферат дис. ... канд. политических наук: 23.00.04 / А.Е. Сувалов. – М., 2007. – 25 с.

137. Сусов И.П. Говорящая личность в лингвосоциальном и лингвопрагматическом пространствах / И.П. Сусов // Социальная стратификация языка: материалы межвузовск. конф. пятигорск. гос. пед. ин-та иностр. яз. – Пятигорск, 1989. С. 57–59.
138. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика / И.П. Сусов. – М.: «Восток - Запад», 2006. – 200 с.
139. Сухих С.А. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса / С.А. Сухих, В.В. Зеленская. – Краснодар: Кубанск. гос. ун-т, 1998. – 159 с.
140. Сухих С.А. Типология языкового общения / С.А. Сухих // Язык, дискурс и личность : межвуз. сб. науч. тр. – Тверь: ТГУ, 1990. – С. 43–51.
141. Третьякова В. С. Конфликт глазами лингвиста / В.С. Третьякова // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. - Барнаул, 2000. – С. 127–140.
142. Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания / Н.С. Трубецкой // Вавилонская башня-2: Слово. Текст. Культура. Чтения 2002–2003. М., 2003. С. 7–12.
143. Узнадзе Д.Н. Общая психология / Д.Н. Узнадзе. Пер. с грузинского Е. Ш. Чомахидзе; Под ред. И. В. Имедадзе. – М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. – 413 с.
144. Узнадзе Д.Н. Психология установки / Д.Н. Узнадзе. – Спб.: Питер, 2001. – 416 с.
145. Фанян Н.Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Н.Ю. Фанян. – Краснодар: Кубанск. гос. ун-т, 2000. – 240 с.
146. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. – С. 52–89.

147. Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов в анализе речевого общения в лингвистике в риторике / Д. Франк // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. – С. 363–373.
148. Фэрклоу Н. Диалектика дискурса [Электронный ресурс] / Н. Фэрклоу // Современный дискурс-анализ. – Точка доступа: <http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/norman/2001a.doc> (Дата обращения: 13.01.2011)
149. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности [Электронный ресурс] / М. Фуко. – Точка доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_vol/02.php (Дата обращения 15.09.2012).
150. Хакуй М.А. Лингвокогнитивные способы экспликации ментальности языковой личности Джона Голсуорси: дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.А. Хакуй. – Майкоп, 2011. – 177 с.
151. Хилалова Н.Г. Функционально-прагматический аспект блокирующей уступки в контексте бытового конфликтного дискурса в современном немецком языке: автореферат. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.Г. Хилалова. – Иркутск, 2004 – 27 с.
152. Хилалова Н.Г. Функционально-прагматические особенности реализации речевого акта уступки и речевого акта согласия в контексте бытового конфликтного дискурса / Н.Г. Хилалова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – Иркутск: изд-во ИГЛУ. Вып. 4 (12). С. 49–55
153. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума / М.А. Холодная – СПб.: Питер, 2004. – 2-е изд. – 384 с
154. Хорни К. Самоанализ [Электронный ресурс] / К. Хорни. – М.: Смысл, 1997. Точка доступа: <http://tululu.org/read55753/1/> (Дата обращения: 21.03.2014).
155. Цицерон М.Т. Диалоги [Электронный ресурс] / М.Т. Цицерон. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир» – «Наука», 1994. – Точка доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1414870001> (Дата обращения: 13.12.2013).

156. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. Учебное пособие / В.Е. Чернявская. – М.: «Флинта», «Наука», 2006. – 136 с.
157. Шарафутдинова Э.Ф. Этноконфессиональный фактор в чеченском конфликте: политологический анализ: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Э.Ф. Шарафутдинова. – Ростов-на-Дону, 2007. – 24 с.
158. Шарп Дж. От диктатуры к демократии [Электронный ресурс] / Дж. Шарп. – Albert Einstein Institution, 1993. – Точка доступа: http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf (Дата обращения: 12.09.2015).
159. Шевченко О.Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б.В. Заходера): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.Н. Шевченко. – Волгоград, 2005. – 22 с.
160. Шелдон У. Анализ конституциональных различий по биографическим данным / У.Шелдон // Психология индивидуальных различий. Тексты. – М., 1982. – С. 252–261.
161. Ширяев Е.Н. Что такое разговорный диалог? [Электронный ресурс] / Е.Н. Ширяев // Русский язык: Исторические судьбы и современность: Труды и материалы междунар. конгресса, Москва, 13–16 марта 2001 г. – Точка доступа: <http://www.fixed.ru/prikling/conf/stilsist3/chtotwnegudh.html> (Дата обращения: 12.07.2012)
162. Шуваева А.В. Основы психолингвистики [Электронный ресурс] / А.В. Шуваева. – Рязань, 2008 – Точка доступа: <http://www.rsu.edu.ru/files/e-learning/Shuvaeva/> (Дата обращения: 15.09.2015).
163. Щербина Е.А. Этническая конфликтология : Региональный аспект: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Е.А. Щербина. – Ставрополь, 2005. – 180 с.
164. Юнг К. Г. Психологические типы / К.Г. Юнг; под ред. В. Зеленского; пер. С. Лорие. – СПб.: Азбука, 2001. – 736 с.
165. Якубинский Л.П. Избранные работы: Язык и его функционирование / Л.П. Якубинский. Отв. ред. А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1986. – 207 с.

166. Ярмаркина Г.М. Просьба, приказ, предложение, убеждение, уговоры и способы их выражения в русской разговорной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Г.М. Ярмаркина. – Саратов, 2001. – 18 с.
167. Яскевич Я.С. Научная аргументация: логико-коммуникативные параметры / Я.С. Яскевич // Речевое общение и аргументация. – СПб.; Амстердам: С.-Петербургск. гос. ун-т, 1993. Вып.1. – С. 93–101.
168. Brown P. Speech as a Marker of Situation / P.Brown, C. Fraser // Social Markers of Speech / ed. by K. R. Scherer H. Giles. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979. – P. 33–62.
169. Chafe W. Discourse, consciousness, and time / W. Chafe. – Chicago: University of Chicago Press, 1994 – 327 p.
170. Ducrot O. Dire et ne pas dire / O. Ducrot. – Paris: Herman, 1972. – 311 p.
171. Eemeren F.H. van. Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments / F.H. van Eemeren, R. Grootendorst, A.F. Snoeck Henkemans. – Mahwah (N.J.). – Erlbaum, 1996. – 424 p.
172. Futuyma D.J. Evolution – NY: Sinauer Associates, 2005. - 603 p.
173. Gumperz John J. Discourse Strategies / J.J. Gumpertz. – Cambridge University Press, 1982 - 225 p
174. Grice H.P. Utterer's meaning and intentions / Grice H.P. // Philosophical Review, 1969. – Vol.78. – P. 54-70.
175. Henkemans A.F. Snoeck. Analyzing Complex Argumentation. The Reconstruction of Multiple and Coordinatively Compound Argumentation in a Critical Discussion / A.F. Snoeck Henkemans. – Amsterdam: Sicsat, 1992. – 170 p.
176. Hocker J. L., Wilmot W.W. Interpersonal Conflict / J.L. Hocker. – Madison, Wisconsin. Dubuque, Iowa : WCB Brown and Benchmark publishers, 1995 – 299p.
177. Johnson-Laird P.N. Mental Models: Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness / P.N. Johnson-Laird. – London: Cambridge University Press, 1983 – 335 c

178. Kahane H. *Logic and Contemporary Rhetoric* / H. Kahane. – Belmont, California: Wadsworth, 1984. – 321 p.
179. Klein S. *Identity Management in Argumentative Discourse* / S. Klein // *Proceedings of the Conference on Argumentation* / ed. by F.H. van Eemeren et. al. – Dordrecht: Foris, 1987. Vol. 1. – P. 217–227.
180. Knapp P. *One World – Many Worlds: Contemporary Sociological Theory* (2nd Ed.) / P. Knapp. – Harpercollins College Div, 1994. pp. 228–246.
181. Leech G.H. *Principles of Pragmatics* / G.H. Leech. – NY, London: Longman, 1983. – 250 p.
182. Macionis J. *Sociology*. 14 edition. — Pearson Education, 2011. — 707 p. URL: <http://www.twirpx.com/file/898665/>
183. Perelman Ch. *The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation* / Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca – Notre Dame; London: University of Notre Dame Press, 1969. – P. 193–200.
184. Schank R.C. *Scripts, plans, goals and understanding: an inquiry into human knowledge structures* / R.C. Schank, R.P. Abelson. – Erlbaum, 1977 – 248 p.
185. Schiffrin D. *Approaches to Discourse: Language as Social Interaction* / D. Schiffrin. – Oxford, Cambridge, Mass., 1994 – 470 p.
186. Sears A. *A Good Book, in theory: A Guide to Theoretical Thinking* / A. Sears. – University of Toronto Press, 2005 – 176 p.
187. Thagard P. *Mind: An Introduction to Cognitive Science* [Electronic resource] / P. Thagard. – MIT Press, 1996. – URL: <http://bookre.org/reader?file=1140575&pg=1> (Дата обращения: 15.04.2012)
188. Toulmin S.E. *The Uses of Argument Updated Ed.* / S.E. Toulmin. – NY.: Cambridge University Press, 2003 – 251 p.
189. Van Dijk T.A. *Macrostructures. An Interdisciplinary Study of Global Structures in Discourse, Interaction, and Cognition* / T.A. van Dijk. – Lawrence Erlbaum Associates Publishers, Hillsdale, New Jersey, 1980. – 317 c.
190. Van Dijk T.A. *Semantic Macro-Structures and Knowledge Frames in Discourse Comprehension* [Electronic resource] /T.A. van Dijk. – Hillsdale: Lawrence Erl-

baum Associates, 1977. – URL: <http://www.discourses.org/download/articles/> (Дата обращения: 14.04.2012).

191. Walton D. A Pragmatic Theory of Fallacy / D. Walton. – London, Tuscaloosa: the University of Alabama Press, 1995. – 324 p.

СПИСОК ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

Источники примеров

1. Amber vs Eric Fight Big Brother 8 [Electronic resource] – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xPWyIbwT7tc&index=7&list=PLuC3N0PCgg0yB65DUpg25wpMoZ9Ae3C8S> (Дата обращения: 15.05.14).
2. America's Next Top Model // Fights [Pt.1] [Electronic resource] – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IL5ZVpJCxjE> (Дата обращения: 10.06.15).
3. America's Next Top Model // Fights [Pt.2] [Electronic resource] – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CJMQjqKwYIQ> (Дата обращения: 25.06.15).
4. ANTM Ciclo 16 - Alexandría VS Brittani [Electronic resource] – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=X-dVgY6L4Ps> (Дата обращения: 15.02.2013).
5. Big Brother 11 through 14 Fights [Electronic resource] – URL: https://www.youtube.com/watch?v=mARhntI_wio (Дата обращения: 21.10.15).
6. Big Brother 2 [Electronic resource] – URL: https://www.youtube.com/watch?v=HZ0-k_9gWo4&list=PL5795CD2D66F7649C (Дата обращения: 16.04.13).
7. Big Brother 6 [Electronic resource] – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Qfnji9dz9CA&list=PL2C70A55FEE272E13> (Дата обращения: 04.06.13).
8. Big Brother 8 Dick Taunts Jen As She Eats (smoke & slap) [Electronic resource] – URL:

- <https://www.youtube.com/watch?v=l4VqDa6IxA&index=49&list=PLuC3N0PCgg0yV3sUL1-TdMUFvQjcatFky> (Дата обращения: 25.12.15).
9. Big Brother 8 through 10 Fights [Electronic resource] – URL:<https://www.youtube.com/watch?v=pweefOFEuOI> (Дата обращения: 08.10.15).
  10. Compilation de clashes de Secret Story [Electronic resource] – URL:<https://www.youtube.com/watch?v=pWLP2hvdJog> (Дата обращения: 26.08.15).
  11. Danielle and Nick And Dick Vs Jen Fight Big Brother 8 [Electronic resource] – URL:
<https://www.youtube.com/watch?v=awhsGNHXkVc&index=10&list=PLuC3N0PCgg0yB65DUpg25wpMoZ9Ae3C8S> (Дата обращения: 25.06.15).
  12. Dick Vs Jameka Fight Big Brother 8 [Electronic resource] – URL:
<https://www.youtube.com/watch?v=0c72CM660Ho&index=6&list=PLuC3N0PCgg0yV3sUL1-TdMUFvQjcatFky> (Дата обращения: 19.12.15).
  13. "Evel Dick" Donato | Big Brother 8 [Electronic resource] – URL:
<https://www.youtube.com/watch?v=5BsUfDLhUWA&list=PLuC3N0PCgg0yB65DUpg25wpMoZ9Ae3C8S&index=2> (Дата обращения: 26.12.15).
  14. Quotidiennes - saison 3 secret story [Electronic resource] – URL:
<https://www.youtube.com/watch?v=7qNyGZWS9J0> (Дата обращения: 30.06.14).
  15. Quotidiennes - saison 4 secret story [Electronic resource] – URL:
<https://www.youtube.com/playlist?list=PL45rM43czDfuQg6hm1jPy40ou-uBRGz6p> (Дата обращения: 22.07.14).
  16. Quotidiennes - saison 7 secret story [Electronic resource] – URL:
<https://www.youtube.com/watch?v=jG1SAuJGU1w&list=PL4I2w-AWWfZndTUI5IGg6Q5C4HvnFPyxo> (Дата обращения: 29.08.15).
  17. Reasons Why Big Brother Season 8 was a disgrace [Electronic resource] – URL:
<https://www.youtube.com/watch?v=1rwzHI0wGug&index=33&list=PLuC3N0PCgg0yB65DUpg25wpMoZ9Ae3C8S> (Дата обращения: 25.10.15).

18. Дом 2 дурдом полный! Драки скандалы [Электронный ресурс] – Точка доступа:
<https://www.youtube.com/playlist?list=PLxzG22ZxvKSrOx3Qz8spVKppwIWeNR9cW> (Дата обращения: 12.03.15).
19. Дом - 2 [Электронный ресурс] – Точка доступа: <http://dom2.ru/efir> (Дата обращения: 27.02.16).
20. Каникулы в Мексике 1 Сезон "Все Выпуски по порядку!" [Электронный ресурс] – Точка доступа:
<https://www.youtube.com/playlist?list=PLm3KuuEv7YQnJi2sCtG5w5EB6CSzewArs> (Дата обращения: 20.05.14).
21. Каникулы в Мексике 2 Сезон "Все Выпуски по порядку!" [Электронный ресурс] – Точка доступа:
<https://www.youtube.com/playlist?list=PLm3KuuEv7YQlpXlrkA0iKlgSNzqqQ-zLw> (Дата обращения: 20.05.14).
22. Популярные видео Big brother 8 [Electronic resource] – URL:
<https://www.youtube.com/playlist?list=PLuC3N0PCgg0yB65DUpg25wpMoZ9Ae3C8S> (Дата обращения: 24.01.14).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Количественные данные об ошибках аргументации в исследуемом материале

№	Ошибка	Количество	
1.	Священная точка зрения	118	
2.	Табу на точку зрения	26	
3.	Аргумент к дубине – argumentum ad baculum	888	
4.	Аргумент к жалости – argumentum ad misericordiam	525	
5.	Аргумент к человеку – argumentum ad hominem	Прямая атака	890
		Косвенная атака	511
		И ты – «tu quoque»	321
6.	Перенос бремени доказательства на оппонента	89	
7.	Отстранение от бремени доказывания	Личные гарантии вместо аргументации	321
		Общеизвестность точки зрения	76
8.	«Фиктивный противник»	512	
9.	Приписывание точки зрения оппоненту как члену определенной группы людей	95	
10.	Преувеличение точки зрения путем ее упрощения	211	
11.	Подмена тезиса/Ignoratio elenchi	391	
12.	Не-аргументация	патетическая ошибка – pathos	864
		argumentum ad vericundiam - аргумент «к авторитету»	98
13.	Отказ от невыраженной посылки	113	
14.	Расширение невыраженной посылки	146	
15.	Антагонист отрицает факт, что посылка принадлежит к исходным положениям	21	
16.	Протагонист ложно представляет посылку как принадлежащую к исходным посылкам	Ошибка многих вопросов	99
		Ошибка кругового доказательства / petitio principia	87

17.	Неверная схема	Обращение к мнению народа	102
		Argumentum ad consequentiam / аргумент к следствию	165
18.	Некорректное употребление схемы	Поспешное обобщение – secundum quid	199
		Ложная аналогия	97
		«После этого, следовательно, по причине этого» - post hoc ergo propter hoc	50
		«Скольжение вниз» - a slippery slope	132
19.	modus ponens		65
20.	modus tollens		70
21.	Ошибка объединения		82
22.	Ошибка разъединения		67
23.	Отказ снять точку зрения, которая не была успешно доказана.		759
24.	Вывод верности точки зрения, поскольку не было доказано обратное (argumentum ad ignorantiam)		167
25.	Неточность		324
26.	Двусмысленность		91
27.	Неясность		204

Типы психологических установок у конфликтующих личностей

№	Участник	Количество конфл. ситуаций	Сотрудничество	Избегание	Компромисс	Приспособление	Конфронтация
<i>Динамический тип</i>							
1.	Оля	23	15	2	4	0	2
2.	Александра	15	7	2	1	2	3
3.	Александр	18	8	3	5	0	2
4.	Наталья	13	10	0	2	0	1
5.	Никита	22	14	3	2	0	3
6.	Дарья	26	18	1	4	0	3
7.	Сергей	21	10	3	2	1	5
8.	Стас	23	13	5	2	1	2
9.	Евгений	13	6	0	3	0	3
10.	Анна	9	4	2	0	2	1
11.	Jameka	14	8	0	4	0	2
12.	Daniele	15	10	3	0	0	2
13.	Karen	10	4	2	1	1	2
14.	Marvin	8	5	1	1	1	0
15.	Lisa	12	5	2	3	1	1
16.	Drew	11	4	1	4	2	0
17.	Eric	7	5	0	2	0	0
18.	Roddy	11	6	1	2	1	1
19.	Bruno	10	4	3	1	2	0
20.	Romain	9	3	1	3	0	2
21.	François-Xavier	9	5	1	1	1	1
22.	Maija	13	5	0	3	3	2
23.	Didier	6	4	0	2	0	0
24.	Tonyu	8	5	1	1	0	1
25.	Senna	9	4	0	2	0	3
Общее количество /Процентное		336/100	182/55	37/11	55/17	18/5	42/12

<i>отношение</i>							
<i>Статический тип</i>							
26.	<i>Марина</i>	18	2	8	8	0	0
27.	<i>Егор</i>	19	4	5	6	3	1
28.	<i>Ольга</i>	26	9	12	1	0	4
29.	<i>Мария</i>	10	3	6	1	0	0
30.	<i>Наталья</i>	12	1	4	7	0	0
31.	<i>Иван</i>	6	0	3	3	0	0
32.	<i>Роман</i>	14	3	4	4	3	0
33.	<i>Антон</i>	9	2	3	2	0	2
34.	<i>Ben</i>	10	2	4	3	1	0
35.	<i>Sonya</i>	12	0	6	5	1	0
36.	<i>Jason</i>	6	1	3	2	0	0
37.	<i>Michael</i>	9	0	4	4	1	0
38.	<i>Will</i>	5	0	2	2	1	0
39.	<i>Amy</i>	9	3	5	1	0	0
40.	<i>Jennifer</i>	6	1	2	2	1	0
41.	<i>Holly</i>	10	2	3	3	1	1
42.	<i>Diane</i>	12	3	4	4	1	0
43.	<i>Will</i>	8	1	4	3	0	0
44.	<i>Angie</i>	14	2	4	6	0	2
45.	<i>Emilie</i>	7	0	3	4	0	0
46.	<i>Romain</i>	6	1	1	3	1	0
47.	<i>Vanessa</i>	9	2	2	5	0	0
48.	<i>Nick</i>	10	2	3	1	3	1
49.	<i>Sabrina</i>	13	3	3	4	1	2
50.	<i>Marcellas</i>	5	0	2	3	0	0
	<i>Общее количество /Процентное отношение</i>	265/100	47/17	100/38	87/33	18/7	13/5
<i>Вариабельно-лабильный тип</i>							
51.	<i>Игорь</i>	10	2	3	2	2	1
52.	<i>Евгений</i>	6	1	2	1	2	0
53.	<i>Анна</i>	8	0	5	0	3	0
54.	<i>Ксюша</i>	7	0	2	0	5	0
55.	<i>Мария</i>	12	4	3	2	3	0
56.	<i>Олеся</i>	9	1	2	3	3	0
57.	<i>Павел</i>	5	3	1	0	1	0

58.	<i>Антон</i>	6	1	2	0	3	0
59.	<i>Екатерина</i>	4	0	1	1	2	0
60.	<i>Егор</i>	9	2	2	2	3	0
61.	<i>Jessica</i>	5	0	1	0	4	0
62.	<i>Alison</i>	4	1	1	0	2	0
63.	<i>David</i>	8	1	2	1	4	0
64.	<i>Amanda</i>	6	2	1	1	2	0
65.	<i>Justine</i>	7	1	1	1	4	0
66.	<i>April</i>	9	0	3	2	4	0
67.	<i>Kail</i>	4	0	1	1	2	0
68.	<i>Ashlea</i>	7	2	1	0	4	0
69.	<i>Anthony</i>	9	3	2	2	2	0
70.	<i>Maxime</i>	9	1	2	1	5	0
72.	<i>Morgane</i>	6	2	1	1	2	0
73.	<i>Bastien</i>	5	0	3	0	2	0
74.	<i>Jonathan</i>	7	1	1	2	3	0
75.	<i>Martin</i>	8	0	2	0	6	0
<i>Общее количество /Процентное отношение</i>		<i>170/100</i>	<i>29/17</i>	<i>45/26</i>	<i>23/14</i>	<i>73/43</i>	<i>1/0</i>
<i>Вариабельно-стабильный тип</i>							
76.	<i>Александр</i>	<i>34</i>	<i>4</i>	<i>0</i>	<i>5</i>	<i>0</i>	<i>25</i>
77.	<i>Либерж</i>	<i>36</i>	<i>3</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>0</i>	<i>28</i>
78.	<i>Катя</i>	<i>37</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>2</i>	<i>0</i>	<i>30</i>
79.	<i>Элина</i>	<i>25</i>	<i>4</i>	<i>2</i>	<i>2</i>	<i>2</i>	<i>15</i>
80.	<i>Андрей</i>	<i>31</i>	<i>7</i>	<i>0</i>	<i>5</i>	<i>0</i>	<i>19</i>
81.	<i>Алена</i>	<i>23</i>	<i>4</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>1</i>	<i>15</i>
82.	<i>Настя</i>	<i>26</i>	<i>5</i>	<i>2</i>	<i>2</i>	<i>2</i>	<i>15</i>
83.	<i>Николай</i>	<i>24</i>	<i>3</i>	<i>0</i>	<i>2</i>	<i>0</i>	<i>19</i>
84.	<i>Венцеслав</i>	<i>18</i>	<i>0</i>	<i>4</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>9</i>
85.	<i>Рустам</i>	<i>20</i>	<i>1</i>	<i>0</i>	<i>1</i>	<i>0</i>	<i>18</i>
86.	<i>Алиана</i>	<i>24</i>	<i>7</i>	<i>3</i>	<i>3</i>	<i>1</i>	<i>10</i>
87.	<i>Jen</i>	<i>20</i>	<i>0</i>	<i>3</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>12</i>
88.	<i>Evel Dick</i>	<i>22</i>	<i>0</i>	<i>0</i>	<i>5</i>	<i>0</i>	<i>17</i>
89.	<i>Chiara</i>	<i>12</i>	<i>1</i>	<i>1</i>	<i>3</i>	<i>0</i>	<i>7</i>
90.	<i>Gerald</i>	<i>15</i>	<i>2</i>	<i>2</i>	<i>1</i>	<i>0</i>	<i>10</i>
91.	<i>Josh</i>	<i>8</i>	<i>0</i>	<i>1</i>	<i>1</i>	<i>0</i>	<i>6</i>
92.	<i>Lori</i>	<i>15</i>	<i>3</i>	<i>1</i>	<i>3</i>	<i>0</i>	<i>8</i>

93.	<i>Natalie</i>	10	0	0	1	0	9
94.	<i>Amélie</i>	19	5	2	0	0	12
95.	<i>Anaïs</i>	14	3	1	4	0	6
96.	<i>Florine</i>	15	1	2	3	1	8
97.	<i>Anne-Krystel</i>	12	0	0	2	0	10
98.	<i>Kevin</i>	5	0	1	0	0	4
99.	<i>Léo</i>	9	0	0	0	0	9
100.	<i>Drew</i>	10	2	1	1	0	6
<i>Общее количество /Процентное отношение</i>		484/100	57/12	32/7	55/11	13/3	327/67